

АХМЕТ БАЙТҰРСЫНХАЛЫ
СТАНДАРТ

ТІЛ БІЛІМІ
ИНСТИТУТЫ

1743

А.Е.ГОРШКОВ

РОЛЬ
РУССКОГО ЯЗЫКА
В РАЗВИТИИ
И ОБОГАЩЕНИИ
ЧУВАШСКОЙ
ЛЕКСИКИ

А.Е.ГОРШКОВ

Роль
РУССКОГО ЯЗЫКА
В РАЗВИТИИ
И ОБОГАЩЕНИИ
ЧУВАШСКОЙ
ЛЕКСИКИ

ТІЛ БІЛІМІ
ИНСТИТУТЫ

ЧУВАШСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Чебоксары — 1963

Необходимо оговориться, что при изучении вопроса о наиболее ранних русских заимствованиях автор книги был лишен возможности хотя бы приблизительно датировать проникновение тех или иных русских слов в чувашский язык ввиду отсутствия письменных источников.

Учитывая, что проникновение русской лексики в чувашский язык непосредственно связано со сношениями чувашей с русским народом, автор настоящего исследования использовал историческую литературу, характеризующую экономические и культурные связи чувашского народа с русскими, что помогло ему приблизительно датировать проникновение некоторых русских слов в чувашский лексикон.

При исследовании вопроса о более поздних заимствованиях использованы письменные источники по чувашскому языку, относящиеся к XVIII—XIX векам. Разумеется, автор данной книги не мог обойти и 17-томный словарь чувашского языка, составленный крупным тюркологом и чувашеведом проф. Н. И. Ашмариним. Этот словарь, справедливо считающийся энциклопедией жизни чувашского народа, дает богатый и интересный материал для исследования настоящей темы.

Примеры, приводимые в работе из старых и новых изданий, в отношении орфографирования в основном берутся в том же виде, в каком они даны в источнике, лишь некоторые старые чувашские буквы по техническим причинам заменены новыми. По этим же причинам вместо некоторых букв, принятых в азбуках тюркских языков, соответственно даны другие, имеющиеся в чувашской азбуке.

Автор выражает глубокую благодарность проф. С. П. Горскому, проф. В. Г. Егорову, доценту Чувашского государственного педагогического института И. П. Павлову, научному сотруднику ЧНИИЯЛИЭ М. И. Скворцову и др. за ценные советы и указания, способствовавшие улучшению работы.

Автор

ТІЛ БІЛІМІ
ИНСТИТУТЫ

ВВЕДЕНИЕ

Один из обширных и богатых источников обогащения лексики чувашского языка, как и всех других национальных языков СССР¹,—это заимствование из великого русского языка и через него из других языков мира. Всестороннее и тщательное исследование явлений, происходящих в советскую эпоху в развитии чувашского языка, показывает, что влияние русского языка на чувашский столь огромно, что оно сказывается не только в словарном составе, но и в фонетике и синтаксическом строе последнего. Следовательно, мы имеем дело не с обычным заимствованием из одного языка в другой. Говоря об величии и мощи русского языка, академик В. В. Виноградов подчеркивает: «Русский язык имеет *громадное, организующее* (курсив наш.—А. Г.) влияние на все языки народов СССР... как язык высокой культуры, является идеалом и образцом для языков других национальностей»². Профессор В. Г. Егоров замечает: «В современном чувашском языке нет такой области, в кото-

¹ О прогрессивном влиянии русского языка на языки народов СССР см. следующие работы: В. В. Виноградов. Великий русский язык. Госполитиздат, 1945; Ю. Д. Дешериев. Развитие младописьменных языков народов СССР. Учпедгиз, 1958; Н. Ф. Цыганов. Русские и интернациональные заимствования в мордовских языках. М., 1950; С. А. Бурнашева. Влияние русского языка на развитие словарного состава татарского языка. «Доклады и сообщения» Института языкознания, 1955; М. П. Пулатов. Роль русского языка в развитии и обогащении словарного состава узбекского языка. Ташкент, 1956; С. К. Казарян. Роль русского языка в обогащении и развитии современного армянского языка. Автореферат диссертации, представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук. Ереван, 1952; Х. Б. Бугазов. Русская лексика в дунганском языке. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 1954; сб. «Социалистические нации СССР», М., 1955; И. А. Исмаилов. Русско-советско-интернациональная лексика в уйгурском языке. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Л., 1953 и многие другие.

² В. В. Виноградов. Великий русский язык. Госполитиздат, 1945, стр. 158.

рой бы не фигурировали русские и интернациональные слова»³.

Говоря о прогрессивном влиянии русского языка на развитие и обогащение чувашской лексики, необходимо отметить, что в советскую эпоху великий русский язык, по образному выражению, стал вторым родным языком для чувашей, как и для многих других национальностей СССР. «Происходящий в жизни процесс добровольного изучения, наряду с родным языком, русского языка,— говорится в Программе КПСС,— имеет положительное значение, так как это содействует взаимному обмену опытом и приобщению каждой нации и народности к культурным достижениям всех других народов СССР и к мировой культуре. Русский язык фактически стал общим языком межнационального общения и сотрудничества всех народов СССР...»⁴

Русский язык изучается чувашами, как и людьми всех других нерусских национальностей СССР, в школах, техникумах, высших учебных заведениях. Интересно заметить, что в первые десятилетия Советской власти среди чувашских женщин было сравнительно мало людей, владеющих русским языком или понимающих его. Большой интерес представляют в данном отношении наблюдения, которые вел известный русский лингвист А. М. Селищев над языком верховых чувашей. В 1921 году он приехал в Чувашию. Целью этой поездки было собирание материалов лингвистического и отчасти этнографического характера по вопросу о культурных и языковых взаимоотношениях чувашей с соседними народами, главным образом с русским народом. В своей работе «Русские говоры Казанского края и русский язык у чуваш и черемис» он пишет: «Чем сильнее чувашин охвачен в силу тех или иных обстоятельств (пребывание в городе, в школе, на службе) общерусской культурной жизнью, тем значительнее и многочисленнее русские элементы в его родной, чувашской речи. В речи женщин такого сильного проникновения русизмов не заметно. Чуваш-мужчины все владеют в той или иной степени

³ В. Г. Егоров. Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении. Чебоксары, 1954, стр. 68 (далее везде «Совр. чувашск. лит. язык»).

⁴ Материалы XXII съезда КПСС. Госполитиздат, М., 1961, стр. 407.

русским языком... Что касается чувашек, то немало и среди них найдется знающих или понимающих русский язык. Но большинство чувашек не знает русского языка, кроме отдельных слов и сочетаний...»⁵

Какая же картина предстает перед нами сегодня? Несомненно, что в настоящее время трудно найти хотя бы одну молодую или средних лет женщину, которая бы не знала и не понимала русского языка.

Такое добровольное изучение языка великого русского народа — один из путей массового проникновения в чувашский язык русизмов и интернационализмов.

Говоря о роли русского языка в обогащении чувашской лексики в советскую эпоху, нельзя забывать и о том влиянии, которое он оказывал на обогащение чувашского языка в дооктябрьскую эпоху.

Интересно проследить историю взаимоотношений чувашей с русскими. Они с древнейших времен жили в непосредственном соседстве с русским народом. Судя по языковым данным, можно предполагать, что сношения русских с чувашами начались еще с VIII—IX вв. «... чувашаи жили на занимаемой ими территории с давних времен, в непосредственном соседстве с русскими... есть все основания предполагать, что сношения русских с чувашами начались с очень раннего времени, по крайней мере с IX в.»⁶ Это же отмечают и авторы книги «Русское население Чувашской АССР» Е. П. Бусыгин и Н. В. Зорин, которые пишут: «...в IX—XII веках между русскими княжествами и Волжской Булгарией существовали тесные экономические и культурные отношения, способствовавшие проникновению русских в районы Средней и Нижней Волги и их ассимиляции с местным населением»⁷.

Из истории известно, что многие народности Поволжья, в том числе и чувашский народ, в течение ряда столетий находились под властью Казанского ханства. Их

⁵ А. М. Селищев. Русские говоры Казанского края и русский язык у чуваш и черемис. РАНИОН, Институт языка и литературы. Ученые записки, т. 1, М., 1927, стр. 46 (далее везде «Русские говоры Казанск. края»).

⁶ М. Н. Тихомиров. Присоединение Чувашии к Русскому государству. Журн. «Советская этнография», 1950, № 3, стр. 94.

⁷ Е. П. Бусыгин, Н. В. Зорин. Русское население Чувашской АССР. Чебоксары, 1960, стр. 32 (далее везде «Русское население Чувашск. АССР»).

сильно эксплуатировали татарские феодалы. Кроме того, в течение нескольких лет на территории Среднего Поволжья шли кровопролитные сражения между русскими князьями и кочевниками. Беспрерывные военные походы и события измучили народы Среднего Поволжья, в том числе и чувашский народ. Поэтому «...чуваша нашли более выгодным находиться под властью более крупного и лучше управляемого централизованного Русского государства. В 1551 году в Москву чувашские феодалы отправили специальное посольство с просьбой принять чувашей в русское подданство...»⁸

В момент присоединения чувашей к Русскому государству они в экономическом отношении были слабыми, у них не было своего государства. Даже национальное имя чувашей не было известно соседним народам. В первой половине XVI века в их жизни произошли важные перемены. По-видимому, именно к этому времени относится окончательное утверждение особого национального имени чувашей. Акад. М. Н. Тихомиров высказывает мнение о том, что «...отпадение чувашей от Казанского царства произошло ранее построения Свияжска и прихода царских войск в Чувашию. Следовательно, оно не было действием, вызванным чисто внешними обстоятельствами, а явилось следствием длительных сношений чувашей с русскими»⁹.

Присоединение Чувашии к Русскому государству было исторически прогрессивным явлением. Оно освободило чувашский народ от многовекового ига татарских ханов и феодалов, приобщало чувашей к более высокой культуре, способствовало подъему производительных сил. С этого момента начинается новый этап взаимоотношений между русским и чувашским народами, культурное влияние русских на чувашей становится все шире и глубже. Русские люди целыми группами переезжают жить к чувашам, которые охотно их принимают, считают своими друзьями, учителями. Как рассказывают архивные документы, чувашские крестьяне охотно сели-

⁸ Проф. Н. И. Воробьев, А. Н. Львова, Н. Р. Романов, А. Р. Симонова. Чуваша (Этнографическое исследование), ч. I, Чебоксары, 1956, стр. 39—40 (далее везде «Чуваши»).

⁹ М. Н. Тихомиров. Присоединение Чувашии к Русскому государству, стр. 95.

лись вместе с русскими, образовывали смешанные селения¹⁰.

Говоря о взаимоотношениях чувашей с русскими, нельзя забывать и о том, что первые в поисках заработков вынуждены были нередко выезжать за пределы Чувашии: в русские города Поволжья (Астрахань, Нижний Новгород, Самару и др.), на Урал и в другие места, где они нанимались на сезонные работы. Из истории известно также и то, что чувашаи активно участвовали в восстаниях русского крестьянства под предводительством Болотникова и Булавина, Степана Разина и Емельяна Пугачева, что играло большую роль в проникновении русских слов в чувашский язык. Не могли не отразиться на чувашском языке также рекрутские наборы и военная служба.

Русская администрация на территории Чувашии открывала школы и училища, в них работали русские учителя и попы, которые не знали чувашского языка, преподавание велось на русском языке.

Кроме того, в чувашских деревнях все чаще и чаще стали появляться русские ремесленники (бондари, красильщики, набойщики, портные, кузнецы, кожевники, печники, плотники, столяры и другие). Работая среди чувашей, они обучали их своему ремеслу и знакомили со своим бытом. В результате такого общения к чувашам проникали промышленные товары, в том числе фабричные ткани, стал меняться быт чувашей¹¹. Все это, несомненно, оставило заметные следы в лексике чувашского языка. Она пополнялась русскими заимствованными словами, обозначающими все те предметы, которые проникали к чувашам от русских.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции начинается качественно новый этап во взаимоотношениях нерусских национальностей с русским народом. Это выражается в политической и экономической общности народов СССР. В Программе КПСС говорится: «Опираясь на взаимную братскую помощь, в первую очередь на помощь великого русского народа,

¹⁰ См. Н. Р. Романов. Прогрессивное влияние русской культуры на чувашский народ (по этнографическим данным). Ч. I, стр. 108. Рукопись хранится в Научном архиве Чувашского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики.

¹¹ См. «Чуваши», стр. 47.

все советские национальные республики создали у себя современную промышленность, национальные кадры рабочего класса и интеллигенции, развили национальную по форме, социалистическую по содержанию культуру»¹². Прогрессивное влияние русской культуры на чувашскую, как и на культуру других наций, в советскую эпоху поднялось на новую, высшую ступень. Чувашский народ за годы Советской власти воспринял и продолжает воспринимать через великий русский язык бессмертные идеи марксизма-ленинизма, понятия социалистической действительности.

То, что в чувашский язык, как и в языки других народов СССР, в массовом масштабе заимствованы и заимствуются русские слова и через русский язык интернационализмы, объясняется именно указанными здесь обстоятельствами.

Один из важных и принципиальных вопросов, связанных с темой настоящего исследования, — это вопрос об отношении к заимствованным словам.

В условиях нашего многонационального государства он тесно связан с национальным вопросом, так как язык — это один из основных признаков нации. Если злоупотребление заимствованиями в ущерб национальной самобытности другого, заимствующего, языка ведет к великодержавному шовинизму, то пуристический отказ от всех заимствованных слов является не чем иным, как проявлением буржуазного национализма. В своем отношении к заимствованным словам мы должны исходить из известных высказываний классиков марксизма-ленинизма о языке, в частности о заимствовании иноязычных слов.

В произведениях классиков марксизма-ленинизма имеются высказывания, непосредственно касающиеся заимствованных слов. Из них вытекает два основополагающих вывода.

Фридрих Энгельс в предисловии к первому немецкому изданию брошюры «Развитие социализма от утопии к науке», писал: «...первоначально она (т. е. книга «Развитие социализма от утопии к науке». — А. Г.) была написана вовсе не для непосредственной массовой пропаганды. Как могла подойти для этой цели работа, прежде

¹² Материалы XXII съезда КПСС, стр. 330.

всего чисто научная? Какие изменения необходимы были по форме и по содержанию?

Что касается формы, то сомнения могло вызвать лишь обилие иностранных слов. Но уже Лассаль в своих речах и пропагандистских брошюрах отнюдь не скупился на иностранные слова, а, насколько мне известно, на это не жаловались. С того времени наши рабочие стали гораздо больше и гораздо регулярнее читать газеты, а поэтому гораздо больше освоились с иностранными словами. Я ограничился тем, что удалил все ненужные иностранные слова. А оставляя необходимые, я отказался от присоединения к ним так называемых пояснительных переводов. Ведь необходимые иностранные слова, представляющие собою большей частью общепринятые научно-технические выражения, вовсе не были бы необходимы, если бы они поддавались переводу. Значит, перевод искажает смысл; вместо того, чтобы пояснить, он сбивает с толку. Устное разъяснение здесь гораздо полезнее¹³.

Из этих слов Ф. Энгельса явствует необходимость заимствования в языки народов мира общепринятых терминов, иначе говоря, интернациональных слов, так как они, во-первых, не поддаются переводу ни на какой язык, во-вторых, перевод их искажал бы смысл подобных терминов, вносил бы путаницу.

В связи с этим следует заметить, что русские слова-советизмы также не поддаются переводу на другие языки. Такие слова, как *колхоз*, *Советы*, *большевик*, *ленинизм*, *ударник*, *спутник* и другие, заимствованы во многие языки мира, таким образом они также стали интернациональными.

Высказывания о русских словах-советизмах, ставших интернациональными, имеются у В. И. Ленина. Так, например, 6 марта 1920 года в речи на торжественном заседании Московского Совета, посвященном годовщине III Интернационала, он говорил:

«Посмотрите, как распространяются во всем мире наши... слова, вроде слова «большевизм». Несмотря на то, что мы называемся партией коммунистической, что название «коммунист» является научным, общеевропейским, оно в Европе и других странах меньше распростра-

¹³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, 1935, стр. 624.

нено, чем слово «большевик». Наше русское слово «Совет» — одно из самых распространенных, оно даже не переводится на другие языки, а везде произносится по-русски»¹⁴.

На советизмы, ставшие интернациональными словами, В. И. Ленин указывал и в ряде других работ¹⁵.

Таким образом, из высказываний классиков марксизма-ленинизма вытекает следующий вывод: слова, превращающиеся в связи с развитием общественно-политической жизни, науки и культуры в общие слова, т. е. интернационализмы, не должны переводиться на другие языки, так как иначе может искажаться смысл подобных слов. Это очень важный вывод, которого необходимо придерживаться в языкотворчестве.

Однако отношения классиков марксизма-ленинизма к заимствованным словам этим не исчерпывается. Необходимо обратить внимание на следующие слова из приведенной выше цитаты Ф. Энгельса: «Я ограничился тем, что *удалил все ненужные иностранные слова*» (курсив наш. — А. Г.). Из этого вытекает, что нельзя допускать в языке ненужных заимствований, т. е. употреблять без надобности иностранные слова. Эта мысль наиболее четко и ясно высказана В. И. Лениным в его замечаниях «Об очистке русского языка». «Русский язык мы порти́м, — пишет он. — Иностранные слова употребляем без надобности. Употребляем их неправильно. К чему говорить «дефекты», когда можно сказать недочеты или недостатки или пробелы?»¹⁶ Из этих слов вытекает принципиально важный вывод о необходимости максимального использования в языкотворчестве средств родного языка.

Следовательно, В. И. Ленин призывает вести всемерную борьбу за чистоту родного языка, против злоупотребления иноязычными словами.

Уместно вспомнить здесь также и статью В. И. Ленина «Нужен ли обязательный государственный язык?», в которой он пишет: «...русские марксисты говорят, что необходимо: *отсутствие* обязательного государственного языка, при обеспечении населению школ с препода-

¹⁴ В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 30, стр. 392.

¹⁵ См. В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 344—345.

¹⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 30, стр. 274.

ванием на всех местных языках, и при включении в конституцию основного закона, объявляющего недействительными какие бы то ни было привилегии одной из наций и какие бы то ни было нарушения прав национального меньшинства...»¹⁷ Хотя это высказывание не имеет непосредственного отношения к вопросу о заимствованных словах, однако из него явствует, что языки всех наций равноправны, поэтому каждый из них имеет полное право на свободное развитие. А это в свою очередь означает прежде всего максимальное использование богатства родного языка любого народа в культурном строительстве.

Следовательно, из высказываний классиков марксизма-ленинизма о заимствованиях вытекает два принципиально важных вывода:

- 1) интернациональные слова не должны переводиться ни на какой язык, иначе искажается их смысл;
- 2) в то же время нельзя допускать злоупотребления иноязычными словами: если в данном языке имеются слова, точно и ясно выражающие то или иное понятие, то нельзя заимствовать соответствующие слова из другого языка, так как это портит язык, вносит в него путаницу.

В вопросах языка необходимо строго придерживаться этих основных принципов: нарушение их так или иначе ведет к вредным последствиям, неправильным тенденциям в языкотворчестве.

В истории чувашского языка проявлялось разное отношение к русским заимствованиям. Одни придерживались мнения, что заимствуемые из русского языка слова обогащают чувашскую лексику. В то же время они утверждали, что в языковом строительстве нельзя допускать злоупотребления иноязычными словами. Другие же всячески боролись против проникновения русизмов в чувашский язык, полагая, что заимствования не обогащают, а, наоборот, обедняют, портят чувашский язык, приводят его к вымиранию. В этих последних высказываниях проявлялись националистические тенденции. Между представителями прогрессивного и националистического направлений шла постоянная борьба, которая подчас принимала ожесточенный характер.

¹⁷ В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 56.

Некоторые проявления национализма в отношении к русским заимствованиям имели место еще на страницах первой чувашской газеты «Хыпар» («Вести»), которая выходила в 1906—1907 годах. В статье «Пирён чёлхе» («Наш язык») один автор под псевдонимом Хайхи (Тот самый) писал следующее: «Наша чувашская молодежь говорит несколько иначе, чем старики; некоторые из слов, встречающихся в лексиконе старых людей, молодежь никогда не употребляет, или вообще не знает, или еще, считая их устаревшими, вместо них употребляет русские слова. Это говорит о том, что молодежь забывает свой родной язык, толкает его к вымиранию. Для подтверждения этого я приведу следующие примеры. В древности наши чувашки очевидно называли *тыня́*, а теперь этого слова нигде не услышишь, вместо него употребляют слово *свидетель*; людей, проживающих в монастыре, раньше называли *хура-тум* (черноодежник, черноризник), а в настоящее время употребляют русское слово *монах*; человеку, оказавшему другому какую-нибудь услугу, древние чувашки говорили *рахмат* (*рехмет*), а теперь в данном случае многие употребляют слово *спасибо*... Таким образом они портят наш прекрасный язык, постепенно толкают его к вымиранию»¹⁸.

Автор данной статьи призывает бороться за «чистоту» родного языка, удалять из лексикона русские заимствования, а вместо них вытаскивать из архива чувашского языка давно забытые, устаревшие слова. Следовательно, он хочет искусственно задержать проникновение русских слов в чувашский язык.

Националистические тенденции в вопросах языка особенно сильно проявлялись в 20-е годы нашего века. В этот период в чувашский язык стали в массовом масштабе заимствоваться русские и интернациональные слова. Это не нравилось некоторым творческим работникам. На страницах периодической печати они объявили борьбу за «чистоту» чувашского языка, против «засорения» его русскими заимствованиями. При этом они встали на путь всяческого восхваления богатств чувашского языка и третирования русского. Враждебное отношение ко всему русскому — вот что характеризовало

¹⁸ Газета «Хыпар», 1906, № 10.

представителей националистического течения¹⁹. Основной тезис, который выдвинули они, гласил: в чувашском языке не должно быть ни одного русского слова, если имеются таковые, то следует их удалить. Одним из ярких представителей этого буржуазно-националистического течения был Юман (псевдоним Д. П. Петрова), который вел всяческую борьбу против всего иноязычного. По его утверждению, отсталость чувашского народа в экономическом и культурном отношении объясняется тем, что в чувашском языке много заимствованных слов, поэтому он призывал вести борьбу против них. Он хотел удалить из словарного состава чувашского языка даже слова, заимствованные в свое время из тюркских и других языков, а также общетюркские. О таких общеупотребительных словах, как *йал* «деревня, село», *йашка* «похлебка», *пахча* «сад, бахча», *урапа* «телега» и др., он пишет: «Это не природные чувашские слова, они заимствованы в чувашский язык из других тюркских языков. Мы пользовались этими дикими словами, не зная, что они обозначают. Пришло время удалить всех их из чувашского языка и создать вместо них новые, чувашские слова... Цивилизованные европейцы всего мира утверждают, что чувашский народ не будет развиваться, а подлежит вымиранию. Не будем умирать, братья, создадим новые слова и забудем о том, что мы выходцы из жалкого народа»²⁰. Д. П. Петров особенно яростно выступал против проникновения в чувашский язык русских и интернациональных слов. Он в своих статьях предлагал заменять даже такие русские и интернациональные термины, как *театр*, *капитал*, *революция*, *кооперация*, *область*, *хозяйство* чувашскими словами *уйавхӳшӗ*, *мӳл*, *пӳлхавӳр*, *пӳрлешӳ*, *тӳпсӳр*, *пурлах*²¹.

В одной из своих статей Петров-Юман писал: «Мы

¹⁹ Интересно в связи с этим заметить, что среди националистов нашлись и такие люди, которые выступали даже против использования русского алфавита в чувашском языке. Один из них, например, писал: «Русский алфавит задерживает развитие языка и культуры любой малой национальности. А латинский алфавит способствует их развитию, поэтому в чувашском языке надо отказаться от русского алфавита и перейти на латинский (Гатчель. Чӳваш чӳлхи синчен... (О чувашском языке), газета «Канаш», 1922, №№ 11, 13, 15).

²⁰ Газета «Канаш», 1922, № 180. Ст. Д. Петрова (Юмана) «Манӳ сӳмах» («Забытое слово»).

²¹ И у м а н. Чӳваш уйавхӳшӗ (театӳр). «Канаш», 1922, № 21. Е г о ж е. Чӳлхе тавӗ. «Канаш», 1922, № 31.

должны прежде всего бороться за чистоту чувашского литературного языка. Только таким образом он может стать красивым, понятным. Чем больше в язык проникает иноязычных слов, тем больше он портится... Вот передо мною «Красное знамя»²². От десятого числа. На одной странице я обнаружил 70 русских слов, среди которых имеются такие слова, которые портят красоту чувашского языка, например: *отчет, доклад, учреждение, предприяти, представитель, справка, правительство, постановления*. Когда читаешь текст, содержащий эти слова, то голова кружится... Ради бога, не срамите чувашский народ, молодые писатели... Такие слова, как *империализм, капитализм, организация, республика, совет, лекция, электричество, президиум, пленум, статья, промышленность* и другие, можно и нужно передавать по-чувашски...²³

Буржуазные националисты, с целью «спасти» чувашский язык от «вымирания», указывали пути и средства обогащения его лексики и терминологии. По их мнению, вместо русских и интернациональных слов, успевших проникнуть в чувашский язык, следует употреблять архаизмы или создавать новые слова. Вот что предлагали, например, С. Романов и А. Николаев (Пренюк Раман Семенё, Сатур Микули Лексантарё) в статье «Чăваш историне вулани» (Читая историю Чувашии): «У нас много забытых слов. Мы бы советовали достать эти слова из архива и употреблять их в языке газет. Такие слова, как *интереслĕ* (прилагательное от «интерес». — А. Г.), *расретенĕ* (глагол от «разряд». — А. Г.), некрасивые слова. Мы бы советовали вместо них создавать новые чувашские слова. Человека, не умеющего работать, раньше называли *пархатарсăр*. Это значит «некультурный». Поэтому вместо слова «культура» мы бы посоветовали употреблять слово «рхатар»²⁴. Каждому понятно, что вытаскивание из архива давно устаревших, забытых слов и создание искусственно новых слов не обогащают, а, наоборот, засоряют, портят язык. Этого и не хотели понять буржуазные националисты. Конечно, в истории любого языка имели место и такие случаи, когда устаревшие

²² Чувашская газета.

²³ И у м а н. Чĕлхе тавĕ. «Канаш», 1922, № 31.

²⁴ Газета «Канаш», 1928, № 6.

слова оживали, приобретая новое лексическое значение. Однако они возрождались вновь в языке не искусственным путем, не по чьей-либо воле, а по необходимости. А в отношении создания новых слов следует заметить, что только те из них могут войти в словарный состав, которые созданы по законам словообразования данного языка. Буржуазные националисты в своих попытках словотворчества не придерживались этих основных принципов, в результате чего созданные ими искусственные слова не могли завоевать право на существование в языке.

Представители буржуазно-националистического течения выдвинули и такой тезис: если русские и интернациональные слова не переводятся одним словом, то следует передавать их на чувашский язык целыми фразами. Например: *жюри* — *хăшĕ вĕйлăраххине танлаштарса пăхакан комисси*; *лекция* — *пĕр-пĕр ыйтупа каласа е ăнлантарса пани*; *митинг* — *политикалла ёсе тума пухăнса калашни*; *резолуция* — *ёс сыравĕ тарăх пуслăх хушса сырни* или *пуху е лару мĕн шутланине йышăнса сырни*; *тезис* — *кĕскетсе пайăн сырса хуни* и т. п.²⁵ Но это не термины, а лишь пояснение иноязычных слов, поэтому они не могли закрепиться в языке как лексические единицы.

Всячески открещаясь от русских и интернациональных слов, представители буржуазно-националистического пуристического течения старались не допускать их в чувашский язык. Они предлагали переводить каждое иноязычное слово, полагая, что нет в мире такого понятия, которое нельзя было бы передать средствами родного языка. Отсюда буржуазные националисты сделали вывод, что в мире нет интернациональных слов²⁶. В результате перевода многих советизмов и интернационализмов ими допускались грубые смысловые искажения. Так, например, интернациональное слово *пролетарии* передавалось на чувашский язык словом *чухăнсем* (букв. *бедняки*). Например: *Пётём тёнчерн чухăнсем, пĕрлешĕр!* «Бедняки всех стран, соединяйтесь!». Здесь налицо грубое смысловое искажение. Термин *пролетарии* обозначает один из основных классов в капиталистическом обществе — класс наемных рабочих, лишен-

²⁵ См. газету «Канаш», 1923, №№ 6, 7, 8.

²⁶ См. ст. Д. П. Петрова «Чĕлхе тавĕ», «Канаш», 1922, № 31.

ных собственности на средства производства и вынужденных продавать свою рабочую силу собственникам средств производства — классу капиталистов, угнетающему и эксплуатирующему рабочих. Чувашское же слово *чухансем* выражает другое понятие, а, именно, *бедняки вообще*. На страницах газеты «Канаш» грубо искажался смысл и таких интернациональных терминов, как *капитализм, капитал, капиталист*, которые передавались на чувашский язык словами *муллах, мул, мулхуси* (букв. «богатство», «хозяин богатства»). Например: *Муллах пусланнӑранла пуянсем хайсен пурнӑсне лайӑхлатас тесе кунӑн-сӑрӑн тӑрӑшса чухансен пурнӑсне хӑсӑрленӗ* (1918 год, октябрь) «С появлением богатства (т. е. капитализма. — А. Г.) богатые с целью улучшения своей жизни днем и ночью притесняли бедных». *Ҫапла вара, мул хусисем Совет Раҫҫейне черерен кураймасҫӗ* (1919, сентябрь) «Таким образом, хозяева богатства (т. е. капиталисты. — А. Г.) ненавидят Советскую Россию». Передает ли слово *муллах* «богатство» смысл интернационального термина *капитализм*? Французское слово *капитал*, ставшее интернациональным термином, обозначает стоимость, приносящую ее владельцу — капиталисту — прибавочную стоимость путем эксплуатации наемных рабочих. Чувашское же слово *муллах* в переводе на русский язык означает богатство. Ясно, что не всякое богатство — капитал.

Об интернациональном характере русского слова *Совет*, как мы видели, говорил еще В. И. Ленин. Оно обозначает государственную форму диктатуры пролетариата. Даже в таких богатых языках мира, как английский, немецкий, французский и другие, не находят нужным переводить это слово. Но в периодической печати, в книгах и брошюрах переводили на чувашский язык и этот термин. Например: *Юлташсем, сире эӗӗ большевиксен партие Канаш ирӗкне мӗнле-мӗнле йывӑр ӗҫсем тумаллине каласа парас тетӗп* («Канаш», 1918, декабрь) «Товарищи, я хочу рассказать вам, какие трудные задачи стоят перед большевистской партией и Советской властью». *Канашсемпе хресченсем тата ӗҫлекенсем пӗр тевӗ туса тӑмасан, ҫав тӑшмансемпе вӑрҫма пит йывӑр пулӗ* («Канаш», 1919, январь) «Если Советы, крестьяне и рабочие не будут иметь прочного союза, то очень трудно будет бороться с этими врага-

ми». Хёрлэ Сар вӑл Канашсен Сарё, Канашсене сыхласа тӑраканскер. Канашсем ёслекенсемпе хресченсен тӑри-шари» («Канаш», 1919, декабрь) «Красная Армия — это Советская Армия, защитница Советов. А Советы — правительство рабочих и крестьян». Смысловое искажение русских и интернациональных терминов в переводе на чувашский язык особенно ярко сказалось в передаче политического термина *партия* чувашским словом *ушкӑн* (букв. группа). Например: Большевиксен *ушкӑнӗ* ертсе пынипе эфир сёне пурӑнаҫ таватпӑр («Канаш», 1922, декабрь) «Под руководством большевистской группы мы строим новую жизнь». Можно привести целый ряд примеров грубого смыслового искажения русских и интернациональных терминов: нация — *вактёвек халӑх* «мелкий народ»; съезд — *пуху* «собрание»; власть — *ирёк* «свобода»; план — *йёрке* «порядок»; класс — *ушкӑн* «группа»; производство — *меслет* «снособ»; решение — *кавар* «сговор» и др.

В языке периодической печати, в книгах и брошюрах имели место также случаи обозначения понятий социалистической действительности чувашскими словами, выражающими понятия старого, помещичье-капиталистического строя, чуждой социалистической действительности идеологии. Так, например, термин *правительство* в составе словосочетания *Советское правительство* передавался на чувашский язык словом *тӑре-шара*, обозначавшим царское правительство. Можно привести и такие примеры: налог — *куланай*, судьи, ответственные работники — *тӑресем* и т. д.

Как видно из вышеизложенного, в 20-х годах нашего века националистическое течение в вопросах чувашского языка приняло широкий размах. Однако попытки его представителей закрыть доступ русским и интернациональным словам в лексику родного языка были абсолютно тщетными. Чувашское население не приняло искусственно созданных терминов, вместо них оно широко употребляло русские и интернациональные слова, выражающие новые понятия социалистической действительности. Так, например, известный чувашский поэт Н. Т. Васянка на страницах газеты «Канаш» писал: «В деревнях для выражения некоторых понятий употребляют русские же слова, а мы передаем по-чувашски.

В деревнях говорят «совет», «правительствă». А работники печати эти слова без надобности переводят на чувашский язык»²⁷. На это же обратил внимание П. Иванов в статье «Юлашки сӹлсенчи пурнăспа чăваш чĕлхи» («Жизнь и чувашский язык в последние годы»), опубликованной в газете «Сĕнĕ пурнăç» («Новая жизнь»). Здесь он приводит целый ряд русских и интернациональных заимствований, которые широко употреблялись в разговорной речи чувашей. Например: революционнăй саккунлăха — ёсе кĕртес пулат — «надо соблюдать революционную законность»; йăслĕне тума укăса уйăрса хурас пулат — «надо выделить средства на строительство яслей»; песпартийнăй сын пулсан та, культурнăй сынна ёс яланах тупса парасĕ — «для культурного человека, если он и беспартийный, всегда находят работу»; коллектив тусан сес сотсиализм сӹлне кĕретпĕр — «в социализм вступим лишь тогда, когда создадим коллектив»; совет влаçĕ пире ирĕке кăларчĕ — «советская власть дала нам свободу» и др.²⁸ Эти живые наблюдения над разговорной речью чувашей позволяют сделать вывод о том, что интернациональные слова и советизмы в речи чувашей были более употребительны, чем искусственно созданные пуристами «термины».

Среди языковедов и учителей, писателей и журналистов были люди, которые в отношении к русским и интернациональным заимствованиям занимали иную позицию: ими правильно оценивалась прогрессивная роль великого русского языка в обогащении чувашской лексики. Они полагали, что заимствованные слова обогащают родной язык, делают его более гибким и стройным. Поэтому эти прогрессивные силы вели борьбу против националистического течения в языковом строительстве. Известными представителями этого направления были Д. Эльмень²⁹, Н. Васянка³⁰, С. Фомин (Хум-

²⁷ Н. Т. Васянка, «Канаш» чĕлхи (Язык «Канаша»). Газета «Канаш», 1922, № 193.

²⁸ Газета «Сĕнĕ пурнăç», 1929, № 128.

²⁹ Т. Елмен, Çав темă шинченех (На ту же тему). «Канаш», 1924, № 95.

³⁰ Н. Т. Васянка, «Канаш» чĕлхи (Язык «Канаша»). «Канаш», 1922, № 193.

ма Семенё)³¹, Н. Золотов³² и некоторые другие. Один из них, чувашский писатель С. Фомин (Хумма Семенё), писал: «Товарищ Юман всячески боится проникающих в литературный язык иноязычных слов. Товарищу Юману иноязычные слова кажутся страшными, как лесные волки и медведи. Поэтому он хочет, чтобы в чувашском литературном языке не было ни одного иноязычного слова. Например, вместо слов «революция», «хозяйство», «театр», «область», он хочет писать «пӑлхавӑр», «пурлӑх», «уйавхӑшӑ», «тӑпсӑр» (Чувашская область — Чӑваш тӑпсӑрӑ)... Мы не согласны с тем, чтобы удалить из литературного языка все иноязычные слова. Нам кажется, что в этом вопросе товарищ Юман ошибается. Слова «пӑлхавӑр», «уйавхӑшӑ» не обогащают, а, наоборот, портят, засоряют родной язык, делают его слабым. Сама жизнь дала нам такие слова, как «революция», «театр», «социализм». Подобные слова обогащают родной язык, и через них темный чувашский народ знакомится с понятиями культуры»³³.

Другой представитель прогрессивного направления Д. Эльмень в одной из своих статей, опубликованных на страницах газеты «Канаш», выступает против употребления давно забытых, устаревших слов. Он пишет: «Куда полезнее объяснять трудовому чувашскому народу смысл новых слов, чем доставать из гнилых, старых подвалов давно забытые слова»³⁴.

Противники буржуазно-националистического направления зло высмеивали и создание искусственных чувашских «слов», считая подобное «словотворчество» бесполезным занятием³⁵.

В 1923 году состоялась первая конференция чувашских писателей. В центре внимания участников этой

³¹ С. Фомин. Юман йулташ шухӑшӑсем синчен икӑ сӑмах (Два слова о высказываниях товарища Юмана). «Канаш», 1922, № 23.

³² Н. Золотов. Чӑлхесӑне хирӗс сыракан М. П. П-ва (М. П. П-ву, выступающему против языковеда). «Канаш», 1919, № 157. Его же. Чӑваш чӑлхи (Чувашский язык). «Канаш», 1922, №№ 39—40.

³³ Газета «Канаш», 1922, № 23.

³⁴ См. его статью «Сав темӑ синченех» (На ту же тему). «Канаш», 1924, № 95.

³⁵ См. статью неизвестного автора (под псевдонимом «Чӑлхесӑ» — «Языковед») «Пӑр-ик сӑмах чӑлхе синчен» (Несколько слов о языке). «Канаш», 1920, № 107.

конференции были вопросы развития чувашского литературного языка, в частности вопросы заимствования русских слов. В докладе «Каким должен быть чувашский литературный язык» Петров-Юман ратовал за то, чтобы вводить в оборот давно забытые, устаревшие чувашские слова и создавать новые. Эту мысль поддержал в своем выступлении Милли, один из ярых буржуазных националистов³⁶. Однако участники конференции подвергли резкой критике многие положения, выдвинутые в докладе Петрова-Юмана и в выступлениях других буржуазных националистов. Это получило отражение в постановлении, принятом на конференции. Основные тезисы постановления сводятся к следующему:

1) интернациональные слова и научные термины не следует переводить на чувашский язык (революци, бюро, митинг, лекция, пролетариат, капитализм, съезд, нация, культура, цивилизация и т. д.);

2) вводить в оборот давно забытые, устаревшие слова не всегда желательно;

3) необходимо проявлять максимальную осторожность при создании новых слов от чувашских основ³⁷.

1 Всечувашский Краеведческий съезд, состоявшийся в Чебоксарах в 1928 году, также большое внимание уделил вопросам чувашского литературного языка и терминологии³⁸. Съезд подчеркнул, что не следует отkreщиваться от русских и интернациональных слов: если в словарном составе чувашского языка нет слов для выражения тех или иных предметов и понятий, то следует заимствовать соответствующие слова из русского языка.

Таким образом, в чувашском языке в отношении к русским и интернациональным заимствованиям победило прогрессивное направление, которое дало должный отпор буржуазным националистам. В настоящее время в данном вопросе в основном проводится правильная линия, основанная на высказываниях Ф. Энгельса и В. И. Ленина о заимствованных словах. Однако необхо-

³⁶ См. газету «Канаш», 1923, №№ 111, 112.

³⁷ Этот тезис был направлен против создания таких искусственных слов как *илемӗш* (искусство), *тёртӗм* (ткань), *пёрлешӗ* (кооперация), которые были предложены в докладе Петровым-Юманом.

³⁸ См. газету «Канаш», 1928, 28 июня — 1 июля.

можно заметить, что некоторые проявления неправильных тенденций порою дают о себе знать и в настоящее время. На это обращают внимание многие чувашские языковеды. Анализ языка периодической печати, художественной, массово-политической, сельскохозяйственной и др. литературы показывает, что порою имеют место факты неправильного отношения работников печати и писателей к некоторым заимствованным словам. Оно заключается, во-первых, в том, что иногда делаются попытки вводить в оборот действительно устаревшие слова в целях употребления их вместо русских и интернациональных слов, прочно вошедших в ткань чувашского языка. Кроме того, нередко без надобности создаются новые слова от чувашских основ.

Подобное отношение к русским заимствованиям нельзя считать правильным. На наш взгляд, к русским словам, в особенности к терминам, органически вошедшим в словарный состав чувашского языка и, следовательно, широко употребляющимся не только в письменном литературном, но и в разговорном языке чувашей, нужно относиться особенно внимательно: подобные заимствованные слова нежелательно заменять словами родного языка. Это необходимо прежде всего с практической точки зрения: замена привычных и понятных слов менее привычными и непонятными (и устаревшими, и новыми) делает литературный язык трудным, малодоступным для широких масс трудящихся. С этой точки зрения нельзя считать целесообразной замену, например, русских заимствований *государствá, писатель, наука, ученáй*, ставших привычными и понятными для широких масс трудящихся, чувашскими словами *патшалăх, ҫыравса, аслăлăх, аслăлăхса*, из которых первое встречается лишь в разговорной речи небольшой части населения (преимущественно людей старого поколения), а остальные совсем не употребляются. Необходимо заметить здесь, что попытки некоторых писателей узаконить слова *ҫыравса, аслăлăх, аслăлăхса* в качестве терминов (вместо заимствованных *писатель, наука, ученáй*) тщетны: массы не принимают их, так как русские заимствования для них более привычны и понятны. Трудно заставить массы отказаться от привычного.

Из сказанного здесь вытекает следующий принципиально важный вывод: в языкотворчестве нельзя до-

пускать таких новшеств, которые не вызваны необходимостью; если те или иные русские заимствования прочно вошли в ткань языка (и литературного, и разговорного), то они законны, необходимы, а попытки заменить их менее понятными и привычными для широких масс словами, хотя бы природными, следует квалифицировать как вредную тенденцию в языковом строительстве.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ОСНОВНЫЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ

Заимствования из русского языка и через него из других языков делятся на два основных слоя. Первый слой составляют заимствования, проникшие в чувашский язык с древнейших времен вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции. Второй слой — это слова, заимствованные и заимствуемые в советскую эпоху.

Деление русских заимствований на дореволюционные и послеоктябрьские принято и в других языках народов СССР¹.

Оно основывается на том, что «...есть глубокая принципиальная разница между прежним, дореволюционным влиянием русского языка на языки соседних народностей и между влиянием русского языка на языки народов СССР...»² Эта разница заключается прежде всего в том, что в советскую эпоху, по сравнению с дооктябрьской, сфера проникновения русских и интернациональных слов в языки народов СССР намного расширилась. Если раньше в языки нерусских народов главным образом проникала бытовая лексика, то в советскую эпоху заимствуются слова, относящиеся ко всем областям жизни.

¹ См. об этом: А. Саваткова. Русские заимствования в горном наречии марийского языка. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 1953; Э. Ахунзянов. Русские лексические заимствования, вошедшие в основной словарный фонд и словарный состав татарского языка. Автореферат докторск. диссертации. М., 1955; И. Исмаилов. Русско-советско-интернациональная лексика в уйгурском языке. М., 1953 и т. д.

² В. В. Виноградов. Великий русский язык. М., 1945, стр. 165.

ОСНОВНЫЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ ДООКТЯБРЬСКОЙ ЭПОХИ

В лексике чувашского языка имеется большое количество слов, заимствованных из русского языка в дооктябрьскую эпоху. Проф. В. Г. Егоров полагает, что до революции чувашами освоено приблизительно до 400—500 русских слов³. Проф. С. П. Горский, на основе лингвистических работ последних лет, приходит к выводу, что русских слов, проникших в чувашский лексикон в XVI—XIX веках, намного больше, чем указано В. Г. Егоровым⁴. Всестороннее и детальное изучение заимствованной в дооктябрьскую эпоху русской лексики позволяет сделать вывод о том, что в описываемый период чувашами освоено около тысячи русских слов. Нельзя не заметить в связи с этим и того, что на базе русских заимствований в чувашском языке создано бесчисленное множество производных слов и лексических словосочетаний, которые заметно обогатили чувашскую лексику и терминологию. Многие из них вошли в литературный язык и широко употребляются по сей день в разговорном языке чувашей. Так, например, на базе русского заимствованного слова *кушак* «кошка» в чувашском языке созданы следующие слова и лексические словосочетания: *кушакла* «по-кошачьи», *кушак аси* «кот», *кушак ами* «кошка», *кушак сури* «котенок», *варман кушакё* «дикая кошка», *кушак кайăкё* (диал.) «мышь», *кушак кайăк юсё* (зоол.) «ласка», *кушак хӳри* (бот.) «тимефеевка», *кушак кайăк хӳрчки* «коршун», *кушак пӳрси* (бот.) «просвирник северный», *кушак чирё* (диал.) «насморк», *кушак кӗпси* (диал.) «ание», «тмин». В «Словаре чувашского языка» Н. И. Ашмарина приводятся и такие словосочетания, как *кушак матти*, *кушак ӗмартти*, *кушак тупанё*, *кушак чӳкӳчӳ*, являющиеся названиями растений, т. е. ботаническими терминами⁵. Установить количество слов и лексических словосочетаний, созданных в чувашском языке на базе дооктябрьских русских заимствований, не представляется воз-

³ «Совр. чувашск. лит. язык», стр. 125.

⁴ С. П. Горский. Очерки по истории чувашского литературного языка. Чебоксары, 1959, стр. 22.

⁵ Вып. VII, стр. 60.

можным, так как это характерно почти для каждого русского слова, проникшего в чувашский язык.

Однако подобные слова и лексические словосочетания не являются чисто заимствованными, так как они созданы на почве чувашского языка.

Дооктябрьские русские заимствования делятся на два основных слоя: 1) ранние заимствования, проникшие в чувашский язык еще до присоединения Чувашии к Русскому государству и 2) слова, заимствованные после вхождения чувашей в состав Русского государства.

§ 1. Русские слова, проникшие в чувашский язык до присоединения Чувашии к Русскому государству

В «Введении» к настоящей работе отмечалось, что сношения чувашей с русскими начались с древнейших времен, так как чуваша жили в непосредственном соседстве с последними. Это отчасти подтверждается языковыми фактами. Профессор В. Г. Егоров обратил внимание на ряд русских слов, проникших в чувашский язык еще в IX—XVI веках. В фундаментальном труде «Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении» он замечает, что слова *кӓмна* «гриб» и *кӓнчеле* «прялка» проникли в чувашский язык от восточных славян раньше X века, когда у последних в языке еще были носовые гласные: юс большой, юс малый. Ср. г⁶ ба, к⁶ дель⁷. То, что эти слова вошли в словарный состав чувашского языка раньше X века, не вызывает сомнения, так как утрата носовых гласных в древнерусском языке приурочивается к X веку.

Можно предположить, что в описываемый период в чувашский лексикон проник ряд других русских слов, обозначающих более эффективные методы ведения хозяйства, более совершенные орудия труда, а также некоторые элементы культуры. Большей частью заимствовались слова, связанные с сельским хозяйством, в частности с земледелием, так как русские еще в древ-

⁶ Юс большой.

⁷ См.: «Совр. чувашск. лит. язык», стр. 45.

ности оказывали сильное влияние на чувашей в области земледелия.

На словах, заимствованных до присоединения Чувашии к Русскому государству, следует остановиться более подробно, так как они вошли в основной словарный фонд чувашского языка и на новой почве дали много производных слов и лексических словосочетаний.

Большой интерес представляет слово *суха* «соха». То, что это слово заимствовано именно из русского, а не из какого-либо другого языка, не вызывает сомнений, так как оно является общеславянским.

В русской исторической лексикологии высказывается мнение, что слово *соха* как название орудия пахоты в русском языке возникло не раньше XIV—XV вв.⁸ По-видимому, это земледельческое орудие заимствовано чувашами у русских крестьян в XV в., когда последние стали применять его повсеместно. Вместе с ним в чувашский лексикон проникло и название его (*сеоха, су-ха*). Оно заимствовано в языки и некоторых других народов Поволжья. На этот счет представляет интерес замечание Л. М. Каптерева, который в книге «Нижегородское Поволжье X—XVI веков» замечает, что до прихода русских крестьян *соха* не бытовала у эрзи. Соответствующее понятию «соха» слово отсутствует в эрзянском лексиконе, и омордовленное «сока» достаточно ясно говорит, что этот термин внедрился в эрзянском обиходе одновременно с самим орудием — сохой — уже после прихода сюда русских пахарей⁹.

Слово *соха* проникло и в другие языки (ср. казахск. *сока*, татарск. *сука*, узбекск. *сўка*, уйгурск. *soqa*, мокшанск. *сока*, башкирск. *һика* и т.д.). Исследователь татарского языка Э. М. Ахунзянов на основании различных письменных и других памятников установил, что *сука* представляет собою одно из наиболее древних заимствований в татарском языке¹⁰. Можно полагать,

⁸ См.: П. Я. Черных. Очерк русской исторической лексикологии (древнерусский период). Изд-во Московского университета, 1956, стр. 57 (далее везде «Очерк русск. историческ. лексикологии»).

⁹ Л. М. Каптерев. Нижегородское Поволжье X—XVI веков. Горьковское областное издательство, 1939, стр. 16.

¹⁰ Э. М. Ахунзянов. Русские лексические заимствования, вошедшие в основной словарный фонд и словарный состав татарского языка. Автореферат докторской диссертации, М., 1955, стр. 11—12.

что в чувашский и татарский языки русское *соха* проникло почти одновременно.

Все это свидетельствует о том сильном влиянии русских, которое оказывали они на земледелие народов Поволжья.

Слово *соха* встречается в первой печатной чувашской грамматике, выпущенной в 1769 году под названием «Сочинения, принадлежащие к грамматике чувашского языка»¹¹. О том, что оно проникло в чувашский язык задолго до издания настоящей грамматики, свидетельствуют созданные на его базе термины *согахир* «пашня», *согатимёр* «сошник», которые также зафиксированы в первой чувашской грамматике.

Интересно заметить здесь, что позднее при помощи слова *суха* в чувашском языке возникло множество производных слов и словосочетаний, выражающих новые для чувашей понятия, связанные с земледелием. Это свидетельство того, что русское заимствование *суха* (верх. *соха*) прочно вошло в ткань чувашского языка, оно стало достоянием всех говоров и подговоров последнего. Посредством чувашских словообразовательных аффиксов от слова *суха* образованы слова *суханус* «соха», *сухасă* «пахарь», *сухала* «пахать». Кроме того, на базе слова *суха* в чувашском языке возник целый ряд лексических словосочетаний, например, *суха тыткы* — рукоятка у сохи, *суха аври* — ручки сохи, *соха орасси* — поперечная палка, *соха копти* — рассоха, *соха пайи* — подвой, *соха çапали* — полица, *суха пăркăччи* — закрутник, *суха тимёри хăлхи* — название части сошника, *суха касси* — борозда, *суха ту* — пахать, *суха тăвакан* — пахарь и др.

Хотя в настоящее время слово *суха*, как название сельскохозяйственного орудия, вышло из активного употребления, однако производные от него некоторые слова и лексические словосочетания и сейчас представляют собой элементы активного словарного запаса, например, *сухала* «пахать» (тракторна *сухала* «пахать трактором»), *суха ту* «пахать», *суха тăвакансем* «пахари».

К русским словам, проникшим в чувашский язык в древние времена, можно отнести название основной

¹¹ Копия хранится в Научном архиве ЧНИИ.

сельскохозяйственной культуры *ыраш* «рожь»¹². Можно полагать, что оно проникло в чувашский язык до XVI века, т. е. до присоединения Чувашии к Русскому государству. Об этом свидетельствует то, что русское население местного края еще в древности возделывало озимую рожь, а их соседи — чуваша научились у них возделывать эту культуру. Слово *ыраш* приводится в «Словаре языков разных народов, в Нижегородской Епархии обитающих...» (1785 г.)¹³. Но это не говорит о том, что оно появилось в чувашском языке лишь во второй половине XVIII века. Появление в начале слова протетического звука *ы* свидетельствует, что оно заимствовано задолго до выхода в свет данного словаря.

Видимо, это слово проникло до XVI века и в языки некоторых других народов Поволжья. Л. М. Каптерев в вышеуказанной работе отмечает: «Судя по вещественным памятникам материальной культуры и языковым показателям, эрзя сеяли пшеницу, овес, ячмень, горох, гречиху, просо, коноплю. Но культуры ржи и льна до соприкосновения с русскими — не знали. На это указывают «эрзянские» названия ржи и льна, они звучат совсем по-русски — «розь», «лен», «лианос». Эти культуры, несомненно, заимствованы от русских, вернее всего — от выходцев из Новгородско-Псковской земли, где с незапамятных времен сеяли «жито» — рожь и лён-долгунец»¹⁴. В автореферате докторской диссертации Э. М. Ахунзянов также указывает на то, что слово *рожь* заимствовано в татарский язык до XVI века. Это им доказывается на основании письменных источников.

Древним русским заимствованием в чувашском языке бесспорно является и слово *вырӑс* «русский». Как свидетельствуют языковые данные, сношения чувашей с русскими начались с древнейших времён (IX—X вв.). Можно смело полагать, что еще тогда стало известно чувашам национальное имя русских. Об этом свидетельствует главным образом фонетический облик заим-

¹² Э. М. Ахунзянов в автореферате докторской диссертации утверждает, что русское слово *рожь* заимствовано лишь в татарский и башкирский языки, а в других тюркских языках соответственно употребляются природные слова, что является неверным (ср. чув. *ыраш* — «рожь»).

¹³ Копия хранится в Научном архиве ЧНИИ.

¹⁴ См. стр. 16.

ствованного *вырӑс*. Дело в том, что первоначально русских называли *русами* (от *рус*). В русском языке термин Русь и его производные появились и вошли в обращение в IX веке¹⁵. Слово *вырӑс* впервые зафиксировано в «Сочинениях, принадлежащих к грамматике чувашского языка» (1769). Кроме того, в этих «Сочинениях...» приводится словосочетание *сала вырус*, которое тогда обозначало русского крестьянина. А в «Словаре языков разных народов, в Нижегородской Епархии обитающих...» (1785) словосочетание *крестьянская изба* переведено на чувашский язык так: *сала вырус бюрчӗ*.

Появление в начале слова *рус* протетического *вы-*(*вырӑс*) и создание на его базе словосочетаний-терминов свидетельствует о том, что слово *вырӑс* проникло в чувашский язык задолго до появления первой чувашской грамматики.

В чувашском языке на базе русского заимствования *вырӑс* позднее создан ряд слов и словосочетаний, например: *вырӑсла* «по-русски», *вырӑслан* «обрусеть», *вырӑслат* «обрусить», *вырсарни* (от *вырӑс эрни*) «воскресенье», *вырӑсла ханха* «ворота, построенные на русский манер», *вырӑс кӑмаки* «печь, сложенная на русский манер», *вырӑс апачӗ* «завтрак» (часов в 8—9 утра), *вырӑсла ати* (диал.) «крестный отец», *вырӑсла апай* (диал.) «крестная мать», *вырӑс хуххи* «свербигуз» (бот.), *вырӑс чӗлхи* «русский язык», *вырӑс ҫынни* «русский человек» и т. д. Следует заметить, что некоторые из них свидетельствуют о том сильном влиянии, которое оказывали русские на многие стороны жизни чувашей. Например, термин *вырӑс кӑмаки* показывает, что чуваша научились складывать печь на русский манер, также и термин *вырӑсла ханха* свидетельствует о том, что чуваша заимствовали у русских ворота, т. е. научились строить их так, как у русских.

К древним русским заимствованиям в чувашском языке относится слово *мӑк* «мох». Об этом свидетельствует его фонетический облик. Дело в том, что в древнерусском языке слово *мох* произносилось через редуцированное гласное ъ: *мѣхъ*¹⁶ (ср. чув. *мӑк*).

В описываемый период чуваша заимствовали

¹⁵ См.: «Очерк русск. историческ. лексикологии», стр. 99.

¹⁶ См.: Н. А. Кондрашов. Славянские языки. Учпедгиз, 1962, стр. 29.

у русских и некоторые элементы культуры¹⁷. Так, например, следует полагать, что название музыкального инструмента *гусли* проникло в чувашский язык до присоединения Чувашии к Русскому государству. В этнографических исследованиях «Чуваши» говорится следующее: «Допустимо, что в описываемый период (т. е. начиная с XIV века, а возможно и ранее.—А. Г.) к чувашам проник и такой музыкальный инструмент, как гусли (чув. *кёсле*), прочно освоенный чувашами как свой национальный»¹⁸.

Хотя прогрессивное влияние передовой русской культуры на чувашей началось задолго до присоединения Чувашии к Русскому государству, до этого момента заимствование русских слов в чувашский язык не носило массового характера, ибо в описываемый период контакты чувашей с русскими были лишь эпизодическими. Кроме того, следует иметь в виду, что «...официальных отношений с русской администрацией до середины XVI века у чувашей не было»¹⁹.

Однако вполне возможно, что слов, заимствованных из русского языка до присоединения Чувашии к Русскому государству, было больше. Так, например, проф. В. Г. Егоров полагает, что до этого момента в чувашский язык проникли и такие русские слова, как *кёрпе* «крупя», *аван* «овин», *вёлле* «улей», *утар* «пасека» (от *одр* — названия примоста к дереву в лесу, куда ставили ульи-колоды) и т. д.²⁰

Перечисленные выше слова позволяют нам сделать следующий вывод: русские слова, заимствованные в чувашский язык до присоединения Чувашии к Русскому государству, в основном относятся к крестьянской бытовой лексике.

§ 2. Русские слова, заимствованные после вхождения чувашей в состав Русского государства

В середине XVI века в жизни чувашского народа произошло важное историческое событие: Чувашия в составе Казанского края присоединилась к Русскому

¹⁷ См.: «Чуваши», стр. 39.

¹⁸ Там же, стр. 39.

¹⁹ Там же.

²⁰ «Совр. чувашск. лит. язык», стр. 32.

государству. Это было прогрессивным явлением. Оно положило начало систематическим и тесным сношениям чувашей с русским населением. Из истории известно, что с момента вхождения чувашей в состав Русского государства русские люди все чаще и чаще стали появляться на территории Чувашии, а чуваша, в свою очередь, стали посещать русские города и села. «Появление на территории Чувашии русского населения и его поселений имело исключительно большое значение для экономического и культурного развития чувашского народа. Русские, живущие по соседству, а иногда и совместно с чувашами, оказывали значительное влияние на их быт и культуру. Они передали чувашам свои способы ведения хозяйства. Под влиянием русского населения изменился облик чувашского жилища, некоторые детали одежды, характер пищи и т. д. При помощи русского народа чуваша создали свою грамоту и литературу»²¹. Все это, несомненно, оставило заметные следы на лексике чувашского языка, которая обогатилась и за счет русских заимствований.

Здесь уместно заметить, что в дооктябрьскую эпоху влияние русского языка на тюркские языки проявлялось в разной степени: в одни языки русских слов проникло больше, а в другие — меньше. Так, например, если в чувашский язык заимствованы сотни русизмов (около 1000 слов), то в киргизском языке их намного меньше (250—300 слов)²². Это объясняется тем, что чуваша вошли в состав Русского государства раньше (XVI век), чем киргизы (XIX век). Кроме того, чуваша жили в непосредственном соседстве с русскими, и поэтому контакты между ними носили более интенсивный характер.

Слова, заимствованные в чувашский язык в описываемый период, можно разбить на целый ряд лексико-семантических групп.

Русские заимствования, относящиеся к сельскохозяйственному труду

Основным занятием чувашей в прошлом было сельское хозяйство. До соприкосновения с русскими они

²¹ «Русск. население Чувашск. АССР», стр. 46.

²² См.: И. Н. Бажинов: Русская лексика в современном киргизском языке. Кандидатская диссертация, Фрунзе, 1954, стр. 25.

имели сравнительно примитивные орудия труда и методы ведения хозяйства. Лишь после присоединения Чувашии к Русскому государству, когда русские стали располагаться в гуще чувашей, последние начали в массовом масштабе заимствовать у русских более совершенные орудия труда и эффективные методы ведения хозяйства. Об этом свидетельствуют отчасти и русские слова, проникшие в чувашский язык в XVI—XIX веках. Русские заимствования, выражающие сельскохозяйственные понятия, в свою очередь можно распределить по следующим рубрикам: 1) орудия труда; 2) сельскохозяйственные культуры; 3) люди, занятые в сельском хозяйстве; 4) методы ведения хозяйства.

Как мы видели выше, название основного сельскохозяйственного орудия сохи (*суха*) чувашами заимствовано у русских. В словарном составе чувашского литературного языка и отдельных говоров имеется ряд других русских слов, обозначающих сельскохозяйственные орудия труда и проникших сюда, по всей вероятности, после присоединения Чувашии к Русскому государству. К ним относится, например, название граблей *кёрепле*. На чувашской почве слово *кёрепле*, кроме прямого, номинативного, значения, употребляется еще в переносном значении: сочетаясь со словом *курăк*, оно обозначает растение (*кёрепле курăк* «синеголовник»). Следовательно, заимствованное *кёрепле* прочно укрепилось в словарном составе чувашского языка. Это слово впервые зафиксировано в «Словаре языков разных народов, в Нижегородской Епархии обитающих...» (1785 г.): грабли — *крапля*; граблями вычищаю — *крапляна туралатып*.

К русским заимствованиям, обозначающим орудия труда, можно отнести слово *кусиле* «косуля», «сошник», «лемех» (название части старинной примитивной сохи)²³, которое употребляется, главным образом, у верховых чувашей. В «Словаре чувашского языка» Н. И. Ашмарина приводится слово *курпушка*²⁴ — название старинной косы. Это русское заимствование (от *горбушка*²⁵), оно встречается лишь в некоторых гово-

²³ См.: Н. И. Ашмарин. Словарь чувашского языка. Вып. VII, стр. 19.

²⁴ Там же, стр. 12.

²⁵ См.: В. И. Даль. Словарь русского языка.

рах, а в литературном языке соответственно употребляется слово *сава*. «В далеком прошлом,—пишут авторы этнографических исследований «Чуваши» (часть 1),—при уборке сена применяли косу-горбушу, распространенную и у других народов края. Горбуша представляла собой как бы увеличенный серп с длинной рукояткой. Горбуши при уборке основных массивов лугов перестали употребляться давно, но при скашивании травы среди кустарника ею пользовались и после революции»²⁶. В связи с этим заметим, что и название бруска для точки косы *лапатка* тоже русское (от *лопатка*). Отсюда: *лапаткала*—точить (косу), *лапаткалан*—натачиваться (о косе), *лапаткалаттар*—позволять наточить, отдавать наточить (кому-л. косу).

В описываемый период проникло в чувашский язык и слово *муттик*, *моттик* (от русского *мотыга*), употребляющееся в настоящее время лишь в отдельных говорах.

Надо думать, что русским заимствованием в чувашском языке является название одного из орудий молотбы *тӑпач* (от русского *дубец*). Кандидат исторических наук В. Д. Дмитриев полагает, что этот способ молотбы чувашами перенят от русских в XVI—XVII вв.²⁷, несомненно, что и само слово вошло в чувашский лексикон приблизительно в этот период.

В чувашском языке можно встретить целый ряд русских слов, обозначающих хлебные и другие растения.

Например, для обозначения картофеля употребляется ряд терминов: *паранкӑ*, *сӗр улми*, *картахви*, *картошкӑ*. Последние два из них проникли в чувашский язык из русского языка. Как замечает проф. П. Я. Черных, эта сельскохозяйственная культура появилась у русских только во второй половине XVII века. На первых порах для обозначения этой культуры в русском языке употреблялось словосочетание *земляные яблоки*²⁸.

Следовательно, *картахви*, *картошкӑ* могли проник-

²⁶ «Чуваши», стр. 90.

²⁷ См.: В. Д. Дмитриев. История Чувашии XVIII века. Чебоксары, 1959, стр. 33 (далее везде «История Чувашии XVIII в.»).

²⁸ Видимо, чувашское название картофеля *сӗр улми* представляет собой кальку с русского *земляные яблоки*.

нуть в чувашский язык только в XIX веке, так как лишь тогда в русском языке слово *картофель* получает широкое распространение.

Название другой овощной культуры *купáста* также русское (от *капуста*). Оно зафиксировано в «Словаре языков разных народов, в Нижегородской Епархии обитающих...» (1785 г.), встречается в произведениях устного народного творчества (в песнях, пословицах, поговорках, сказках и т. д.).

Из названий сельскохозяйственных культур, проникших в чувашский язык в описываемый период, следует отметить *моркка* (от русск. *морковь*). Оно и раньше, и в настоящее время употреблялось и употребляется лишь в говорах верхового диалекта.

Среди русских заимствований имеются и названия людей, занятых в сельском хозяйстве. В XVI—XVII вв. проникло в чувашский язык слово *мишавай* (от русского *межевой*), что означает *землемер*. В этот период, как отмечают историки, проводилось генеральное межевание земель Чувашии, которое способствовало укреплению дворянского землевладения. Так, например, В. Д. Дмитриев пишет: «Вскоре после присоединения Казанского Поволжья, в 60-х гг. XVI в., царское правительство провело описание земель Чувашии. В дальнейшем неоднократно проводились писцовые и *межевые* (курсив наш. — А. Г.) переписи»²⁹.

Как мы заметили выше, чуваша переняли у русских и некоторые методы ведения хозяйства, в результате чего, надо полагать, в их язык проникли и соответствующие русские названия.

К подобным русским заимствованиям в чувашском языке можно отнести *миша* (от русского *межа*), *сапашкай* (русс. *запашка* — название поля, где производили государственную запашку), *сурт*, *сорт* (от русского *сорт*), отсюда *суртла*, *сортла* «сортировать», *сурат* (русс. *зарод*), *пáланчй* «усадыба» (от русск. *плант*), *сакун* (русс. *загон*), *шушил* (русс. *сушило* — название навеса с плоским настилом под крышей для хранения сена) и т. д.³⁰

²⁹ «История Чувашии XVIII в.», стр. 36.

³⁰ Примеры взяты из «Словаря чувашского языка» Н. И. Ашмарина.

В чувашский язык проник из русского языка целый ряд других слов, выражающих сельскохозяйственные понятия и не вошедших в перечисленные выше разделы. Среди них мы находим, например, названия предметов упряжи. В отдельных говорах до сих пор широко употребляется слово *спруй* «сбруя». Также заимствованы из русского языка *хăмăт* «хомут», *пукрашка* «покрышка хомута», *пёрешке* «пристяжка» (напр., *пёрешкери лаша* — пристяжная лошадь). В чувашский лексикон вошли названия отдельных частей телеги, например, *шерттешник* «сердечник», *шин* «шина» и др.

Несомненно, что многие из приведенных здесь слов заимствованы вместе с самими предметами и вещами, т. е. последние переняты чувашами у русских. Это говорит о том, что местное русское население оказывало большое влияние на развитие производительных сил Чувашии. Однако необходимо заметить следующее: заимствование того или иного слова не всегда означает, что заимствованным является и сам предмет. При этом нужно учитывать и то, что в истории языков имеются случаи вытеснения природных слов заимствованными. Данное явление имело и имеет место и в чувашском языке. Поясним это на примере заимствованного *моркка* «морковь», которое в настоящее время употребляется в некоторых говорах верхового диалекта. Сам факт заимствования данного слова в чувашский язык еще не дает основания утверждать, что и сам этот овощ заимствован чувашами у русских. Дело в том, что в некоторых говорах чувашского языка соответственно употребляются другие, природные, слова. Так, в низовом диалекте этот овощ обозначается словом *кишёр*, а в нескольких районах (например в Вурнарском) употребляется слово *шĕкĕнтĕр*. Даже и в некоторых говорах верхового диалекта (например, в Ядринском) это понятие передается другими словами: например, *сар кăшман* (букв. желтая свекла). Следовательно, слово *морковь* в чувашском языке передавалось и передается не только заимствованным *моркка*, но и другими словами. Это говорит о том, что данный овощ не обязательно является заимствованным у русских. В результате тесного общения чувашского населения с русскими природные слова для обозначения моркови в некоторых говорах чувашского языка вытес-

нены заимствованным русским словом *моркка*. Такие примеры можно бы привести еще. Но большинство русских слов заимствованы в чувашский язык вместе с самими предметами и вещами.

Русские заимствования, выражающие понятия административного управления и суда

Русские слова, входящие в эту группу, стали проникать в чувашский язык лишь после вхождения чувашей в состав Русского государства.

В результате приобщения чувашей к русской государственности им приходилось вступать в непосредственные сношения с местными властями, что способствовало массовому заимствованию в чувашский язык слов, связанных с административным управлением и судом. Основной наплыв подобных русских слов в чувашский язык, по всей видимости, начался в XVII—XVIII вв., когда в административном делении и системе управления в Чувашии произошли важные изменения³¹.

Прежде всего в чувашский язык проникло много русских слов, связанных с административно-территориальным делением. Видимо, в конце XVII и в начале XVIII века вошло в чувашский лексикон слово *уйес* (от русского *уезд*), так как к этому времени произошло деление территории Чувашии на уезды. В первой половине XVIII века проникает в чувашский язык слово *кёпёрне* (от русского *губерния*). В работе «История Чувашии XVIII века» В. Д. Дмитриев пишет: «Реформой 1708—1710 гг. были учреждены губернии во главе с губернатором, облеченным большими полномочиями и объединившим в своих руках всю административную, финансовую, судебную и военную власть. Чувашские уезды вошли в Казанскую губернию»³².

Особенно много замечается в чувашский язык русских слов, связанных с аппаратом управления. Видимо, в XVIII в. вошло в чувашский обиход слово *приккас* (от русского *приказ*), как название управленческого аппарата. «В XVII в. города (уезды) Чувашского края,—замечает В. Д. Дмитриев,—входили

³¹ См.: «История Чувашии XVIII в.», стр. 322—354.

³² См. стр. 324.

в состав области понизовых городов, управляемых Приказом Казанского двора»³³. Приказы были созданы и в Чувашии. Слово *прикас* в данном лексическом значении имеется в «Словаре чувашского языка» Н. И. Ашмарина, где приводится такой пример: Виç-тăватă сул хушшинче ку виç-тăватă прикаса ситет «В течение трех-четырех лет этот служил в трех-четырех приказах»³⁴. В начале XVIII века в уездах Чувашии были учреждены канцелярии³⁵. В связи с этим вошло в чувашский лексикон слово *кѣнчелер* (от русск. *канцелярия*)³⁶. В XVIII—XIX вв. проникают в чувашский язык такие русские слова, как *кантур* «контора» (в русский язык заимствовано из немецкого языка в XVIII веке), отсюда *кантур тавраш* «волостное начальство», *кѣпѣрнаттăр* «губернатор», *прикасчăк* «приказчик», *кăртавуй* «городовой», *старостă* «староста», *сутник* «сотник», *тесетник* «десятник», *воевот* «воевода», *упйешчĕк* «объездчик», *чинавник* «чиновник», *уесни член* «уездный член», *уретник* «урядник», *кăлава* «голова», *пурмис* «бурмистр», *снавай* «становой», *тийек* «писарь» (от *дьяк*), *сутски*, *сотеки* «сотский», *страшнăк* «стражник», *писсăр* «писарь», *стурăш* «сторож», *чулавалнĕк* «целовальник», *пĕлеччески* «полицейский», *касак* «полицейский стражник» (от русск. *казак*) и т. д.³⁷ Эти должности царским правительством были учреждены в Чувашии в XVIII—XIX вв. Некоторые из приведенных здесь русских заимствований встречаются в словарях XVIII века: *струш* «сторож»³⁸, *тесьятник* «десятник»³⁹, *княсь* «князь»³⁹, *сянят* «сенат»³⁹, *сотник* «сотник»³⁹, *староста* «староста»³⁹ и некоторые другие.

Хотя присоединение Чувашии к Русскому государству было прогрессивным явлением, однако и после

³³ Там же, стр. 328.

³⁴ Вып. X, стр. 273.

³⁵ См.: «История Чувашии XVIII в.», стр. 323.

³⁶ См.: Н. И. Ашмарин, Словарь чувашского языка. Вып. VII, стр. 259.

³⁷ Примеры в основном взяты из «Словаря чувашского языка» Н. И. Ашмарина.

³⁸ Сравнительный словарь всех языков и наречий, по азбучному порядку расположенный. СПб., 1790—1791. Копия хранится в Научном архиве ЧНИИ.

³⁹ Словарь языков разных народов, в Нижегородской Епархии обитающих..., 1785.

этого чувашский народ не освободился от угнетения. Это оставило заметные следы в лексике чувашского языка.

Как известно из истории, протест и борьба крестьян Чувашии в XVIII веке против произвола помещиков и властей вылились в различные формы. Одним из видов протеста были побеги крестьян из своих селений⁴⁰. Их называли беглыми. В результате в чувашский язык проникло слово *пиклăй* (от русск. *беглый*)⁴¹. Крестьян, уклонявшихся от феодальной ренты, государственных податей и повинностей, а также и беглых били розгами, что отразилось и на лексиконе чувашей: в их обиход вошло слово *ăрăсăй* (от русск. *розги*). Надо полагать, что еще в XVIII веке проникли в чувашский язык слова *куланай* (русс. *головное*)⁴², *упрук* (русс. *оброк*), *шушăк* (русс. *сыщик*), *ăристан*, *ристан* (русс. *арестант*), *ăштрав* (русс. *штраф*), *ăшшур* (русс. *обжора*), *пухайкка* (русс. *нагайка*), *утелли* (от *удельный*), *каттаршнай* (от *каторжанин*)⁴³, *кулуй* (от *голый*) (напр., *кулуй тухка* — обеднел), *нуши* (русс. *нужда*) (дано в «Словаре языков разных народов...» (1785): *нужда* — *нужа*), *христарати* (от русск. *Христа ради*), *сылкă* «ссылка» (последнее слово зафиксировано в «Словаре разных народов...» (1785 г.): *ссылка* — *сылка*; в ссылку посланный — *сылка яни*; в ссылку послану быть — *сылка ямалла болаты*; в ссылку посылаю — *сылка ярадып*; в ссылке жить — *сылкара бурнас*), *тёрме* «тюрьма» (см. названный словарь) и т. д.

Среди дооктябрьских русских заимствований имеется небольшая группа слов, характеризующих царский суд, который защищал интересы эксплуататорских классов. Подобные русские слова, по всей видимости, начали проникать в чувашский язык в XVIII веке. До этого судебная власть находилась в руках администрации. Надо полагать, что словосочетание *суд тавраш* «суд» могло возникнуть в языке лишь в XVIII веке, когда суд

⁴⁰ См.: «История Чувашии XVIII в.», стр. 360—368.

⁴¹ См.: Н. И. Ашмарин, Словарь чувашского языка. Вып. IX, стр. 204.

⁴² Там же, вып. VI, стр. 274.

⁴³ Это слово, первоначально употреблявшееся в значении каторжанин, превратилось в бранное слово (см. Н. И. Ашмарин, Словарь чувашского языка, вып. VI, стр. 166).

стал функционировать как таковой, оно не могло относиться к администрации, которая осуществляла, кроме судебных, административную и полицейскую власть⁴⁴. Кроме слова *суд* (*сут*)⁴⁵ в чувашский лексикон вошли и такие слова, как *сутӑа*, *сутӑе* «судья», *миравай сутӑа* «мировой судья», *ваккат* «адвокат», *çататӑӑ* «заседатель», *çветиттӑл*, *çветиттӑсӑ*, *çвечеттӑл* «свидетель», *касамат* «тюрьма» (от русск. каземат), *шалӑп* «жалоба», *саккун* «закон», *прават* *ту* «оправдать», *прикавар* «приговор» и др.

Русские заимствования, связанные с христианской религией

Русские слова, выражающие понятия христианской религии, стали проникать в чувашский язык по всей видимости, после присоединения Чувашии к Русскому государству, когда началась проводиться политика насильственного обращения народов Поволжья, в том числе и чувашей, в христианство.

Кроме того, следует полагать, что они в лексикон широких масс населения Чувашии могли войти лишь в XVIII—XIX вв., так как «...в XVI—XVII веках царизму не удалось достигнуть каких-либо заметных успехов в своей политике христианизации нерусских народов Поволжья... Весьма незначительным было и число нерусских крестьян, принявших христианскую веру. Среди перешедших в православие в основном были крупные и мелкие феодалы бывшего Казанского ханства, а также крестьяне, приписанные к монастырям»⁴⁶. Однако можно допускать, что некоторые слова из этой группы могли проникнуть в чувашский язык и в XVII веке.

Русские заимствования, связанные с христианской религией, можно распределить по следующим рубрикам: а) монастырь, церковь и служители культа;

⁴⁴ См.: «История Чувашии XVIII в.», стр. 325.

⁴⁵ На базе слова *сут* в чувашском языке был создан ряд других слов и лексических словосочетаний: *сут-ӗр* «суд», *сутӑаш* «судить», *сут ту* «судить», *сутӑ пар* «подать жалобу в суд», *сут чӗлхи* (закливание перед разбором дела в суде) и др. Слово *сут* впервые зафиксировано в «Словаре языков разных народов...» (1785 г.)

⁴⁶ П. В. Денисов, Религиозные верования чуваш. Чебоксары, 1959, стр. 173.

б) религиозные праздники и обряды; в) христианские имена.

После присоединения к Русскому государству на территории Чувашии царское правительство начало строить церкви. Это оставило определенные следы в чувашской лексике. В «Словаре чувашского языка» Н. И. Ашмарина мы находим *чиркӳ* (от русск. *церковь*), которое крепко укоренилось в чувашском лексиконе. Об этом свидетельствуют названия деревень, улиц и др., которые (названия) созданы на базе слова *чиркӳ*. В «Словаре чувашского языка» Н. И. Ашмарина приведен целый ряд подобных названий. Например: *Чиркӳ касси* (название улицы), *Чиркӳл йӳи* (название села), *Чиркӳллӗ Туса* (название села), *Чиркӳллӗ Шемертен* (название села), *Чиркӳл Сӗнчел* (тоже), *чирӗк йал* (название всякого селения с церковью), *Чирӗклӗ Йамаш* (название села), *Чирӗклӗ Шӑхаль* (название села), *чирӗк прашникӗ* (название престольного праздника) и т. д.⁴⁷ Надо полагать, что слово *чиркӳ* вошло в широкое употребление в XVIII веке, когда, по утверждению историков и этнографов, царское правительство «...значительное внимание уделяет созданию на территории Поволжья опорных пунктов православия — церквей и часовен... к 1764 году в чувашских селениях было выстроено 62 церкви»⁴⁸. Об этом же свидетельствует и то, что слово *чиркӳ* встречается в словарях XVIII века⁴⁹.

Не могло не проникнуть в лексикон чувашей и название монастыря (*мӑнастир*), которое встречается в произведениях устного народного творчества, в книгах и брошюрах, вышедших во второй половине XIX века. Надо полагать, что оно вошло в обиход чувашей еще в XVI—XVII вв., когда на территории Чувашии были построены первые монастыри, на которые царское правительство смотрело как на важнейший форпост колонизации.

Наряду с названиями церкви и монастыря в чувашский язык проникали и такие слова, как *лампат* «лам-

⁴⁷ См.: Н. И. Ашмарин. Словарь чувашского языка. Вып. XV, стр. 212—213.

⁴⁸ См.: П. В. Денисов. Религиозные верования чуваш, стр. 192.

⁴⁹ См.: Словарь языков разных народов... (1785).

пада», *праҫвир*, *проҫвир* «просвира», «просфора», *иккун*, *иккон* «икона», *хёрес* «крест» и др.

Большую группу русских заимствований составляют названия лиц, связанных с христианской религией: *елхери* «архиерей»⁵¹, *пачайшкă* «батюшка» (в значении *поп*), *манах* «монах», *ҫветтуй* «святой», *маттайшкă* «матушка», *епискăп* «епископ», *тияккăн* «дьякон», *пуп* «поп» и др.

В чувашский лексикон проникли также русские названия религиозных праздников и обрядов. К этой группе заимствований можно отнести такие слова, как *праҫник* «праздник», *ҫветкă* «святки», *Иленкун* «Ильин день», *ăраштав* «рождество», *Микулнă* «день Миколы», *Ҫименкун* «день Семёна», *сакунне* «заговенье», *сапас* «спас», *снамени* «знамение» (название религиозного праздника), *пăлхавăшнĕ* «благовещение», *Пукрав* «Покров» и т. д. Ни одно из этих заимствованных слов, за исключением *праҫник* и *раштав* (название месяца), не имеется в словарях XVIII века. Надо полагать, что они начали усваиваться чувашами лишь в XIX веке, ибо, как утверждает В. Д. Дмитриев, «...догмы христианской религии они (чуваше.—А. Г.) начали усваивать лишь во второй половине XIX века»⁵².

Вместе с христианской религией стали массами проникать в чувашский язык и христианские имена. На этот счет заслуживает внимания следующее высказывание В. Д. Дмитриева: «Еще до насаждения среди чувашей христианства, как передает Г. Ф. Миллер, чуваше «по примеру русских просят иногда русских же к себе в кумовья, почему некоторые из сего народа и русскими именами называются». Действительно, изучение ландратских и переписных книг первой ревизии показывает, что среди мужских имен чувашей еще задолго до крещения встречается от 10 до 15% русских имен, такие, например, как Иван Кусмурзин, Гаврила Ишпулатов, Максютка Тихонов, Сом Павлов и др. Среди женских имен русские имена в начале XVIII в. составляли 5—7%. Встречаются такие женские имена: Анютка, Орина, Катерина, Матрена, Оксинка и др.»⁵³ Так как «...до середи-

⁵⁰ См.: Словарь языков разных народов...

⁵¹ Там же.

⁵² «История Чувашии XVIII в.», стр. 462—463.

ны XVIII века были обращены в православие лишь единицы, главным образом, представители местной феодальной знати»⁵⁴, то и христианские имена были освоены чувашами медленно. Лишь к середине XVIII века, когда было христианизировано почти все чувашское население, в количестве около 200 тысяч человек обоего пола⁵⁵, христианские имена массами проникли в чувашский язык. На первых порах у крещеных чувашей было по два имени: языческое и христианское. Например: Харитон Борисов (Хоштей), Артемий Яковлев (Ортюшка), Павел Савельев (Осаймендей) и т. д.⁵⁶ В «Словаре чувашского языка» Н. И. Ашмарина мы находим множество русских имен, которые носили чуваше. Например: Йемел, Емелен «Емельян», Ярмули «Ермолай», Ярмушка «Ермошка», Якур «Егор», Уртемей «Артемий», Мусса, Мусси «Мойсей», Миккӑн «Никон», Миххе «Михей», Микканур «Никонор», Матӑрне «Матрена», Лариван «Илларион», Лаврентей «Лаврентий», Сассим «Изосим», Пӑраски «Перасковья», Онтри, Унтри «Андрей», Елекси «Алексей», Сахрун «Софрон», Микулай «Николай», Илле «Илья» и т. д.

Военная терминология

Русская лексика, освоенная чувашами в дооктябрьскую эпоху, представлена и военной терминологией. Из истории известно, что солдат был обречен на военную службу в течение 25 лет. За это длительное время чуваше постоянно общались с русскими, в результате в их лексикон проникали русские слова, связанные и с военным делом. Возвращаясь на родину, они, разумеется, в обращении с сородичами и вообще с чувашами часто употребляли военные термины, которые, таким образом, проникали и в лексикон широких масс чувашского населения. Военные термины, заимствованные в чувашский язык из русского языка и из других языков, можно распределить по следующим рубрикам: а) военная техника и вооружение; б) лица, связанные с военным делом; в) военное обмундирование.

⁵³ Там же, стр. 479.

⁵⁴ Там же, стр. 346.

⁵⁵ Там же, стр. 348.

⁵⁶ Там же.

К первой группе заимствований относится слово *пайшал* «ружье». Оно восходит к русскому *пищаль*. П. Я. Черных, проследившая историю данного слова, пишет следующее: «Некогда это слово (корень *пис*) имело значение «свирель». Учтем при этом, что *пищати* в древнерусском значило не только «издавать писк», но и «трещать» (срв.: «огнь *пищитъ*» (Сказание о книгах по сп. XVII в., по Срезневскому))⁵⁷. Далее он замечает, что «Как название огнестрельного оружия (пушки и ружья) *пищаль* стало известно с начала XVI века. В петровское время это слово в качестве военного термина выходит из употребления...»⁵⁸. Отсюда можно сделать вывод, что слово *пайшал* могло проникнуть в чувашский язык не раньше XVI века и не позже XVIII века. По всей видимости, оно проникло в чувашский лексикон в конце XVI и начале XVII века и прочно вошло в чувашский язык. Оно встречается в первой чувашской грамматике (1769 г.): *пишалъ* — ружье. Интересно заметить здесь следующее: русское слово *пищаль* рано вышло из употребления, вместо него стал употребляться термин *ружье* (в XVII веке)⁵⁹, однако чувашское *пайшал* не только не вышло из употребления, но и обросло чувашскими словообразовательными аффиксами и на базе его возникло множество лексических словосочетаний: *пайшалсă* «охотник», *пайшаллă* «имеющий ружье», *пайшалсăр* «не имеющий ружья», *пайшал аври* «ложе ружья», *пайшал асти* «оружейных дел мастер», *пайшал йетри* «дробь», *пайшал вучахĕ* «стержень, бабка ружья», *пайшал ваййи* «строевое занятие», *пайшал кĕпчекĕ* «ствол ружья», *пайшал кучĕ* «ложе», *пайшал саварĕ* «дуло ружья», *пайшал тарĕ* «порох», *пайшал хулли* «шомпол» и др. Слово *пайшал* вошло в словарный состав современного чувашского литературного языка, напр., Отечественнай Аслă вăрçара аллахĕс-пайшал тытса паттар савăсна совет салтакĕсене ёмĕр-ёмĕр мухтав! (Журн. «Ялав») «Вечная слава советским солдатам, героически сражавшимся с оружием в руках в Великой Отечественной войне!» *Пайшал* сассисене илĕрĕс пулсан, часах персе те ситĕс (А. Артемьев, Алтăр

⁵⁷ «Очерк русск. историческ. лексикологии», стр. 221.

⁵⁸ Там же, стр. 221.

⁵⁹ Там же, стр. 220.

çăлтăр) «Если они слышали ружейные выстрелы, то могут в сию же минуту прибежать сюда».

К заимствованиям первой группы также можно отнести слово *йётре* «ядро». В чувашском языке *йётре* употреблялось и в значении «порох», «дробь» (см. «Словарь чувашского языка» Н. И. Ашмарина, выпуск X, стр. 181: *пăшал йётри* «порох» и выпуск IV, стр. 290: *Кăвакала виçе йётре пырса тивнĕ* «В утку попало три дробинки»). Видимо, оно проникло в чувашский язык почти одновременно со словом *пăшал*, т. е. в конце XVI — в начале XVII вв., а может быть, и несколько позднее.

К описываемой группе заимствований относятся также *вувьёр*, *вольвёр* «револьвер», *киншал* «кинжал», *накан* «наган», *помпă* «бомба», *сапăл*, *саплĕ* «сабля», *крепăç* «крепость», *палатка* «палатка», *окоп* «окоп», *ăштик* «штык» и т. д. Следует заметить, что некоторые из них могли войти в чувашский лексикон лишь в XVIII, XIX веках и в начале XX века, так как до этого времени они не употреблялись и в самом русском языке⁶⁰. А в период первой мировой войны они входят в широкое употребление.

Среди дореволюционных русских заимствований встречаются названия военных должностей и чинов, родов войск и т. д. Видимо, в XVII веке входит в чувашский лексикон слово *салтак*. Русское *солдат* стало известно с тридцатых годов XVII века и вскоре получило широкое распространение. Слово *салтак* вошло в лексикон широких масс чувашского населения, видимо, в конце XVII и в начале XVIII веков⁶¹, затем на базе его возник целый ряд терминов-словосочетаний. Приведем некоторые из них из «Словаря чувашского языка» Н. И. Ашмарина: *салтак ачи* «рекрут», «солдат», *салтак вăййи* «маршировка, военное обучение, маневры», *салтак ячĕ* «имя в призывном списке», *салтак матки* «солдатка» и т. д.⁶² Оно встречается во многих народных песнях, записанных во второй половине XIX века. Все это свидетельствует о том, что *салтак* вошло в самое широкое

⁶⁰ «Очерк русск. историческ. лексикологии», стр. 216—226.

⁶¹ Оно зафиксировано в 1785 году в «Словаре языков разных народов, в Нижегородской Епархии обитающих...»

⁶² Вып. XI, стр. 36—37.

употребление. В произведениях устного народного творчества чувашей нередко встречается слово *рекрут*, вошедшее в чувашский язык, по всей видимости, в XVII—XVIII вв., так как в этот период проводились систематические рекрутские наборы⁶³, а людей, призываемых в армию, называли рекрутами. Следует обратить внимание на слово *йанрал*⁶⁴ «генерал». Можно полагать, что оно освоено чувашами еще тогда, когда в русском языке слово генерал употреблялось в форме *янарал*, *енерал*⁶⁵. П. Я. Черных отмечает, что это слово (*янарал*, *енерал*) общерусскому языку не было чуждо еще в тридцатых—сороковых годах XVII века. Видимо, несколько позднее оно проникло и в чувашский лексикон. В «Словаре языков разных народов...» (1785 г.) это слово дано в форме *еранал*. К данной группе заимствований можно также отнести слова *ахвитсар*, *ахвитсер* «офицер» (в русском языке оно введено с петровской эпохи⁶⁶), *хвелтхепёл* «фельдфебель», *уретнёк* «урядник», *каппиттан* «капитан», *камантер* «командир» и др.

Небольшую группу заимствований составляют слова, обозначающие военное обмундирование. Сюда относятся *калихве* «галифе», *покон*, *пакун* «погон» и некоторые другие.

Имеется ряд слов, не вошедших в указанные выше разделы. Например: *пёрйум* «прием» (новобранцев) (см. «Словарь чувашского языка» Н. И. Ашмарина, выпуск 7, стр. 230: «Мёншён кайас Патёрйёл пёрйумне, турёпа патшана та йурас сук»), *причак* «присяга», *срочка* «отсрочка», *хронт* «фронт», *митал* «медаль», *касарма*⁶⁷ «казарма» (в словаре Н. И. Ашмарина, выпуск VI, стр. 132: Салтак выртать *касармара* к(й)вак шинелне пёркенсе «Солдат лежит в казарме, накрывшись своей серой шинелью; там же, стр. 129: Патша *касарми* чул ка-

63 См.: «История Чувашии XVIII в.», стр. 183.

64 См.: Н. И. Ашмарин. Словарь чувашского языка. Вып. IV, стр. 198.

65 См.: «Очерк русск. историческ. лексикологии», стр. 236.

66 Там же, стр. 222.

67 Это слово в русский язык проникло из польского или немецкого языка в XVIII веке (см. П. Я. Черных. Очерк русск. историческ. лексикологии, стр. 137). Следовательно, оно могло заимствоваться в чувашский язык лишь в XVIII веке или в первой половине XIX века.

сарма, ахутаран каякан пёри сук «Царская казарма — каменная казарма, никто туда по своему желанию не хочет ехать»), шинел «шинель» и др.

Заимствования, обозначающие строения, жилища, домашнюю утварь, посуду и др.

В. Д. Дмитриев, описывая быт чувашского народа, замечает следующее: «В быте и культуре чувашского народа отразились... следы взаимодействия с культурой соседних народов»⁶⁸. Одним из народов, оказавших наиболее сильное влияние на быт чувашей, были русские. Об этом свидетельствуют и языковые данные. В лексике современного чувашского языка найдено большое количество русских заимствований, обозначающих поселения, постройки, жилища, домашнюю утварь, посуду и т. д. Русские слова, относящиеся к бытовой лексике, в чувашский язык, надо полагать, проникали и до XVI века, однако тогда этот процесс не мог носить интенсивный характер из-за относительно слабых связей между чувашским населением и русскими. Активный приток подобных русских слов начинается с момента присоединения Чувашии к Русскому государству, т. е. с XVI века.

Лексика, характеризующая поселения, представлена такими словами, как *униче*, *улице* «околица» (от русск. *улица*), *укалча* «околица», *сала* «село», *пазма* «пазмо» и т. д. Остановимся на некоторых из них более подробно. Слово *улице*, *униче* не зафиксировано ни в одном словаре XVIII века. Как утверждают историки, до середины XIX века в чувашских деревнях не было правильных улиц. В. Д. Дмитриев, например, пишет следующее: «В чувашских деревнях, как и в селениях некоторых других народов Поволжья, вплоть до середины XIX века не было правильных улиц. Для чувашских деревень характерно было кучное расположение дворов, возникшее в результате отпочкования дворов от отцовской усадьбы»⁶⁹. Далее В. Д. Дмитриев ссылается на И. И. Лепехина, который в 1763 году писал, что деревни народов Поволжья «построены не улицами, как у русских, но ку-

⁶⁸ «История Чувашии XVIII в.», стр. 442.

⁶⁹ Там же, стр. 444.

чею»⁷⁰. Во второй половине XIX века, надо полагать, под влиянием русских сел в чувашских деревнях появляются прямые, правильные улицы, что оставило следы и в лексике чувашского языка: в лексикон чувашей проникло слово *улице*, *униче* (верх. *онича*, *оличча*). Хотя оно на чувашской почве стало обозначать околицу⁷¹, но в словаре Н. И. Ашмарина слово *униче* приводится и как название улицы⁷².

Сразу же после присоединения Чувашии к Русскому государству здесь начали возникать русские села, чуваша стали называть их словом *сала* (от русск. *село*). Оно имеется в «Словаре языков разных народов...» (1785 г.) В словаре Н. И. Ашмарина мы находим следующие выражения: Чăвашсем нумай вырăс йăлсене *сала* тесĕ «Многие русские деревни чуваша называют селами»; *Сала* — хулана сымах вырăс ялĕ «Село — расположенная вблизи города русская деревня», *сала* вырăсĕ «житель русского селения»⁷³. Несколько позднее это слово стало обозначать и чувашские деревни, переселившиеся в новые места. На это обратил внимание Н. И. Ашмарин. В его словаре читаем следующее: «Куçса ларнă йăлсене *сала* тесĕ (даже и чувашские) «Переселившиеся деревни (даже и чувашские) называют селами»⁷⁴. Многие чувашские деревни и по сей день называются селами. Это название (*село*) за ними закрепилось, видимо, потому, что они в свое время переселились из других местностей. В некоторых выражениях слово *сала* употреблялось и употребляется в значении «деревня вообще»: *салакайăк* «воробей» (буквально: *сельская птица*). Слово *сала* встречается в старинных народных песнях и пословицах: Атте килĕ *сала* тек, кайăк вĕссе тухаймас, эпĕ йĕлĕ тухай-ши «Отцовский дом как село, птица не может улететь, как же выберусь я» (из словаря Н. И. Ашмарина, выпуск XI, стр. 24). Все это свиде-

⁷⁰ «История Чувашии XVIII в.», стр. 444.

⁷¹ Переосмысление русского слова *улица* на почве чувашского языка, по всей видимости, объясняется следующим обстоятельством: раньше, при кучном расположении дворов, надо полагать, околица служила улицей и за нею закрепилось название *улице*, *олича*, которое употребляется в этом значении и по сей день.

⁷² Вып. III, стр. 245.

⁷³ Вып. XI, стр. 24.

⁷⁴ Там же, стр. 24.

отнести, например, слово *чалан*, имеющееся уже в «Словаре языков разных народов...» (1785 г.) Рассматриваемая группа русских заимствований представлена и другими словами. Приведем лишь некоторые из них: *кёрильца* «крыльцо» (см. словарь Н. И. Ашмарина, VII выпуск, стр. 284: *Кёрилтси* *синь тухса таттар-и*: ачам килет тесе кёттёр-и? (Из солдатской песни) «Пусть выйдет она на крыльцо и ждет возвращения своего сына»), *кухняй* «кухня», *стена* «стена», *решетке*⁷⁷ «решетка», *мачча*⁷⁸ «потолок» (от русск. *матияца*), *карнис* «карниз», *крыльца* «крыльцо», *рама*, *рам* «рама», *пёраклад* «перекладина» (см. словарь Н. И. Ашмарина), *палатти* «палаты», *камака*⁷⁸ «печь» (от русск. *каменка*), *каланакка* «подтопок» (от голландск. *пичурка*), *пичурка* «печурка», *пата-лах* «потолок», *пайс*⁷⁷ «брус», *пёрне*⁷⁸ «презвод», *пёрне-че*⁷⁷ «драница», *пурс* «тес», *пурлар* «нарыз» (от русск. *добнарье*), *тáрупа*, *тáрпа* «труба», *лúшкэ* «вьюшка», *укашкэ* «окошка», *крышй* «крыша», *шудлап* «желоб», *карак* «косяк» и т. д.

Наиболее многочисленную группу дооктябрьских заимствований составляют названия домашней утвари и посуды. Многие из них даны в словарях XVIII века.

В «Сочинениях, принадлежащих к грамматике чувашского языка» (1769 г.) зафиксированы следующие слова: *силка* «зыбка», *стопка* «стопка», *солондчэ* «солонница», *квашь черязь* «квашня», *пичка* «бочка».

В «Словаре языков разных народов, в Нижегородской Епархии обитающих...» (1785 г.) находим такие слова, как *пура* «бурав», *плэчэ* «сливница», *вэтра* «ведро», *варанка* «воронка», *горшакэ* «горшок», *ящикэ* «ящик», *котомка* «котомка», *пучишэ* «пучиш», *крушка* «кружка», *мешэ* «мешок» (от *меш*), *посуда* «посуда», *стель* «стол», *сондак* «сундук», *хонарь* «фонарь».

Группа дооктябрьских русских заимствований, представляющих собою названия домашней утвари и посуды, приведенными выше примерами далеко не исчерпывается. В «Словаре чувашского языка» Н. И. Ашмарина, в произведениях дореволюционных чувашских писателей,

⁷⁷ Отмеченные слова зафиксированы в «Словаре языков разных народов, в Нижегородской Епархии обитающих...»

⁷⁸ Эти слова даны в «Сочинениях, принадлежащих к грамматике чувашского языка», 1769.

устного народного творчества, на страницах первой чувашской газеты «Хыпар» и др. встречаем десятки русских заимствований данной группы. Вот далеко не полный перечень их: *лаххан* «лохань», *скамые* «скамья», *кресле* «кресло», *шкап* «шкаф», *черкке* «чарка», *потнус* «поднос», *ухват* «охват», *курите* «корыто», *лампы* «лампа», *путпилккă* «подпилкок», *лум* «лом», *пакур* «багор», *карçинкка* «корзинка», *самавар* «самовар», *самок* «замок», *чайăк* «чашка», *вилккă* «вилка», *кусар* «косарь», *турилкке*, *торялккă* «тарелка», *чейнĕк* «чайник», *вранькка*, *варинкке* «воронка», *кунчелке* «кошелек», *койккă* «койка», *кравать* «кровать», *лăшук* «мешок», *метенке* «метелка», *сăншолкă* «защелка», *савук* «совок» (которым берут муку), *стăпăк* «стопка», *пăлашка* «плошка» (название чашки) и т. д.

Можно было бы продолжить и дальше перечень подобных заимствований, но и из приведенных здесь примеров видно, что эти слова представляют собою наиболее многочисленную группу среди дооктябрьских русских заимствований.

Названия пищи, напитков и овощей

Среди дооктябрьских русских заимствований довольно многочисленную группу составляют и названия пищи, напитков и овощей. Некоторые из них зафиксированы еще в словарях XVIII века. В «Сочинениях, принадлежащих к грамматике чувашского языка» (1769 г.) даны следующие слова: *абатъ* «обед», *касхĕ абатъ* «ужин», *прусь* «перец», *салатъ* «солод». В «Словаре языков разных народов, в Нижегородской Епархии обитающих...» (1785 г.) имеются слова *шарикланы* «жареный», *ирьги абатъ* «завтрак», *капустă* «капуста», *квасла* «квасный», *чоста* «тесто», *чоста сюрăданъ* «тесто мешу», *хрень* «хрен». Надо полагать, что эти русские слова проникли еще задолго до появления первой чувашской грамматики и словаря 1785 года. Несомненно, что авторы их зафиксировали те русские заимствования, которые широко употреблялись в то время чувашами. Об этом свидетельствует то, что эти слова на почве чувашского языка выступают в несколько иной фонетической форме, чем

в оригинале. А для фонетической ассимиляции заимствований нужно немалое время. Кроме того, надо думать, что в этих трудах, т. е. в первой чувашской грамматике и в словаре 1785 года, даны далеко не все русские заимствования, относящиеся к описываемой группе, так как словарная часть первой чувашской грамматики и «Словарь языков разных народов, в Нижегородской Епархии обитающих...» содержит очень небольшое количество слов. Ниже приводятся наиболее употребительные русские заимствования из данной группы, которые проникли в чувашский лексикон в XVI—XIX вв.: *кёрне* «крупа», *кулач* «калач», *корчитс* «горчица», *каравай* «каравай», *кёлентёр* «крендель», *кёсел* «кисель», *манна кёрпи* «манная крупа», *маххан* «махан» (конина), *пәремёк* «пряник», *сахар*, *саххар* «сахар», *супён* «студень», *лапша* «лапша», *пельмен* «пельмени», *асла* «сусло», *шуцка* «сушки», *канвит* «конфета», *пёлём* «блин», *суххари* «сухари», *йшти*⁷⁹ «щи» (капуста, приготовленная для щей), *метенкё* «медянка» (сорт яблок), *саккуска* «закуска», *сайкка*, *сайак* «сайка» (булка, пшеничный хлеб самого крутого замеса), *кучан* «кочерыжка» (ср. русск. *кочан*), *вупал* «вобла», *льюща* «лещ», *севрёк* «севрюга», *карас* «груздь», *калпасси* «колбаса» и т. д. Все эти слова мы находим в «Словаре чувашского языка» Н. И. Ашмарина, в произведениях дореволюционных чувашских писателей, устного народного творчества и др. Приведем некоторые примеры: *Икё пёлём пёсертём, пёрне сёре үкертём* «Испекла два блина, один из них уронила на землю». *Сакка йал хёрёсем ма шура? Сайкка-сайкки сайккина шура кулач синё, сампа шура пуля, тет* «Почему девушки этой деревни белые? Они целыми сайками ели калач, поэтому белые» (словарь Ашмарина, выпуск XI, стр. 21). *Шушке те карас, шушке те карас тесе телёнеççе тет* «Вырастем щука да карась, щука-та карась», —

⁷⁹ От русского *шти* — более раннего фонетического варианта слова *щи*. На этот счет П. Я. Черных пишет: «Трудно сказать, существовало ли в общеславянском языке то слово, потомком которого является русское *щи*. Как известно, А. И. Соболевский возводил его к им. мн. *сьти* от *сьтъ*... В русских говорах до недавнего времени вместо *щи* держалась форма *сти*. Еще чаще можно было встретить форму *шти* (из *сти*). Так говорил, между прочим, и сам Ломоносов (напр., «шти простынут» в письме к Шувалову)» (см. «Очерк русск. историческ. лексикологии», стр. 69).

удивляются, говорят, русские» (из рассказа И. Я. Яковлева, 1885 г.) Пурçан тутăр путарккă, шур пёреник сак-кусăк «Шелковый платок — подарок, белый пряник — закуска» (словарь Ашмарина, выпуск XI, стр. 21). Вёсене чей, эрех вăл-ку ёстерет, сăмарта, чăкăт, шăрттансем те лартса ситерет «Их угощает чаем, водкой, яйцом, сыром, шыртаном» (из рассказа И. Н. Юркина, 1889).

Слова, обозначающие одежду, обувь, головные уборы, украшения

Чуваши, живя в непосредственном соседстве с русскими, освоили у них некоторые элементы одежды, обуви и головные уборы, в результате чего в чувашский язык проникли и их названия. Некоторые из них находим еще в «Словаре разных народов, в Нижегородской Епархии обитающих...» (1785 г.). Так, например, в этом словаре даны слова *калпак* (калбак)⁸⁰ «колпак», *чылха* (чулка) «чулки». Далее приведем наиболее употребительные русские заимствования, относящиеся к описываемой группе: *пиншак* «пиджак», *перчетке* «перчатка», *шарф* «шарф», *шэлепке* «шляпа», *калуш* «галoши», *пуртенкке* «портянки», *мулаххай* «малахай», *патуш* «подoшва», *шаль* «шаль» (например, *шаль тутри*), *саттин* «сатин», *саплăк* «заплата», *сангал* «сандали», *самăшни* «замшевый» (например, верх. *самăшни алса* — замшевые варежки), *сукна* «сукно», *союз*, *союзка* «союзка» (у обуви), *путметке* «подметка», *куплак* «каблук» (куплак — это колодка под лаптями, ср. татарск. *кутама*), *пёрашка* «пряжка» (см. словарь Н. И. Ашмарина, выпуск X, стр. 228: «Чён пёрашка ан сыхăр, шартлаттарса ан хурăр»), *пумаши* «бумазея», *похронька* «тесемка» (от русск. похромка), *пучинкке* «ботинки», *пальтту* «пальто», *шилег* «шилеть», *лентта* «лента», *сараппан* «сарафан», *кухайккă* «фufайка», *юпкă* «юбка» и т. д.

Названия народностей, городов, селений и географических местностей

Присоединение Чувашии к Русскому государству положило начало торговым связям чувашей с разными русскими городами. Тяжелое экономическое положение

⁸⁰ В скобках дана транскрипция, принятая в словаре.

гнало их на сезонные работы в Нижний Новгород, Самару, Астрахань, Великий Новгород, Симбирск, Москву и т. д. Из разных городов России приезжали в Чувашию русские. В результате этого у чувашей постепенно расширяется кругозор, они узнают от русских много нового, представление о России и о других странах у них становится все шире и шире. Вместе с этим чувашаи осваивают названия разных городов и сел, народностей и географических местностей: *Чёмпёр* «Симбирск», *Саккам* «Закамье», *Веткё* «Вятка», *Пярэчкав* «Порецкое», *Еленпур* «Оренбург», *Аришав* «Варшава», *Чистай* «Чистополь», *Астърхан* «Астрахань», *Сёве* «Свияга», *Урал* «Урал», *Сёпёр* «Сибирь», *Капкас* «Кавказ», *хрантеус* «француз», *акълчан* «англичанин», *пуляк* «поляк», *чикан* «цыган», *мъриккан* «американец», *яппун* «японец» и много других.

Слова, обозначающие торговлю, товары, деньги

В словарях XVIII века, книгах и брошюрах, изданных в дооктябрьскую эпоху, а также в «Словаре чувашского языка» Н. И. Ашмарина находим целый ряд заимствованных из русского языка слов, характеризующих торговлю, деньги и товары.

Подобные слова в чувашский лексикон начинают проникать, видимо, во второй половине XVI века, когда появляются первые зачатки торговли и экономических связей Чувашии со всероссийским рынком. Однако активный приток русских слов, обозначающих торговлю, начинается, видимо, в XVII—XVIII веках, когда ясно усиливается торговля в Чувашии.

Описывая развитие торговли и экономических связей Чувашии со всероссийским рынком, В. Д. Дмитриев пишет: «Еще в XVII в. рост товарного обращения и усиление обмена между областями вели к постепенному концентрированию небольших местных рынков в один всероссийский рынок. В продолжавшемся в XVIII в. процессе становления всероссийского рынка экономика Чувашии все более и более втягивалась в торговую систему страны. В производственной специализации областей России Чувашия заняла определенное место. Развитие местного рынка и расширение связей края со всероссийским рынком тесно переплетались... В XVIII в. ясно прослеживается рост торговли в Чувашии. Он был об-

условлен прежде всего развитием производительных сил, товарного производства в крае»⁸¹.

Изучение заимствованных русских слов, характеризующих торговлю, дает много ценного для уяснения некоторых вопросов истории чувашского народа.

Большой интерес в этом плане представляет история слова *тенкё* «деньги». Следует заметить, что это слово в русский язык проникло в XIV веке из тюркских языков, где оно употреблялось в форме *тамга*, *дамга*, в значении «тавро, денежный знак, монета». Исходя из этого, некоторые лингвисты полагают, что слово *тенкё* проникло в чувашский язык не через русский язык, а непосредственно из тюркских языков. С этим нельзя согласиться. Дело в том, что в правильном определении того, из какого языка заимствовано то или иное слово, большую роль играет фонетический облик слова. Это особенно ярко проявляется в истории слова *тенкё*. Если бы оно действительно проникло в чувашский язык из тюркских языков, то имело бы несколько иной фонетический облик (например *тамка*, *тенке* и т. д.). Оно по своей фонетической форме ближе к русскому *деньги*, чем к тюркскому *дамга*, *тамга* (ср. *тенкё* — *деньги*). Это позволяет сделать вывод о том, что слово *тенкё* в чувашский язык заимствовано из тюркских языков именно через русский язык⁸².

К русским заимствованиям, обозначающим деньги, можно отнести также слово *полтинник* в значении «50 копеек» (от русского *полтинник*). В «Словаре чувашского языка» Н. И. Ашмарина приводится следующее выражение, взятое из народной песни: «И лопкай перкёне, *полтинакайх*» (курсив наш — А. Г.) *тоттәрне шанса парса йамаре*⁸³. В словаре Н. И. Ашмарина встречаются также слова *пракон* (в значении «прогонные деньги»), *копейкă* «копейка».

Кроме того, в чувашский язык проник ряд русских слов, обозначающих торговые предприятия и места: *лапка* «лавка» (отсюда *лапкаçă*), *ярмăнкă* «ярмарка» и т. д.

⁸¹ «История Чувашии XVIII в.», стр. 257.

⁸² В связи с этим следует заметить, что имеется целый ряд других слов, проникших в чувашский язык из тюркских языков через русский язык.

⁸³ Вып. IX, стр. 284.

К русским заимствованиям дооктябрьской эпохи, характеризующим торговлю, деньги и товары, относятся также слова *тавар* «товар», *пуххут* «поход», (небольшой излишек в весе), *пӓт* «пуд», *пӓтавка* «пудовка», *сасатка*, *сасаткӓ* «задаток», *клеме*⁸⁴ «клеймо» и т. д. Имеется ряд названий лиц, связанных с торговлей: *купса* «купец», *прикашнӓк* «приказчик», *лавӓшник* «лавочник», *чулавалнӓк* «целовальник» (в значении сиделец в винной лавке), *калашник*, *калашнӓк* «калачник» и др.⁸⁵

Названия средств связи и передвижения

Русская лексика, проникшая в чувашский язык в дооктябрьскую эпоху, представлена и названиями средств связи и передвижения. Это, несомненно, свидетельствует о том, что некоторые средства связи и передвижения освоены чувашами у русских.

Из названий средств связи можно привести слово *пуштӓ* «почта». В русском языке оно, по всей видимости, возникло во второй половине XVII века. П. Я. Черных, проследивая историю этого слова, замечает следующее: «...в шестидесятых — семидесятых годах XVII в. у нас (в России. — А. Г.) возникает... почта, почтовая гоньба, и одновременно и целая группа новых, сначала непривычных слов, так или иначе связанных с этим новым явлением русской жизни»⁸⁶. Видимо, несколько позднее, может быть, в XVIII—XIX веках, почта появляется и на территории Чувашии, а в чувашский лексикон проникает слово *пуштӓ*⁸⁷ и возникают следующие лексические словосочетания: *пуштувуй кантур* «почтовая контора», *пуштӓ ещӓкӓ* «почтовый ящик», *пуштӓ сӓретекеч* «почталь-

⁸⁴ Это слово дано еще в «Словаре языков разных народов, в Нижегородской Епархии обитавших...»

⁸⁵ Эти слова приводятся нами из словаря Н. И. Ашмарина, произведений дореволюционных чувашских писателей (см. сб. «Произведения дореволюционных чувашских писателей», Чебоксары, 1962, на чувашск. яз.), устного народного творчества и т. д.

⁸⁶ «Очерк русск. историческ. лексикологии», стр. 231.

⁸⁷ Такое фонетическое оформление этого слова, т. е. с чередованием *ч* с *ш*, объясняется тем, что в русском народном произношении слово *почта* употреблялось и сейчас употребляется с *ш*: *пошта* (см. «Очерк русск. историческ. лексикологии», стр. 231).

оп»⁸⁸. Интересна история слова *ямшăк*, которое восходит к русскому *ямщик* в значении «кучер на ямских почтовых лошадях». Оно проникло в чувашский язык из тюркских языков через русское посредство. Русское *ямщик* восходит к татаро-монгольскому *дзямчи* (монг. *дзям* — «дорога»). О том, что слово *ямшăк* заимствовано в чувашский язык из тюркских языков через русское посредство, свидетельствует его фонетический облик (ср. *ямщик* — *ямшăк*). Если бы оно проникло сюда непосредственно из тюркских языков, то фонетическая форма его была бы несколько иная, более похожая на монгольское *дзямчи*. Видимо, на первых порах слово *ямшăк* употреблялось в том же значении, что и русское *ямщик* — кучер на почтовых лошадях⁸⁹. В «Словаре чувашского языка» Н. И. Ашмарина читаем следующее выражение: «Сыру сыртăм, пичет пуэрăм, ямшăк ямшăк тупмарăм «Написал я письмо, поставил печать, но для отправления его не нашел ямщика» (Выпуск IV, стр. 188). А словосочетание *ямшăк çулĕ* Н. И. Ашмарин перевел на русский язык как *почтовая дорога*. Позднее слово *ямшăк* стало обозначать кучера вообще: Улпут панче ямшăкра пурăннă «У помещика работал кучером» (словарь Н. И. Ашмарина, выпуск IV, стр. 188). Кроме того, *ямшăк* обозначал и простую телегу: *ямшăк урапа* (или просто *ямшăк*) «простая телега»; *ямшăкла урапа* «телега с задом, возовая телега»⁹⁰. В словаре Н. И. Ашмарина приводится еще слово *ямшăк* (а не *ямшăк*) в значении «пара лошадей». Паян пилĕ ямшăк иртсе кайрĕ⁹¹ «Сегодня прошла пара красивых лошадей».

К названиям средств передвижения относятся слова *тăрантас* (от русск. *тарантас*), *саласкă* (русс. *салазки*), *потсанкă* (русс. *подсанки*), *ритăван*⁹² (русс. *рыдван* — род телеги), *пăтрис* (русс. *подрез* — у саней) и др. К заимствованиям, проникшим в чувашский язык в XVI—XIX вв., можно отнести слово *пăнттавуй*, что озна-

⁸⁸ См. Н. И. Ашмарин. Словарь чувашского языка. Вып. X, стр. 69.

⁸⁹ Там же. Вып. IV, стр. 188.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Там же.

⁹² Там же. Вып. X, стр. 177.

чает «общественный ямщик» (от русск. *пунктовый*). Напр., *Панттавуй чупать* «Занимается ямщицеством».

Русская лексика, заимствованная в чувашский язык в дооктябрьскую эпоху, представлена и словами, обозначающими средства и способы передвижения по воде. Следует полагать, что они большей частью вошли в чувашский лексикон в XIX веке, когда в России стал развиваться водный транспорт. То, что Чувашия расположена на Волге, способствовало более быстрому проникновению подобных слов в чувашский язык. Так, например, слово *пароход* в русском языке возникло в начале XIX века⁹³. Оно проникло и в чувашский язык и на новой почве изменило свою фонетическую форму (низ. *пăрахут*, верх. *проххот*).

К данной лексической группе относится слово *карап* (от русск. *корабль*). Оно заимствовано в чувашский язык намного раньше, чем *пăрахут*.

Из истории известно, что многие чуваша еще при Петре I участвовали в строительстве кораблей, и это не могло не отразиться в их лексиконе. О более раннем проникновении данного слова в чувашский язык свидетельствует и его фонетическая форма (корабль—*карап*). Ранние заимствования, как мы заметили выше, на чувашской почве заметно меняли свой фонетический облик, а более поздние (начиная, примерно, со второй половины XIX века) произносились почти так же, как в русском языке. Это объясняется тем, что раньше сношения чувашей с русскими были слабыми, не систематическими, а в XIX веке они становятся более тесными. В этом заметную роль сыграли и школы, в которых обучение велось главным образом на русском языке. Если бы слово *корабль* проникло в чувашский язык во второй половине XIX или в начале XX века, то оно звучало бы здесь примерно так же, как *корабль* (например, *коранпăл*, *коранпăль*). Слово *карап* впервые зафиксировано в «Словаре языков разных народов, в Нижегородской Епархии обитающих...» (1785 г.)

К русским заимствованиям, связанным с водным транспортом, относятся также слова *парăш* «баржа», *пурум* «паром», *лутка* «лодка», *парăс* «парус», *кăпиттан* «капитан», *матрус* «матрос», *яккăр* «якорь», *пристăн*

⁹³ См. «Очерк русск. историческ. лексикологии», стр. 234.

«пристань», *пӑршовой* «биржевой» (извозчик)⁹⁴, *савуҫӑн*, *савӑннӑй* «завозня» (название особого вида плоскодонного судна)⁹⁵, *путса* «путцы» (у веслы)⁹⁶, *потӑньӑк* «ботник» (название лодки), *правай* «пароход» (от русск. паровой)⁹⁷, *пӑривус* «паром» (от русск. перевоз) и другие, проникшие в чувашский лексикон во второй половине XIX века.

В числе заимствований, относящихся к XIX веку, имеется небольшая группа слов, связанных с железнодорожным транспортом. Как известно, железнодорожное строительство в России началось в конце тридцатых годов XIX века. Отсюда ясно, что соответствующие термины не могли проникать в чувашский язык до этого времени. Такие слова, как *станци* «станция»⁹⁸, *пуйӑс* «поезд», *вагон* «вагон», *паравус* «паровоз», *ваксал* «вокзал», *чугун тул* «железная дорога» (от старин. *чугунка*), *кантуҫтар* «кондуктор», *рельсӑ* «рельс», *стрелӑшник* «стрелочник» и др., начинают проникать в чувашский лексикон со второй половины или с конца XIX века, когда и на территории Чувашии развернулось железнодорожное строительство.

Слова, выражающие понятия культуры и просвещения

В чувашский язык еще в дооктябрьскую эпоху успела проникнуть группа слов, выражающих понятия культуры и просвещения. Для того, чтобы установить хотя бы приблизительно время проникновения их в чувашскую лексику, необходимо знать историю развития народного просвещения в Чувашии. Начало распростране-

⁹⁴ См. Н. Н. Андрияш, Словарь чувашского языка. Вып. X, стр. 145.

⁹⁵ Там же. Вып. XI, стр. 12.

⁹⁶ Там же. Вып. X, стр. 12.

⁹⁷ Там же. Вып. X, стр. 266.

⁹⁸ В чувашском языке, кроме того, имелось слово *стан*, которое в настоящее время встречается лишь в названиях деревень. Например, *Станьӑль* (в бывшем Ишлейском районе). По рассказам старых людей, эта деревня была местом, где путники, дорожные, останавливались на отдых, временное пребывание. *Стан* — заимствование из русского языка слово. Оно указано в словаре В. Даля в том же значении (см. т. IV, стр. 312). Видимо, слово *стан* проникло в чувашский язык намного раньше, чем *станция*.

ния грамотности и просвещения в Чувашском крае относится ко второй половине XVI в.»⁹⁹, — пишет проф. М. Я. Сироткин. Однако «До падения крепостного права школьная сеть в Чувашии была очень ограниченной... В селениях Чувашии школы начали открываться только после проведения реформы управления государственными крестьянами, с 1839 г. Но за четверть века после этого для удельных и государственных крестьян было открыто всего около 40 школ. В 1861 г. обучалось в них 1394 чел.»¹⁰⁰ Это позволяет нам сделать вывод о том, что русские слова, выражающие понятия культуры и просвещения, стали осваиваться чувашами в основном со второй половины XIX века. Об этом отчасти свидетельствует и то, что в письменных памятниках XVIII века не встречается почти ни одного слова из описываемой группы русских заимствований (кроме слова *кёнеке* «книга»).

Данная группа дореволюционных русских заимствований представлена словами, обозначающими учебные заведения и предметы школьного обучения или выражающими понятия культуры вообще.

К словам, обозначающим учебные заведения, можно отнести следующие русские заимствования: *шкул* «школа», *уччилёшчĕ* «училище», *гимнази* «гимназия», *университет* «университет», *клас* «класс», *партта* «парта» и др. Эти слова встречаются и в произведениях дореволюционных чувашских писателей. Так, например, в рассказе М. Ф. Федорова «Чиртен сыватни» (1876 г.) читаем: *Пёрре энĕ чирне чирлерĕм те, мана шкула сĕрессинчен хатарчĕс* «Однажды я заболел, и меня освободили от посещения школы»¹⁰¹.

С развитием просвещения чуваша осваивают некоторые предметы школьного обучения и их названия. Видимо, еще в XVII—XVIII вв. в чувашский лексикон проникает слово *кёнеке* «книга», оно даже зафиксиро-

⁹⁹ М. Я. Сироткин. *Дописьменная культура чувашского народа*. См. «Материалы по истории Чувашской АССР», вып. I, Чебоксары, 1958, стр. 220.

¹⁰⁰ Т. Г. Григорьев. *Реформы 60—70 гг. XIX в. в Чувашии*. См. «Материалы по истории Чувашской АССР», вып. II, Чебоксары, 1956, стр. 26—27.

¹⁰¹ См. сб. «*Революционерни чăваш писателĕсен произведенийĕсем*». Чебоксары, 1962, стр. 19 (на чувашск. яз.).

вано в 1785 году в «Словаре языков разных народов, в Нижегородской Епархии обитающих...» Интересно заметить, что слово *кёнеке* на чувашской почве приобрело переносные значения. В словаре Н. И. Ашмарина приводятся такие выражения: *Кёнекӱ сӱхалӳ санӳн* «Твоя книга потеряна» (так говорят, в сердцах, старому человеку, который долго не умирает). *Ватӳ сынна сӳпла каласӳсӳ: санӳн кёнекуна (кёнекене) шырасӳсӳ полӳ те, топимасӳсӳ!* «Старому человеку говорят так: наверное, ищут твою книгу, но не находят» (т. е. долго не умираешь). *Онӳн кёнеки сӳтнӳ полӳ, вилмест полӳ!* «Его книга, наверное, потеряна; он, наверное, не умрет» (в том же значении). *Кёнекуна ине синӳ подӳ!* «Наверное, твою книгу корова съела» (так называют бестолкового, неразговорчивого человека)¹⁰². Это слово употреблялось в пословицах, поговорках и молениях: *Чӳваш кёнекине ёне синӳ* «Чувашскую книгу корова съела». *Пирӳн кӳллӳмӳре илт, эфир кёнекелӳ сынсем мар; пӳлли пулӳ, пӳлменни пулӳ — сырлах, тесӳсӳ.* «Услышь наше моление, мы люди бескнижные, знаем ли, не знаем ли — все равно прости» (Моление)¹⁰³. *Кёнекене усса хӳварсан, шуйттан вулат, тесӳсӳ* «Говорят, что если книгу оставлять раскрытой, то ее черт читает» (Поверье)¹⁰⁴. Приведенные здесь народные выражения свидетельствуют о том, что слово *кёнеке* еще задолго до революции широко употреблялось в разговорном языке чувашей. Позднее на базе данного слова в чувашском языке создан целый ряд новых слов и лексических словосочетаний. Например, *кёнекелӳх* «материал для книги», *кёнеке пичӳ* «обложка», *кёнеке пуххи* «собрание книг, библиотека» (неологизм советского периода), *кёнеке пӳлӳмӳ* «библиотека», *кёнеке сӳп* «печатать книгу», *кёнеке сӳ* «книжник», *кёнеке тӳлӳ* «переплет книги», *кёнеке тӳпси* «корешок книги», *кёнеке хуппи* «корка, переплет книги» и т. д.

Кроме слова *кёнеке* в чувашский лексикон проникают и названия отдельных частей книги. К ним относятся *хуплашка* (русск. обложка). Нам думается, что

¹⁰² Вып. VII, стр. 255—256.

¹⁰³ Там же, стр. 256.

¹⁰⁴ Там же.

это слово возникло в результате народной этимологии русского *обложка*: *хупла* «покрыть» + аффикс *шка*. К этой же группе русских заимствований относится слово *странитса*, *а́странитса* «страница» (встречающееся в произведениях дореволюционных чувашских писателей).

Из названий предметов школьного обучения можно отметить, кроме того, такие слова, как *туска* «доска», *кёрхвёл* «грифель», *ка́ранташ* «карандаш»¹⁰⁵, *ручка* «ручка», *перо* «перо», *сумкка* «сумка», *чернил* «чернила», *чернил кёленчи* «чернильница», *курапка*, *ка́рапка* «коробка», *тетрадь*, *титрат*, *тетрат* «тетрадь», *линейкка* «линейка», *ичут* «счет», *картта* «карта» и др.

Русская и интернациональная лексика, заимствованная в чувашский язык в дооктябрьскую эпоху, представлена и словами, выражающими некоторые понятия культуры вообще: *ха́сат* «газета», *кармани*, *кармун*, *кармунь*, *кармонь* «гармония» (см. «Словарь чувашского языка» Н. И. Ашмарина, выпуск VI, стр. 103: *Кала Йакку... кармунне те, аришан соря час халё те, сахат соря ташлас те, ура тупань хыт кёстет* «Играй, Яков, на гармонии, тяни на полтора аршина, хочу плясать полтора часа, потому что пятки очень чешутся»); *киттар* «гитара»; *скрипка*, *скрипке*, *ёстёринка*, *ёскёринка* «скрипка»; *палалай*, *палавайкка* «балалайка»; *полька* «полька»; *пиблиоттек* «библиотека»; *камит* «комедия» (от русск. *комедь*); *кармончак* «гармонист»; *карттин*, *карччинкка* «картина, картинка» (например, в рассказе С. М. Михайлова «Хваттер хушпе каласни» («Беседа с хозяином квартиры»), написанном в 1859 году: *...стенисем шинче йёри-таврах тёрлө, чыдай хитре картинисем рамкасем айшёнче саканса тараççе...* «...на стенах кругом в рамках висят различные, довольно красивые картины...»), *артти* «артист», *параппан* «барабан», *портит* «портрет», *часси* «часы», *шәпалер*, *шәпалир* «шпалеры», *серккал* «зеркало» и т. д.

¹⁰⁵ Это слово и в самом русском языке является заимствованным. Оно проникло сюда из тюркских языков (тюркск. *кара* — «черный», *даш* — «камень», «шифер»). А в чувашский язык оно заимствовано через русский. Об этом свидетельствует его фонетический облик (ср. тюркск. *карадаш* — русск. *карандаш*, чув. *ка́ранташ*).

Общественно-политическая терминология,
заимствованная в чувашский язык в первые
десятилетия XX века

В годы первой русской революции 1905—1907 гг. в чувашский язык проник целый ряд общественно-политических терминов. Петербургские события 9(22) января 1905 года всколыхнули всю страну и везде нашли широкий отклик. Оценивая эту революцию, В. И. Ленин писал: «Рабочий класс получил великий урок гражданской войны; революционное воспитание пролетариата за один день шагнуло вперед, так как оно не могло бы шагнуть в тысячу и годы серой, бурной, забитой жизни. Теперь героический петербургский пролетариат: «смерть или свобода!» эхом перекликается теперь по всей России. События развиваются с поразительной быстротой»¹⁰⁶. Под влиянием революционного русского пролетариата на борьбу против ненавистного царского строя поднялись и трудящиеся чувашии. «Рост» политической активности рабочих и крестьян Чувашии способствовали социал-демократические организации многих промышленных городов Среднего Поволжья¹⁰⁷. Революционные события в Чувашии не могли не отразиться на лексике чувашского языка, в которую вошла масса новых общественно-политических терминов, отражающих классовую борьбу трудящихся против царизма. Эти термины проникли в чувашский язык в основном через первую чувашскую газету «Хыпар» (1906—1907 гг.). На страницах отдельных ее номеров печатались статьи, в которых были произведены с ярко выраженными революционными призывами к борьбе с царским самодержавием и помещиками. Газета «Хыпар» сыграла значительную роль в подъеме революционных сил в Чувашии, несмотря на то, что пламенные революционные стихотворения чувашских поэтов всячески переделывались и выколачивались цензурой¹⁰⁸. Большую часть общественно-политических терминов, встречающихся на страницах газеты «Хыпар», составляют русские и интернациональные заим-

¹⁰⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 8, стр. 77.

¹⁰⁷ Материалы по истории Чувашской АССР, вып. II, стр. 137.

¹⁰⁸ Там же, стр. 173.

ствования. Это и понятно, ибо сами общественно-политические понятия чувашами осваивались в основном у русского народа.

Основную массу заимствованных общественно-политических терминов составляют слова, обозначающие различные политические течения и группировки, людей, участвующих в классовой борьбе. Эта группа заимствований представлена следующими терминами: *революция*, *революционер*, *большевизм*, *социализм*, *социалист*, *митинг*, *анархист*, *стачка*, *союз*, *анархи*, *демократ*, *демократ*, *социал-демократ*, *эсер*, *агитатор*, *политика*, *комитет*, *комисси*, *бойкот*, *конференция*, *организации*, *парти*, *восстания* и т. д. Через газету «Восток» некоторые общественно-политические термины проникли и в чувашский язык чувашей, об этом свидетельствуют, в частности, корреспонденции, публикуемые в газете. Среди чувашских писателей. Они в своих корреспонденциях часто употребляли также термины, как *революция*, *агитатор*, *организации*, *стачка*, *восстания* и т. д.

Общественно-политические термины употребляемой группы чаще всего встречаются в публицистических статьях. Приведем лишь несколько примеров: *Революционерсем асла пушмаксем пе: министрсем, губернаторсем, полковниксем... вӑлерендӗ* (1906, № 39) «*Революционерсем убават и балашсем аслашкисем: министрсем, губернаторсем, полковниксем...*» *Телӗр семе — чуксар казаксем, черкесченемсем, полковниксем, стражниксем, жандармсем...* (1906, № 39) «*На другой стороне — бездушные казак, черкесчен, полицейские стражники, жандармы...*» *Бирократсем пӗлӗтӗ парти комитетсем, темӗнне-темӗнне парти тӗнчӗ пушарӗ* (1906, № 39) «*Бирократсем пӗлӗтӗ парти комитетсем, темӗнне-темӗнне парти тӗнчӗ пушарӗ*» *Вӑсем мӗн тӗнчӗшӗн тӗрӗшӗнне пӗлӗтӗ пӗсен, вӑсенӗн «програмыне» пӗлӗтӗшӗн пулать* (1906, № 25) «*Для того, чтобы узнать, к чему они стремятся, надо ознакомиться с их «программой».*» *Социализм тӗнчӗшӗн йӗрне тӗнчӗшӗн сӗр-тӗнчӗшӗн хушӗ пе, пар-си пе пушмалла мир...* (1906, № 25) «*При строе, называемом социализмом, на земле не должно быть ни холода, ни беды...*» *Савӗн пек пушмалла митинг тӗрӗшӗ* (1906, № 34) «*Такие собрания называются митингами.*» *Союз тӗнчӗ пӗрлешӗн тӗнчӗ пулать. Сав союзы чӗ-вӗшӗн малӗшӗн усӗшӗ тӗнчӗшӗн, вӑсен хушӗн вӑрес тӗнчӗшӗн сав...*

сем кѣмесѣр юлмѣс (1906, № 32) «Союз — это значит объединение. В этот союз не могут не войти люди, которые хотят принести пользу чувашскому народу, защитить его».

Среди русских и интернациональных заимствований, встречающихся на страницах газеты «Хыпар», находим много терминов, характеризующих царский строй и государственное устройство. Такие слова, как *правительство, монархия, Дума, Государственная Дума, бюрократия*¹⁰⁹, *чиновник, бюрократ*¹⁰⁹, *класс, сословия, министр, вице-министр, чиновник, военно-полевой суд, военно-окружной суд, волостное правление*¹¹⁰, *начальник, вице-губернатор, оклад, пошта, власть, депутат, присыл, приговор, становой, урядник, полицейский, налог, косвенный налог, земство, штраф, судья, исправник, утразник, конфискация, карцер* и др., не сходят с страниц газеты «Хыпар». Они встречаются и в публицистических статьях, и в корреспонденциях, авторами которых являются чувашские крестьяне, и в произведениях художественной литературы (рассказах, фельетонах, драматических произведениях), опубликованных в газете. Даже в одной статье они встречаются десятками. Так, например, в статье «Жизнь газеты «Хыпар»¹¹¹ читаем следующие фразы: *Хасетремѣн сыринне чиновник (цензор) та, полицейски те, урядник те, пупта, уллут та — шуте-ини хыпар астура тагассе* «За содержанием газеты строго следят и чиновник (цензор), и полицейский, и урядник, и поп, и помещик». *Часчасак унта «бюрократ, бюрократия» тата-утти... самхасем те тел нмдассе* «Там нередко встречаются «бюрократы», «бюрократия» и другие слова». *Вира полицейсксем хасата пустарса каяссе. Ая...* «конфискация» *тессе* «Тогда полицейские забирают газету. Это называется... конфискацией». *Аня правительство син-*

¹⁰⁹ Слова *бюрократия, бюрократ* употреблялись тогда не в переносном значении «канцелярищина», «человек, который привержен к канцелярищине», а в значении «система управления чиновничьей администрации», «крупный чиновник».

¹¹⁰ В газете «Хыпар» новозаимствования писались так же, как в русском языке (не *правлени, бюрократи, Ази, Англи, Франци, а правленце, бюрократия, Азия, Англия, Франция*).

¹¹¹ «Хыпар», 1906, № 46, стр. 590—691.

чен, улпут сынчен сынни юрамасть «Ему не нравится, когда пишут о правительстве, о помещике».

В газете «Хыпар» встречаются русские слова, связанные с издательским делом, с газетой, обозначающие понятия культуры и науки. Такие слова, как *редактор, редакция, статья, номер* (газетный), *типография, учениый, читальня, библиотека* и др., впервые входят в чувашский лексикон через газету «Хыпар».

Читая газету «Хыпар», чувашки знакомились с жизнью за рубежом, государственным устройством других стран мира. В результате этого в их лексикон могли проникнуть некоторые термины, отражающие специфические особенности жизни этих стран. Например: Японияра лавăсем (извозчийсем) пур, вĕсене унта *рикши* теççĕ... *Рикшисем хăш чухне лавăра, хĕрĕхтер-авăшар сұхрам чупаççĕ* (1906, № 43). Тĕнчере республика текен патшалăхсем те пур, унта *президент* текен сынсем пуçлăхра.

«Хыпар» была любимой газетой чувашей. Ее выписывали учителя, служащие и даже рядовые крестьяне. В чувашских деревнях газету читали группами, оживленно обсуждали статьи, публикуемые в ней. Это способствовало проникновению в их лексикон новых слов и терминов, главным образом русских и международных, выражающих новые для чувашей понятия общественно-политической жизни того времени. Однако следует заметить, что большая часть приведенных выше общественно-политических терминов не успела тогда войти в активный словарный запас чувашей, так как газета «Хыпар» выходила малым тиражом и выписывалась большей частью представителями интеллигенции. Кроме того, надо учесть и то, что люди, распространяющие революционные идеи, строго преследовались царской властью. Эти обстоятельства в какой-то мере тормозили проникновение большинства общественно-политических терминов в лексикон широких масс чувашских крестьян и рабочих. Лишь в советскую эпоху, когда чувашский народ, наравне со всеми народами СССР, активно включается в общественно-политическую жизнь страны, в чувашский язык, в том числе и в лексикон широких масс трудящихся Чувашии, массами вливаются общественно-политические термины, о чем подробно будет сказано ниже.

Выше мы рассмотрели основные лексико-семантические группы русских слов, проникших в чувашский язык в дооктябрьскую эпоху. Необходимо заметить, что заимствованная русская лексика перечисленными нами группами далеко не исчерпывается. Кроме приведенных выше слов выделяется еще ряд групп дореволюционных русских заимствований, которые можно распределить по следующим рубрикам:

Ремесло: плотник «плотник», столяр «столяр», мастер «мастер», станок «станок», струмен «инструмент», млынок «мельница», лутчик «подпилок» и др.

Лечебное дело: дуктар «доктор», доктор «лекарь», хиверши «фельдшер», доктор «фельдшер», кушерка «акушерка», пуанитса «болынья», порошок «порошок», леккартса «лекарство», камфор «камфора», чиня «хинин», чин-ка «цинга», чашка «чашка», миея «холера», мие-ре «марица», мур «мор» и др.

Время, количество, меры и веса: сутка «сутки», минут «минута», секунт «секунда», миллин «миллион», гектар «гектар», лит «литр», грамма «грамм», усмук «усмук», космук «космук» и др.

Растительный мир: ашма «шляма», бриванка «крыжовник», метрушка «матрешка», тангша «тангша», сирен «сирень», мисина «бузина» и др.

Животный мир: кушак «кошка», пахша «белка» (от русск. белка), шакша «шмель», шала «жаба», ушак «обезьяна», сир «змея», мукша «мокрша».

Семья и родство: семья «семья», ашма «отец», дитне «ребенок», аштарак «старший брат», ашма «жена» (от русск. жена), тата «старший брат» (русск. дядя), мшук «внук», мшучка «внучка», куша «куша» (от русск. крестный), куша или «крестная» и др.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

РУССКАЯ И ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА, ЗАИМСТВОВАННАЯ В ЧУВАШСКИЙ ЯЗЫК В СОВЕТСКУЮ ЭПОХУ

В советскую эпоху заимствование из русского языка и через него из других языков мира перестало носить обычный характер. Как мы видели выше, влияние рус-

ского языка на чувашский в дооктябрьскую эпоху сказалось лишь в области лексики, представляя собою обычное заимствование отдельных слов из одного языка в другой. А в советскую эпоху это влияние не ограничивается лишь лексическими заимствованиями, оно проявляется, кроме того, в фонетике и синтаксисе.

В соответствии с темой нашего исследования мы ограничимся здесь рассмотрением лишь лексических заимствований, хотя вопрос о влиянии русского языка на другие стороны (например, синтаксис) чувашского языка также представляет большой теоретический и практический интерес.

Академик В. В. Виноградов, изучая влияние русского языка на языки народов СССР, указывает на то, что «...есть глубокая принципиальная разница между прежним, дореволюционным влиянием русского языка на языки соседних народностей и между влиянием русского языка на языки народов СССР в наше время.

Сходства и соответствия в языках страны Советов, обусловленные воздействием русского языка, проявляются:

- 1) в расширении сферы влияния русского, особенно новых, советских выражений, в калькировании их;
- 2) в стремительном распространении советизмов, в их движении из одного языка в другой;
- 3) в освоении основного фонда интернациональной лексики через посредство русского языка;
- 4) вообще в усилившейся тенденции к языковой интернационализации, в особенности к советской языковой интернационализации...»¹¹²

Эти особенности характерны и для чувашского языка. Касаясь первой из них, следует заметить, что калькирование русских слов и выражений, частично имевшее место и раньше, в советскую эпоху получает широкий размах, становится одним из продуктивных способов обогащения лексики, терминологии и фразеологии чувашского языка¹¹³.

Одной из существенных особенностей влияния русского языка на чувашский в советскую эпоху по сравнению с влиянием в дореволюционную эпоху является

¹¹² В. В. Виноградов. Великий русский язык, стр. 165—166.

¹¹³ См. об этом главу «Кальки», стр. 86—103.

замётное расширение сферы проникновения русских и интернациональных слов в чувашский язык. На этой особенности необходимо остановиться более подробно.

§ 3. Расширение сферы проникновения русизмов и интернационализмов

В дореволюционную эпоху из русского языка в чувашский заимствовалась в основном бытовая лексика: слова, выражающие хозяйственно-экономические, религиозные понятия, термины торгового и ремесленного дела, слова, обозначающие животный и растительный мир, названия пищи и напитков, одежды и т. п. Заимствования же советской эпохи выходят далеко за рамки бытовой лексики, охватывая и общественно-политическую, и производственно-техническую, и научную, и учебную терминологию, термины, отражающие развитие и рост культуры чувашского народа. Словарный состав языка непосредственно связан с материальной и духовной культурой народа, и массовое проникновение русских и интернациональных слов в советскую эпоху является отражением бурного роста экономики и культуры чувашского народа.

Великая Октябрьская социалистическая революция предоставила всем народам нашей страны равные права во всех областях жизни. Это видно и на примере ранее отсталого чувашского народа. В 1920 году он получил областную автономию, которая в 1925 году была преобразована в автономную республику. Трудящиеся Чувашии активно включились в общественно-политическую жизнь страны. Важнейшим путем ликвидации экономической и культурной отсталости чувашского народа, как и других народов Советского Союза, явилась индустриализация страны. Если до революции в Чувашии насчитывалось всего лишь около 40 мелких предприятий, то за годы Советской власти здесь построено много заводов и фабрик, которые снабжают страну различными промышленными товарами. Индустриализация страны создала благоприятные условия для социалистического переустройства сельского хозяйства. Создание колхозов явилось переворотом в жизни крестьян. Оно благоприятствовало развитию производительных сил в сельском хозяйстве, качествен-

но новых взаимоотношений между тружениками села. Великая Октябрьская социалистическая революция положила начало культурной революции в нашей стране. Чувашия, как и другие республики и области, за годы Советской власти превратилась в республику сплошной грамотности. Все эти революционные преобразования в городе и деревне способствовали обогащению словарного состава чувашского языка словами, выражающими новые понятия социалистической действительности. А так как в советскую эпоху языком межнационального общения стал великий русский язык, то основную массу новых терминов представляют слова, заимствованные из русского языка и через него из других языков мира. В результате всего этого чувашский язык пополнился общественно-политической, производственно-технической, сельскохозяйственной, учебной, научной, медицинской терминологией, терминами, выражающими понятия культуры и искусства и т. д. Таким образом, в советскую эпоху сфера проникновения в чувашский язык русских и интернациональных слов значительно расширилась. Анализ словарного состава современного чувашского языка показывает, что новозаимствования из русского языка и через него из других языков занимают значительное место в чувашской лексике.

В советскую эпоху в словарный состав чувашского литературного языка вошли следующие основные группы русских и интернациональных заимствований:

а) общественно-политические термины: Совет, СССР, КПСС, коммунизм, коммунист, марксизм-ленинизм, марксист, ленинец, пленум, конференции, партбилет, комсомол, комсомолец, парткабинет, партшкул, критика, самокритика, агитаци, актив, активист, делегаци, доклад, документ, идеологи, лектор, лозунг, плакат, митинг и др.;

б) сельскохозяйственные термины: колхоз, колхозник, бригадир, звено, артель, ферма, конюх, зоотехник, тракторист, механизатор, доярка, свинарка, трактор, комбайн, молотилка, сеялка, жнейка, сенокосилка, веялка, зерносушилка, автопоилка, агротехника, яровизаци, силос, культиваци, парник, Сельхозтехника, удобрения, производства управлений, теплица и др.;

в) промышленная терминология: промышленно, ин-

дустри, индустриализации, цех, корпус, домна, прокат, автозавод, трактор завод, предприятие, инженер, главный инженер, рабочий, техник, экскаватор, слесарь, механизм, арматура, каменщик, чертеж, ГЭС, электростанция, электричество, шахтер, горняк, агрегат, технологи, оборудование, автоматизация и др.;

г) военная терминология: штаб, соединения, артиллерия, флот, пехота, авиация, кавалерия, подразделения, дивизия, армия, авиачасть, авиаполк, стрелковый полк, эскадрилья, комиссариат, маршал, адмирал, полковник, главнокомандующий, гвардеец, военком, майор, капитан, лейтенант, граната, снаряд, миномет, истребитель, бомбардировщик, бронбойщик, боец, разведчик, радист-стрелок, разведчик-мотоциклист, диверсант, парашютист-диверсант, лейчик-истребитель, пулеметчик, автоматчик, оккупация, оккупант, шпион, подкрепление, маневр, огневая позиция, допрос, оборона, Совет Союз, Героев, атом бомба, водород бомба, дислокация и др.;

д) термины, связанные с транспортом: грузовик, автомобиль, такси, грузотакси, трамвай, троллейбус, электричка, автобус, самолет, вертолет, лодман, диспетчер, проводник, летчик, шофер, машинист, пассажир, аэродром, буксир, дирижабль, метро, мотоцикл, велосипед, пристань, порт, депо и др.;

е) медицинская терминология: поликлиника, санэпидемстанции, санатории, курорт, диспансер, стационар, аптека, палата, врач, сестра, хирург, терапевт, невропатолог, аптекарь, витамин, глицерин, йод, пирамидон, операция, протез, массаж, бинт, рентген, диагноз, дезинфекция, прививка и др.;

ж) термины, выражающие понятия культуры и искусства: симфония, музыкант, композитор, дирижер, рояль, пианино, приемник, телевизор, оркестр, нота, бас, тенор, консерватория, музыка училища, опера, балет, театр, сцена, партер, балкон, декорации, репертуар, репетиция, эстрада, суфлер, художник, скульптура, архитектура, гравюра, иллюстрация, памятник, архитектор, кино, кинокартина, кинофильм, кинокомедия, сценарий, кадр, роль, киностудия, режиссер, кинооператор, киномеханик, киноаппарат, экран и т. д.;

з) термины, связанные со спортом: физкультура, футбол, волейбол, команда, спортсмен, чемпион, рекордсмен, вратарь, старт, финиш, шахмат, шашка, ста-

дион, судья, приз, гимнастика, кубок, матч, турнир, футболист, волейболист, спорт мастерё, гроссмейстер, шахматист, спартакиада, олимпиада, разрядник, тренер, штангист, бокс, боксер и др.;

и) названия пищи и напитков: борщ, вермишель, пудинг, бифштекс, паштет, омлет, кофе, какао, абрикос, апельсин, мармелад, пастила, консерв, виноград, треска, томат, укроп, мандарин, банан, ананас, сироп, кефир, батон, булка, нарзан, маргарин, напиток, компот, виноград, шампански, столичнай и др.;

й) названия одежды и обуви: костюм, пальто, галстук, кепка, плащ, майка, тенниска, боты, брюки, френч, пижама, манжет, блузка, бушлат, матроска и др.;

к) наименования мер веса, длины, площади и т. п.: тонна, центнер, кило, килограмм, литр, метр, миллиметр, километр, сантиметр, минут, секунд, кубометр, тар и др.;

л) слова, связанные с животным миром: крокодил, бегемот, акула, кит, тигр, леопард, шимпанзе, мамонт, тюлень, чайка, карп и др.;

м) календарная терминология: январь, февраль, март, апрель, май, июнь, июль, август, сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь, квартал, декада и др.

В советскую эпоху также заимствованы слова, связанные с растительным миром, термины почтового дела, телеграфной и телефонной связи, радио, торгового дела и т. д.

В советскую эпоху в чувашский язык из русского языка перешло так много слов, что не представляется возможным перечислить даже десятой доли их. Проф. В. Г. Егоров считает, что «...из русских статей и в сообщениях процент этот (речь идет о русских и интернациональных заимствованиях. — А. Г.) иногда доходит до 15 и даже выше. В разговорном языке и в художественной литературе процент русских слов пока колеблется в пределах 8—10»¹¹⁴. А в отдельных газетных статьях, особенно в сообщениях, процент этот доходит даже до 50—60. Чтобы не быть голословным, приведем следующий отрывок из одной статьи, опубликованной в газете «Коммунизм ялавлэ»: Паая Пионерсен дворецёнке ачасен сассисем уйрăмах хытă янăранă. Кунта

¹¹⁴ «Совр. чувашск. лит. язык», стр. 132—133.

пирĕн сĕршыври союзлă тата автономиллĕ республика-сенчен, облаçсемне крайсенчен вĕренекеенсен производ-стай бригадисен бригадирĕсемне членĕсен Пĕтĕм Союз-ри пĕрремĕш слетне 750 çамрăк делегат пухăннă. Вĕсем марусен залне хаваслăн кĕрсе ырнăçнă. Слет прези-диумĕн сĕтелĕ хушшинче президиум членĕсем, хăнасем тухсан, вĕсем, ура çине тăрса, хĕрÿллĕн алă суннă.

Слет ёсне КПСС Центральной Комитечĕн Президи-умĕн членĕ, СССР Министрсен Совечĕн Председателĕн заместителĕ Д. С. Полянский, КПСС Центральной Ко-митечĕн Президиумĕн членĕн кандидатĕ, КПСС Цен-тральной Комитечĕн ВЛКСМ Бюроĕн ёслеке Бюровĕн Председателĕн пĕрремĕш заместителĕ Л. Н. Ефремов, ВЛКСМ Центральной Комитечĕн перремĕш секретарĕ С. П. Павлов, çавăн пекех КПСС Центральной Коми-течĕсен ёветлă работникĕсем, ВЛКСМ Центральной Комитечĕн секретарĕсем, В. И. Ленин ячĕне хисепле-неке Пĕтĕм Союзри пионер организацийĕн Централь-ной Совечĕн членĕсем хутшăнассĕн¹¹⁵.

В этом небольшом тексте русские и интернациональ-ные слова составляют около 60 процентов. Однако из этого нельзя делать вывод о том, что более половины слов чувашского языка составляют русские и интерна-циональные заимствования. В чувашском языке, как и в других языках народов СССР, интенсивность заимст-вованя из русского языка зависит от жанра и разно-видности стиля языка. Так, например, в языке общест-венно-политической, производственно-технической лите-ратуры русских и интернациональных заимствований встречается больше, чем в языке художественной лите-ратуры. Это объясняется тем, что большая часть обще-ственно-политических и технических терминов, имею-щихся в чувашском языке, заимствована из русского.

В общей сложности в чувашском языке средний процент русских и интернациональных заимствований пока колеблется в пределах 12—13.

§ 4. Роль печати в освоении русских и интернациональных заимствований

Как мы уже знаем, до революции русские слова проникали в чувашский язык большей частью устным

¹¹⁵ Газета «Коммунизм ялавĕ», 1963, № 75 (1163).

путем, через живое общение чувашей с русскими. Следует заметить, что и до революции были изданы книги на чувашском языке (695 книг). Однако из-за почти сплошной неграмотности народа, а также ввиду малых тиражей этих книг основная масса чувашского населения не имела возможности читать их. Все это задерживало проникновение в чувашский язык русских заимствований через печать, книжным путем. «Возникновение и быстрое развитие подлинно народной чувашской печати, выражающей интересы тружеников города и деревни, стало возможным лишь в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции, в ходе социалистического строительства. Октябрьская революция дала чувашскому народу газеты, журналы и книги на родном языке. Отсюда же берет начало развитие новой, советской чувашской литературы, отражающей многогранную жизнь, думы, надежды и чаяния трудящихся — строителей социализма»¹¹⁶.

Печать доводила до широких масс трудящихся Чувашский идеал марксизма-ленинизма, расширяла кругозор рабочих, колхозников и интеллигенции, служила для них источником знаний. Все это способствовало массовому освоению трудящимися Чувашский русских и интернациональных слов, выражающих новые понятия социалистической действительности. В первые годы Советской власти чувашская печать доводила до широких масс населения смысл русских и интернациональных слов разными способами. Наиболее главным из них был способ толкования лексических значений заимствованных слов. На страницах газет и журналов регулярно давались объяснения русских и интернациональных слов, что способствовало быстрому внедрению их в разговорный язык чувашей. Такие слова, как доклад, лекция, оратор, председатель, жюри, комиссия, наука, секретарь, опыт и многие другие, были непонятны широким массам, они выражали новые для чувашей понятия, поэтому нуждались в объяснении. Особенно большую роль в доведении до населения лексических значений русизмов и интернационализмов сыграла газета «Канаш» («Советы»), на страницах которой мы находим сотни

¹¹⁶ Печать Чувашской АССР (статистические материалы). Чебоксары, 1957, стр. 8.

подобных объяснений в виде сносок. Для примера возьмем лишь один номер этой газеты, в котором даны объяснения следующих слов:

Доклад — мёнле ёс тумалли синчен пухува каласа пани.

Оратор — пухура сӓмах калакан.

Президиум — пухува йертсе пыракан сынсем: прет-сетаттӓл, унӓн йулташӓсем, секреттарсем (сырусӓсем).

Председатель — президиумӓн, пухувӓн пуслӓхӓ.

Секретарь — пухувӓн сырусӓ.

Банк — укса йстӓр тесе хуракан вырӓн.

Банкир — панккӓ хуш.

Капитал — пурнӓсӓ тытса тӓма пурлӓх кирлӓ. Сав пурлӓх — укса, тырӓ-пулӓ, вильӓх-чӓрлӓх, сӓр айӓнчи пуйанлӓх т. ыт. тӓ — капитал пулат.

Капиталист — капитал тытса тӓракан сын.

Спекуляци — тавара йӓн хакна илсе пысӓк хакна сутни, услам тунн; сав ёспе хӓтланакансене «спекулянтсем» тесӓ.

Наука — ӓслӓлӓх. Ӑслӓлӓхсем пур: арифметика — шута вӓренмелли, геометрия — вырӓнсене висме вӓрентекен ӓслӓлӓх; логика — йӓркеллӓ шухӓшлама вӓрентет, география — сӓр синчен, ботаника — сӓр синчи йывӓс-кураксем синчен вӓрентет, зоология — вильӓх-чӓрлӓхсем, вӓсен кайӓксем, пулӓсем синчен, гигиена — йепле таса пурӓнмалли синчен.

Педагогика — ачасене, мӓн пур халӓха ӓса кӓртме вӓрентекен, вӓсене тӓнлӓ сынсем, граждӓнсем пулма вӓрентекен ӓслӓлӓх.

Диплом — вӓренсе тухсан паракан хут¹¹⁷.

Толкование смысла русских и интернациональных слов было самым распространенным способом внедрения в чувашский язык этих иноязычных слов. В объяснении лексического значения их газета «Канаш» широко использовала и такой способ: чувашский дублет, т. е. термин или слово, ставился впереди, а русское слово, близкое по лексическому значению к чувашскому слову, указывалось в скобках. А дальше тот же русский или интернациональный термин уже употреблялся без скобок и чувашского дублета. Для иллюстрации приведем следующие примеры:

¹¹⁷ Газета «Канаш», 1918, № 10.

«Советсем пуйансенчен, суту-илӹ тӓвакан вырӓнсенчен куланай (контрибуци) илессӹ... Халь контрибуци (курсив наш.— А. Г.) илме пӓрахмалла...» («Канаш», 1918 год, № 11).

Далее приведем внетекстовые примеры: *иккӹмӹш хут* (копия); *шанчӓклӓ хут* (удостоверение); *Маркс вӹрентнине ӹненекенсем* (марксисты); *шкулта вӹренмелли кӹнеке* (учебник); *тӹп саккун* (конституция); *айӓплӓ ӹынсене кӓсарасси* (амнистия); *кантӓк ӹумӹнчи уӹмалли* (форточка); *хытлӓх* (дисциплина); *ирӹлмен, ӹунман ӓпаласем* (минеральные вещества); *ӹунса пӹтетен ӓпаласем* (органические вещества); *кӓтартакан анасем* (опытные поля); *лашана турттаракан акмалли* (сеялка); *ыраш ӹапакан машин* (молотилка); *ӹурт-ӓр тӓвакансем — кӓскалакансем* (строители); *чулӓссем* (каменщики); *вӹрентӹсӹ* (учитель); *хӹрлӹ лӓптӓк* (площадь); *помпа тӓкмалли* (бомбардировщик); *илемлӹх* (искусство); *ӹӹк* (ноябрь); *тӹрлетӹ* (ремонт); *укӹа-тенкӹ* (финанс) *орканӹсем*; *ӹышӓнусем* (проекты); *ушкӓнлӓ хуӹайствӓ* (коллективное хозяйство); *тӹрлӹ вак-тӹвек халӓхсем* (нации); *ӹырува вӹренмелли кӹнеке* (букварь); *ӹслӹ вырӓнсем* (учреждения); *ӓпат ӹурчӹ* (столовая); *тӹрӹслев* (контроль) и т. д.¹¹⁸

Был широко распространен и другой способ внедрения в чувашский лексикон русских и интернациональных слов: их ставили впереди, а чувашский дублет брали в скобки.

Приведем несколько примеров: *килӹшӹ ӹинчен Совет Правительства* (канаш *ирӹкӹн пуслӓхӹсем*) *ӹышӓннӓ постановлени* (*ӹышӓну*); *плуг* (*ӓкапуӹсӹ*); *активистсем* (*ӹсӹ пӹлсе харсӓр ӹслӹкенсем*); *конкурентси* (*тавлашу*); *рекомендатси* (*шанса панӓ хут*); *километр* (*ӹухрӓм*); *лосӓнк* (*чӹнӹ*); *факт* (*пулнӓ ӹс*); *телекаткӓ* (*суйлӓнӓ хӹрарӓм*); *инструкцисем* (*ӹӹркесем*); *пӹтшиет* (*патшалӓх тупӓшӹсен ӹӹрки*); *теӹерттир* (*таркӓн салтак*); *штраф* (*айӓпшӓн тӹлеттернӹ укӹа*); *колонисем* (*тинӹс ӹинчи ӹӹрсем*); *тисциплинӓ* (*ӹӹркелӹх*); *тыл* (*хыӹал енӹ*); *тоннӓ* (*утмӓл пӹр пӓт*); *ӹметтӓ* (*укӹа шучӹ*); *ясли* (*пӹчӹк ачасен ӹурчӹ*) и т. д.¹¹⁹

¹¹⁸ Примеры взяты из разных номеров этой газеты (1918—1924 гг.).

¹¹⁹ Примеры взяты из газет и журналов 20-х годов.

Сразу же после установления Советской власти в чувашский язык впервые стали проникать сложносокращенные слова всех типов. Так как они не были понятны широким массам трудящихся, то необходимо было объяснять их смысл с тем, чтобы эти слова легче усваивались чувашами. С этой целью на страницах чувашских газет и журналов сложносокращенные слова давались в развернутом виде в переводе на чувашский язык, а в скобках приводились сложносокращенные слова.

Например: *сулахайри социал-революционерсен* (эсер) *ушкăнĕ*; *патшалăх планĕ* (госплан); *халăх сучĕ* (нарсуд); *ёслекенсен хвакулечĕ* (рабфак); *халăх кăмиссарĕ* (нарком) и т. д.¹²⁰

Хотя многие слова, как свидетельствуют приведенные выше примеры, объяснялись не совсем правильно и точно, но с помощью отмеченных здесь способов периодическая печать доводила до широких масс трудящихся Чувашии смысл русских и интернациональных слов, таким образом последние массами внедрялись в чувашский лексикон, превращаясь в понятные для чувашей слова. Достаточно указать, что в настоящее время такие слова, как *делегат, инструкции, колони, тыл, ясли, тонна, активист, лозунг, километр, радио, бюджет, председатель*, и масса других слов не нуждаются в объяснении: они понятны не только представителям интеллигенции, но и широким массам рядовых рабочих и колхозников.

В дооктябрьскую эпоху русские заимствования в разные говоры чувашского языка проникали в неодинаковом количестве. На этот счет проф. В. Г. Егоров замечает следующее: «...число русских слов сильно колеблется по наречиям и говорам чувашского языка: в одном говоре их больше, а в другом меньше. Нередко одни и те же предметы или понятия в одном говоре выражаются природными чувашскими словами, а в другом говоре — русскими»¹²¹. А в советскую эпоху в отношении усвоения русских и интернациональных слов говоры чувашского языка друг от друга ничем не отли-

¹²⁰ Примеры взяты из журнала «Ёслекенсен сасси» («Голос трудящихся»), 1922, № 1—5.

¹²¹ «Совр. чувашск. лит. язык», стр. 132.

чаются: то или иное заимствование быстро становится достоянием всех наречий, говоров и подговоров. В этом основная роль принадлежит печати (газетам, журналам, книгам), радио и школе. Через печать и радио трудящиеся узнают о новостях и событиях политической и хозяйственной жизни страны, о достижениях науки и техники, о международном положении и т. д. Вместе с ними чувашки усваивают новые слова, преимущественно русизмы и интернационализмы. С помощью печати и радио, которые доходят до всех уголков Чувашии, эти заимствования почти одновременно усваиваются носителями всех наречий, говоров и подговоров чувашского языка.

В одновременном освоении русских и интернациональных заимствований носителями разных говоров большая роль принадлежит школе. В процессе изучения школьных дисциплин учащиеся усваивают новые понятия (общественно-политические, технические, литературные, лингвистические, естественно-научные и др.). А значительная часть этих понятий выражается русскими и интернациональными словами. Таким образом эти слова широким потоком вливаются в лексикон учащихся всех школ Чувашской республики, обогащая словарный состав чувашского языка.

§ 5. Некоторые особенности заимствований в разговорном языке

При изучении вопроса о развитии словарного состава чувашского языка в советскую эпоху выявляются некоторые особенности заимствований в чувашском разговорном языке. Они касаются в основном сферы и интенсивности проникновения русских заимствований в разговорный лексикон. Прежде чем приступить к освещению интересующего нас вопроса, необходимо отметить те особенности, которые отличают разговорный язык от литературного.

Литературный язык — это прежде всего сознательно обработанный язык, от наречий и говоров он отличается своей нормативностью, касающейся всех сторон языка: и словарного состава, и грамматического строя, и орфоэпии. Нормативный характер литературного языка сказывается и в заимствовании иноязычных слов. Если

села Кукушумы Вурнарского района М. А. Акиндинов. Это годня председатель колхоза подкупил и Чебоксары. Это наблюдается в речи не только районных колхозников и рабочих, но и сельской интеллигенции. Очень широко распространено такое употребление в чувашской речи городских служащих и рабочих.

Следовательно, в отношении заимствованных русских слов разговорный чувашский язык имеет свои особенности, отличающих его от литературного языка. На первый взгляд может показаться, что это явление не заслуживает внимания языковедов, так как оно встречается лишь в разговорной речи чувашского населения и засоряет язык. Однако оно свидетельствует о том, насколько сильно влияние русского языка на язык чувашского разговорного языка. Это влияние является результатом повседневного общения чувашцев с русскими, результатом чтения русской литературы, печати, художественной литературы, книг и брошюр по общественно-политическим, производственным, сельскохозяйственным, научно-популярным и другим темам.

§ 6. Общий лексический фонд языков народов СССР

В связи с темой настоящего исследования необходимо подробно остановиться на вопросе о возникновении в языках народов СССР общего лексического фонда. В лингвистической литературе принято считать, что общий лексический фонд языков народов СССР возник после Великой Октябрьской социалистической революции. На этот счет Ю. Д. Дешериев приводит следующее: «...общий лексический фонд складывается в советскую эпоху. Он включает в себя главным образом следующие слова:

1) научно-технические термины; 2) интернациональные слова; 3) советизмы; 4) ономастику; 5) топонимику; 6) этнонимику»¹²².

Эта же мысль подчеркивается и в ряде других работ. В сборнике «Вопросы терминологии» (Материалы

¹²² Ю. Д. Дешериев. Развитие младописьменных языков народов СССР, М., Учпедгиз, 1958, стр. 216—217.

Всесоюзного терминологического совещания) говорится: «Общая основа политической, экономической и культурной жизни всех советских людей привела к тому, что в латышском, литовском и эстонском языках получил распространение *общелексический фонд, образовавшийся в языках народов СССР в советскую эпоху* (курсив наш.— А. Г.)¹²³.

Следует, однако, здесь заметить, что общий лексический фонд языков народов, населяющих ныне территорию Советского Союза, начал складываться еще задолго до Великой Октябрьской социалистической революции. И тогда основную роль в этом сыграл великий русский язык, из которого разные языки черпали множество слов. Однако раньше общий лексический фонд был представлен в основном бытовой лексикой. Кроме того, и русский язык в результате взаимодействия с другими языками народов России обогащался заимствованиями из них. Это большей частью слова, отражающие специфические явления материальной и духовной культуры народов — носителей этих языков.

Для иллюстрации приведем перечень некоторых русских слов, проникших в разные языки в дооктябрьский период и употребляемых в них и в настоящее время:

стол — чув. *сётел*, тат. *устел*, узбекск. *стол*, башкирск. *остэл*, киргизск. *устел* и т. д.

бочка — чув. *ничёке*, тат. *мичкэ*, узбекск. *бочка*, башкирск. *мискэ*, киргизск. *бочка* и т. д.

самовар — чув. *самавар*, тат. *самавар*, узбекск. *самовар*, башкирск. *самауыр*, киргизск. *самоор* и т. д.

солдат — чув. *салтак*, тат. *солдат*, узбекск. *солдат*, башкирск. *палдат*, киргизск. *солдат* и т. д.

русский — чув. *вырӑс*, тат. *рус*, узбекск. *орус*, башк. *рус*, киргизск. *орус* и т. д.

Здесь мы привели перечень лишь нескольких русских слов, вошедших в языки народов СССР в дооктябрьскую эпоху.

К элементам общего лексического фонда можно отнести также множество тюркских заимствований

¹²³ Сб. «Вопросы терминологии (Материалы Всесоюзного терминологического совещания)». 1961, стр. 25 (далее везде «Вопросы терминологии»).

в русском языке, проникших сюда в разное время в результате экономических и культурных связей между русским и тюркскими народами. Приведем перечень некоторых тюркских слов, заимствованных в русский язык: *айда, амбар, арба, арбуз, аркан, ариш, атаман, бадья, базар, барабан, батрак, бахрома, башка, безмен, беркут, деньги, ералаш, кумыс, улус, бисер, клобук, коврига, орда, барыш, визирь, карандаш, караван* и т. д.¹²⁴ Эти и многие другие слова через русский язык проникли в языки других народов (украинский, белорусский, финно-угорские и др.). Кроме того, немало слов проникло в русский язык из арабского языка через посредство тюркских языков.

Так, в результате взаимодействия языков народов, населяющих ныне территорию Советского Союза, еще задолго до Великой Октябрьской социалистической революции постепенно начал складываться общий лексический фонд.

Однако в дооктябрьскую эпоху общий лексический фонд был сравнительно беден, сфера охватываемых им понятий была узка. Просмотр словарей языков многих народов Советского Союза показывает, что количество русских слов, заимствованных в эти языки и ставшие, таким образом, элементами общего лексического фонда, не доходит даже до ста. Большая часть дореволюционных русских заимствований успела проникнуть лишь в некоторые языки, а в других соответственно употребляются природные слова. Для иллюстрации приведем следующие примеры:

ведро — оно заимствовано в чувашский (*вitre*), башкирский (*бизрэ*), азербайджанский (*ведрэ*) и в некоторые другие, в то же время есть языки, в которых соответственно употребляются природные слова, например: татарск. *чилэк*; казахск. *шелек*; уйгурск. *челэк*; киргизск. *чака, челек* и т. д.;

рожь — чув. *ыраш*; татарск. *арыш*; башкирск. *арыш*; но казахск. *кара бидай*; уйгурск. *кара бугдай*; азербайдж. *човдар*; киргизск. *кара буудуай* и т. д.;

крестьянин — чув. *хресчен*; татарск. *крестьян*; баш-

¹²⁴ Примеры взяты из «Краткого этимологического словаря русского языка» Н. М. Шанского, В. В. Иванова, Т. В. Шанской. М., Учпедгиз, 1961.

кирск. *крэстиэн*; но азербайдж. *кэндли*, киргизск. *дый-кан*, казахск. *шаруя*, уйгурск. *дихан* и т. д.¹²⁵

Неизмеримо расширился общий лексический фонд языков народов СССР в советскую эпоху. Это результат того, что политическая, экономическая и культурная жизнь советских народов развивается на общей основе. Просмотр ряда словарей языков народов СССР показывает, что «... общий лексический фонд базируется главным образом на заимствованиях из русского и через него и из других языков»¹²⁶. Он включает в себя общественно-политические, научно-технические, военные, медицинские, сельскохозяйственные термины, слова, связанные с культурой и искусством, со школой и т. д. и широко употребляющиеся в языках всех народов СССР. Приведем некоторые русские и интернациональные слова, входящие в общий лексический фонд:

русский — колхоз, молотилка, председатель, коммунист, большевик, депутат, митинг, конституция, телефон, телеграф;

чувашский — колхоз, молотилка, коммунист, большевик, депутат, митинг, конституция, телефон, телеграф¹²⁷;

туркменский — колхоз, молотилка, коммунист, большевик, депутат, митинг, конституция, телефон, телеграф¹²⁸;

узбекский — колхоз, молотилка, коммунист, большевик, депутат, митинг, конституция, телефон, телеграф¹²⁹;

киргизский — колхоз, молотилка, коммунист, большевик, депутат, митинг, конституция, телефон, телеграф¹³⁰.

Эти и многие другие русские и интернациональные слова получили право гражданства в словарном составе языков почти всех народов СССР.

Чем дальше, тем все более и более будет расширяться рассматриваемый общий лексический фонд. Бурное

¹²⁵ Примеры взяты из следующих словарей: Русско-татарский словарь. Казань, 1939; Русско-башкирский словарь. М., 1954; Русско-казахский словарь. Алма-Ата, 1959; Русско-азербайджанский словарь. Баку, 1955; Русско-киргизский словарь. М., 1944; Русско-уйгурский словарь. М., 1956.

¹²⁶ Ю. Д. Дешериев. Развитие младописьменных языков народов СССР, стр. 217.

¹²⁷ Русско-чувашский словарь. М., 1952.

¹²⁸ Русско-туркменский словарь. М., 1956.

¹²⁹ Русско-узбекский словарь. М., 1954.

¹³⁰ Русско-киргизский словарь. М., 1957.

развитие науки и техники, культуры и искусства, всех сторон нашей жизни способствует возникновению новых слов для обозначения новых понятий. А в языки народов СССР эти термины главным образом заимствуются и в дальнейшем будут заимствоваться из русского языка и через него из других языков мира.

Следовательно, и в лексике чувашского языка общий лексический фонд языков народов СССР будет все более и более расширяться, обогащая ее новыми словами и терминами.

ГЛАВА ВТОРАЯ КАЛЬКИ

§ 1. Калькирование — один из продуктивных способов обогащения лексики

Благотворное влияние русского языка на развитие и обогащение чувашской лексики не ограничивается одними лишь лексическими заимствованиями. Словарный состав чувашского языка заметно пополнился, кроме того, так называемыми кальками¹ с русских слов и выражений.

Кальки образуются путем точного перевода иноязычных (в данном случае русских) слов по их морфологическому строению. Иначе говоря, кальки — это такие слова, которые по своему строению соответствуют словам другого языка, послужившим образцом для калькирования. Следовательно, в кальках заимствованными являются не сами слова, а лишь их морфологическое строение.

Кроме отдельных слов, калькируются и словосочетания, что заключается в буквальном переводе составляющих их компонентов.

Следует заметить, что калькирование с иноязычных слов и словосочетаний при устном заимствовании, как правило, не наблюдается, кальки создаются переводчиками, они имеют место лишь при книжном заимствовании.

Калькирование дает возможность каждому языку максимально использовать свои лексические и грамматические средства, ограждает его от засорения излишними, ненужными заимствованиями.

Калькирование с русского языка — общее явление для языков всех народов СССР.

В книге «Вопросы терминологии» (Материалы Всесоюзного терминологического совещания, состоявшегося 25—29 мая 1959 года в Москве) о кальках в бурятском

¹ Калька — от французского *calque* — «копия на прозрачном листе», «подражание».

языке, например, говорится следующее: «В разговорной бытовой речи кальки встречаются единицами: например, *тохэрезн жил* «круглый год». Зато в значительном количестве их можно найти в литературном языке. Калькируются в основном разного рода словосочетания, тот или иной член словосочетания и сложные слова: *оргэн далайса* «широкий размах», *тунумал даб һан* «осадочная соль», *баярай мэдээсэл* «радостное сообщение», *онгэтэ металл* «цветной металл», *ажалай герой* «герой труда», *шидхэхи одэрн од* «решающие дни», *ашагта малтамалнууд* «полезные ископаемые», *гэрэй амирад* «домашние животные» и др.

Иногда копируются отдельные фразы: *агаар халаа-хада орэжэдэг* «при нагревании воздух расширяется», *колхознигуудай ажалта одэрэй төлэбэртине дээшэлв—олхэ арга* «меры по повышению оплаты трудодней колхозников», *далайн уһан аһаб а абалга* «добывание соли из морской воды» и т. д.»²

Широко представлены кальки с русских слов и словосочетаний и в других тюркских языках. Например, узб. *нурланиш* «излучение», *курсатма* «указание», *беш-йиллик* «пятилетка», *мехнат интизам* «трудовая дисциплина», *хунар мактаби* «ремесленная школа», *танки уз-зини танкид* «критика и самокритика»; кирг. *жакшем-белик* «воскресник», *агым* «течение», *казан* «котел» (военный термин), *ак алтын* «белое золото», *кызыл бурч* «красный уголок», *тарыхай материализм* «исторический материализм»; тат. *хызмет коне* «трудодень», *доньяга караш* «мировоззрение» и др.

Также много создано калек с русских слов и словосочетаний и в чувашском языке. Их можно найти и в общественно-политической, и в производственно-технической, и в сельскохозяйственной, и в учебной, и в научной терминологии.

Кальки бывают в основном двух видов: словообразовательные и фразеологические. К словообразовательным относятся такие кальки, которые представляют собою отдельные слова, возникающие в результате точного прямого перевода отдельных слов по их морфологическому строению. Для иллюстрации того, как создаются подобные кальки в чувашском языке, можно привести

² «Вопросы терминологии», стр. 21.

слово *хӑрушсӑрлӑх*. Оно возникло как результат поморфемного перевода русского слова *безопасность* с помощью соответствующих морфем чувашского языка: русскому префиксу *без-* соответствует чувашский аффикс лишения *-сӑр*, суффиксу *-ость* — аффикс-*лӑх*, корню — слово *хӑруш*.

Но наиболее распространены в чувашском языке так называемые фразеологические кальки, т. е. словосочетания, возникающие в результате буквального перевода русских фразеологизмов. Подобное калькирование заключается в следующем: берется русское фразеологическое сочетание, составляющие его компоненты точно передаются на чувашский язык и переведенное слагается воедино. Поясним это на следующем примере: русское словосочетание *доска почета* состоит из двух компонентов (*доска* в именительном падеже и *почет* в родительном падеже), которые точно передаются на чувашский язык, однако первый компонент на чувашской почве морфологически оформляется в соответствии с категорией притяжательности (*хӑми* «его доска»), представляющей собою одну из специфических морфологических особенностей чувашского языка в отличие от русского, и переведенные слова слагаются воедино. Так появляется фразеологическая калька *хисеп хӑми*.

Кроме словообразовательных и фразеологических калек в чувашском языке имеются и так называемые семантические кальки. Дело в том, что влияние русского языка на чувашский проявляется и в развитии семантики слов, в которых одно из лексических значений появляется как результат заимствования. В качестве примера лексико-семантической кальки можно привести глагол *сӑтат* «освещать», который, кроме своего прямого, номинативного значения «направить лучи света на кого-что-н., снабдить светом» имеет переносное значение «объяснить, изложить». Например: «Оксанӑ» повеҫре вӑл пӑрремӗш тӗнче вӑрҫи тапхӑрне *сӑтатма* пӑхрӗ (Ялав, 1962, № 12) «В повести «Оксана» он хотел осветить период первой мировой войны». Слово *сӑтат* в значении «объяснить» представляет собою семантическую кальку, так как данное переносное значение появилось в нем под влиянием русского *освещать*. Основой для заимствования словом *сӑтат* переносного значения русского *освещать* послужило то, что эти слова имеют одинаковое

прямое, номинативное значение «снабдить» светом, направить лучи света на кого-что-н.» В результате этого слово *сутат* под влиянием русского *освещать* приобрело новое, переносное значение.

Таким образом, калькирование с русского языка — это один из наиболее обширных и богатых источников обогащения лексики языков народов СССР, в том числе и чувашского языка.

§ 2. Кальки, созданные в дооктябрьскую эпоху

В чувашском языке кальки с русских слов и словосочетаний стали появляться в последней четверти XIX века, когда начала издаваться оригинальная и переводная литература. А в 1906—1907 годах, когда выпускалась первая чувашская газета «Хыпар» («Вести»), калькирование получает особенный размах. На страницах газеты мы находим целый ряд общественно-политических и других терминов, созданных путем калькирования с русских слов и фразеологических оборотов.

В качестве примеров калек, созданных в 1906—1907 гг., можно привести следующие: *ёс сынни* «трудящийся человек», *сёр тытакан* «землевладелец», *тавар тавакансем* «товаропроизводители», *Пёрлэ Океан* «Ледовитый Океан», *Министрсен Канашё* «Совет Министров», *пётём сёршывсенчи чухансем* «пролетарии всех стран», *ёс халăхё* «трудовой народ», *аслă школ* «высшая школа», *уçă сыру* «открытое письмо», *хупă сыру* «закрытое письмо», *Аслă Министр* «Премьер-министр», *суйланă сынсем* «выборные лица», *халăх сурчё* «народный дом», *хысна укш* «казенные деньги», *хула пуçлăхё* «градоначальник», *шухăш ирĕкё* «свобода мысли», *сăмах ирĕкё* «свобода слова», *тĕн ирĕкё* «свобода веры», *пухăнас ирĕк* «свобода собраний», *сёр законё* «земельный закон» и др.

Перечисленные здесь кальки главным образом встречаются в публицистических статьях, в которых затрагиваются вопросы политической жизни.

Кроме отдельных — и простых и составных — терминов, калькировались фразеологические обороты и целые выражения (поговорки, пословицы и т. д.). Например: *ёмёр пурăн, ёмёр вĕрен* (1906, № 27) «век живи, век учись»; *чăнлăх пурне те сĕнтерет* (1906, № 30)

«правда все побеждает»; *вёренни сута, вёренменни тёт-тём* (1906, № 45) «ученье — свет, неученье — тьма»; *ирёклёх — пур асла́лхсен те амашё* (1906, № 46) «свобода — мать всех наук»; *курпунла сынна шайтак анчах тўрлетет* «горбатого могила исправит»; *кашкарё те тутай, сурахёсем те тёрёс...* (1906, № 5) «и волки сыты, и овцы целы»; *улталамасан сутанмасть* «не обманешь — не продашь» (1906, № 45); *халах мён чухлё нумайрах вёренет, саван чухлё пуанрах пулат* (1907, № 3) «чем больше народ учится, тем богаче он становится» и др.

Следует сказать, что среди калек, созданных сотрудниками и корреспондентами газеты «Хыпар», много удачных терминов, выражений, которые получили право гражданства в чувашском языке и по сей день бытуют в нем. Например: *ёс сынни* «трудящийся человек», *ёс халахё* «трудовой народ», *Парла́ Океан* «Ледовитый Океан», *саса пар* «отдать голос», *уса сыру* «открытое письмо», *хупа сыру* «закрытое письмо» и некоторые другие.

Нельзя не заметить в связи с этим и того, что сотрудники и корреспонденты газеты «Хыпар» не ограничивались лишь калькированием с русского языка, ими создано множество терминов путем смысловой передачи на чувашский язык русских терминов. Например: *сёр куланайё* «прямой налог», *сёр укши* «выкупные платежи», *патша ирёкне хёстермен патшалёх* «неограниченная монархия», *патша ирёкне хёстерне патшалёх* «ограниченная монархия», *сын ирёкё* «неприкосновенность личности» и др.

§ 3. Кальки, созданные в советскую эпоху

Процесс калькирования русских слов и фразеологических оборотов в чувашском языке интенсивно развивается в советскую эпоху, когда переводческое дело получает широкий размах. Калькирование становится одним из продуктивных способов обогащения чувашской лексики, главным образом, терминологии. Знаменательно то, что в советскую эпоху калькируются в массовом масштабе не только отдельные слова и лексические словосочетания, представляющие собою в основном термины, но и целые выражения (пословицы, поговорки, крылатые выражения и др.).

Сфера употребления калек чрезвычайно обширна: ими значительно пополнилась и общественно-политическая, и сельскохозяйственная, и производственно-техническая, и учебная, и научная терминология.

В первые годы Советской власти, когда чувашский народ стал принимать активное участие в общественно-политической жизни страны, появляется масса общественно-политических терминов путем калькирования с русского языка. В этом заметную роль сыграли периодическая печать, переводы произведений классиков марксизма-ленинизма, школьных учебников и др.

Приведем несколько характерных примеров из газеты «Канаш», которая стала выходить в 1918 году.

Польшана янă Хёрлĕ Хёрес сыннисене йытта вĕлернĕ пек персе вĕлернĕ (1919, № 7) «Представителей Красного Креста, посланных в Польшу, расстреляли как собак». Пирĕн утлă сар раштаван 25 кунĕнче Миллеровск-ран 18 сухраĕ кантарарах таракан ташмана сĕмĕрнĕ (1920, № 1) «Наша конная армия 25 декабря разгромила врагов, находившихся в 18 километрах к югу от Миллеровска». Пётĕм Рассейĕн чĕрĕ вайĕсем... Колчака сĕмĕрсе пынă вăхăтра кантарлара тепĕр хăрушлăх курăнса кайрĕ «В то время, когда живые силы всей России... громили Колчака, на юге появилась новая опасность». Салам сана, пирĕн чаплă Хёрлĕ Сар! (1920, № 1) «Привет тебе, наша славная Красная Армия!» Пирĕн вăхăт-лăх килĕшĕ тăвасси сак майпа пырат (1920, № 191) «У нас заключение временного соглашения идет следующим образом». Мускав хулинчи ёс сыннисем Чăваш оп-лаçĕн ача сурчĕсене хамăр пăхса усатпăр тесĕ (1921, № 80) «Трудящиеся Москвы говорят, что они сами будут содержать детские дома Чувашской области». Ёсĕне Сых-лăх канашĕ халăха саяла чĕнсе калать... (1923, № 47) «Совет Труда и Оборона так призывает народ...» Стена хасачĕсем малтан хăпăк-савăтсенче тухатчĕс (1926, № 5) «Стенные газеты вначале выходили на фабриках и заводах». Парти пĕрлĕхне сыхласи — кашни комму-нистăн тивĕсĕ (1927, № 1) «Бережь единство партии — долг каждого коммуниста».

По мере усиления выпуска периодической печати, книг и брошюр на чувашском языке и, главным образом, развития переводческого дела калькирование с русского языка получает все более и более широкий размах.

ны», сурма проводник «полупроводник», тётёмсёр тар «бездымный порох», тимёр-бетон «железобетон», тупта-кан машиня «ковочная машина», хыта шыва семсетни «смягчение жесткой воды», шалти напряженисем «внутренние напряжения» и др.

Сельскохозяйственные термины: ёс кунё «трудодень», пайланман фонд «неделимый фонд», ял хуҗалах артель «сельскохозяйственная артель», тыра хатёрлевё «хлебо-заготовка», сын-кун «человеко-день», ял хуҗалахне элек-трификацилени «электрификация сельского хозяйства», коллективля хуҗалах «коллективное хозяйство», хай сү-рекен комбайн «комбайн самоходный», симёс апат «зе-леный корм» и др.

Учебная терминология: пысак саспалли «большая буква», пулас вәхәт «будущее время», ыртнё вәхәт «прошедшее время», хальхи вәхәт «настоящее время», шалти рифма «внутренняя рифма», ыртнё рифма «внеш-няя рифма», ыртнё савя «вольный стих», ыттулла та-так «вопросительная частица», ыттулла предложение «вопросительное предложение», ытти палли «вопроси-тельный знак», кәшкәру палли «восклицательный знак».

Калек с русских слов немало встречается и среди терминов по естествознанию, географии, физике и мате-матике: сурям шәммисёррисем «беспрозвоночные», пус-купташкисёррисем «бесчерепные», тымар ура «корне-ножка», юн савранйшё «кровообращение», суя урасем «ложноножки», семсе йтлисем «мягкотелые», хутарлисем «сумчатые», айя юхам «теплое течение», сурчәмәр «по-лушарие», тинёс шайё «уровень моря», савя юхам «хо-лодное течение», вёсемсёр вуншарла вак «бесконечная десятичная дробь» и др.

Рассмотренные выше калёки большей частью пред-ставляют собой термины.

Однако калекированию подвергаются не только тер-мины, но и слова и словосочетания, не являющиеся тер-минами.

Анализ языка периодической печати, художественной, массово-политической, сельскохозяйственной, учебной, научно-популярной литературы показывает, что в чу-вашском языке создано и создается множество подоб-ных калек. Приведем лишь некоторые из них: ардык сапса аркат — разбить наголову, интересене хуҗтёле — защищать интересы, ырттерсе тулгар — перевыполнить.

ёсё сáмахран мала кайман — дело не двинулось дальше слов, парти решенийёсемне хёс-пáшаланса — вооружившись решениями партии, пёрлэх тёрекленчё — укрепилось единство, пёр кáмáллá пулса ырла — единодушно одобрить, ёсри ситёнёсемне кётсе ил — встретиться с трудовыми успехами, анлáн сарáл — широко распространиться (напр., социалистическое соревнование), ёсне ответле — ответить делом, савáнса палáрт — с радостью отметить, вáхáтлáх йывáрлáхсем — временные трудности, йсём йывáрлáхсем — трудности роста, тивёслине хакла — достойно оценить, ййтнине тивёстер — удовлетворить просьбу, аслá тёллев — великая цель, чёрё сáнар — живой образ, сута сáнар — светлый образ, вилё чунсем — мертвые души, хупáлчари этем — человек в футляре, малти ретре пыр — идти в первых рядах и т. п.

Калькируются многие пословицы и поговорки, меткие и яркие выражения русских писателей, ученых, общественных и государственных деятелей. Например: пурнáс пурáнса ирттересси — уй урлá каçасси мар — век прожить — не поле перейти; телейлисем вáхáта сáна-мáсё — счастливые часов не наблюдают; кам ёслемест, сáв сáмест — кто не работает, тот не ест; чысна сáмрáк-ран упра — береги честь смолоду; пурте пёриншён, пёр-ри — пуриншён — все за одного, один за всех; сыншáн сын — тус, тáван тата юлташ — человек человеку — друг, брат и товарищ; сыншáн сын — кашкáр — человек человеку волк; тáшман парáнмáсть пулсан, áна пётерессё — если враг не сдаётся — его уничтожают; этем тени мáнаслá янáрать — человек — это звучит гордо; чáнни куçа та шáтарать — правда глаза колет; тёрёслэх хёвелтен те сута́рах — правда светлее солнца; сахáлрах пулсан та, лайáхрах пúлтáр — лучше меньше, да лучше; эсир, ту-сáмсем, темле ларсан та, музыкант пулаймáр нихáсан та — а вы, друзья, как ни садитесь, все в музыканты не годитесь; коммунизм вáл — Совет власё тата пётём сёр-шыва электрификацилени — коммунизм — это Советская власть плюс электрификация всей страны и т. д.

Среди приведенных здесь примеров многие представляют собою пословицы и поговорки. Следует сказать, что чувашский язык богат собственными пословицами и поговорками³, многие из них адекватны по смыслу рус-

³ См. Чувашские пословицы, поговорки и загадки. Сост. Н. Р. Романов. Чебоксары, 1960.

ским выражениям. Ср., напр.: русск. *Не удержишь в себе, не удержишь в селе* — соотв. чувашск. *Хёрёх шӑл витёр тухсассӑн, хёрёх яла сарӑлат* «Если прорвется сквозь сорок зубов, разойдется по сорока деревням»; русск. *Правду говорить, друга не нажить* — соотв. чув. *Тӗрӗ калакан ашӗ-амӑшне юрайман* «Говоривший правду родителям не угодил»; русск. *Свинью за бобра продали* — соотв. чув. *Лаша вырӑнне пакша тыттарса хӑварнӑ* «Вместо лошади вручили ему белку»; русск. *Делать из мухи слона* — соотв. чув. *Пӗр шӑрпӑкран ҫӗр шӑрпӑк тӑвать* «Из одной спички делает сто спичек»⁴ и т. п. В чувашском языке можно найти сотни пословиц и поговорок, эквивалентных русским. Но, несмотря на это, как мы видели выше, русские пословицы и поговорки очень часто калькируются. Это объясняется следующими обстоятельствами: во-первых, многие русские пословицы и поговорки не имеют в чувашском языке эквивалентных выражений, в этом случае чувашским переводчикам приходится так или иначе калькировать их; во-вторых, они, не имея русско-чувашского словаря пословиц, поговорок и фразеологических оборотов, калькируют даже те русские пословицы и поговорки, которые имеют в чувашском языке эквивалентные выражения, а попытки подыскать их не всегда имеют успех, так как дело это очень сложное и трудное, оно под силу лишь большому коллективу исследователей языка, практических работников (писателей, переводчиков и журналистов); в-третьих, некоторые пословицы и поговорки калькируются лишь потому, что чувашские переводчики иногда не хотят отходить от оригинала, желая точно передать смысл, образность русской пословицы или поговорки. Так, например, русской пословице *жизнь прожить — не поле перейти* в чувашском языке соответствует по смыслу пословица *ёмёр сакки сарлака* «скамья жизни широка». Однако чувашские переводчики нередко калькируют эту русскую пословицу (*пурнӑс пурӑнса ирттересси — уй урӑ каҫасси мар*), желая точнее передать смысл русского оригинала.

Кроме словообразовательных и фразеологических калек, в чувашском языке, как отмечалось выше, имеются и семантические кальки. «...Такой процесс калькиро-

⁴ Там же, стр. 96, 99.

вания. значения происходит только тогда, когда чужое слово и свое семантически имеют точки соприкосновения, обладают объединяющими их одинаковыми прямыми, номинативными значениями. Семантической калькой, например, является в русской лексике слово *трогать* в значении «вызывать сочувствие, приводить в умиление», которое появилось в нем под влиянием французского слова *toucher*. Основой для заимствования русским словом переносного значения французского слова послужило их единое прямое значение «прикасаться»⁵.

Среди семантических калек выделяются два вида: лексические и фразеологические. Первые из них мы склонны называть *лексико-семантическими*, вторые — *фразеолого-семантическими*. Лексико-семантические калки представляют собою отдельные слова, т. е. лексические единицы, а фразеолого-семантические — фразеологические сочетания.

Семантические калки в достаточном количестве имеются и в словарном составе современного чувашского литературного языка.

Характерным примером лексико-семантических калек является глагол *хёс-пайшаллан* «вооружаться». Раньше это слово употреблялось лишь в номинативном, прямом значении «запастись средствами для ведения боя (оружием, техникой и т. п.)». В советскую эпоху под влиянием русского глагола *вооружать, вооружаться* оно приобрело новое, переносное значение, напр., *марксизм-ленинизм теорийёне хёс-пайшаллан* «вооружиться марксистско-ленинской теорией», *сирёп пёльйсемне хёс-пайшаллантар* «вооружить прочными знаниями»⁶. Следует заметить, однако, что слово *хёс-пайшаллан* в данном переносном значении встречается лишь в литературном письменном языке, а в разговорном языке оно употребляется только в номинативном, прямом значении.

К лексико-семантическим калкам можно отнести слова *сулахай* «левый», *сылтам* «правый», когда они употребляются как политические термины в значениях «политически радикальный или более радикальный, чем другие» (*сулахай*) и «политически консервативный, ре-

⁵ Е. М. Галкина-Федорук, К. В. Горшкова, Н. М. Шанский, Современный русский язык. М., Учпедгиз, 1957, стр. 54.

⁶ См. Чувашско-русский словарь. М., 1961, стр. 500.

акционный, враждебный всякому прогрессу» (*сылтам*). Например: *сулахай эсерсен пӑлхавӑ* «лево-эсеровский мятеж», *сулахай коммунистсем* «левые коммунисты», «*сулахай*» социалист-революционерсем «левые» социалисты-революционеры», *сулахай сулӑнчӑк* «левый уклон»⁷; *сылтам социалистсем* «правые социалисты», *сылтам оппортунизм* «правый оппортунизм», *сылтам сулӑнчӑк* «правый уклон»⁸. Эти переносные значения в словах *сулахай* и *сылтам* появились под влиянием семантики русских слов *левый* и *правый*. Основа заимствования чувашскими словами переносных значений русских — это единое номинативное значение прилагательных *сулахай* — *левый* и *сылтам* — *правый*.

В советскую эпоху под влиянием семантики русского слова *очаг* получило новое, переносное значение существительное *вучах*. Например: *культура вучахӑ* «очаг культуры», *вӑрҫӑ вучахӑ* «военный очаг» и др. («*Вӑрҫӑ вучахне тӑп тумалла*».)

Большой интерес представляют фразеолого-семантические кальки. Под влиянием значений русских фразеологических выражений многие чувашские синтаксические словосочетания превращаются в фразеологизмы. Поясним это на примере словосочетания *юхӑма май иш* «плыть по течению». Русское словосочетание *плыть по течению* имеет два значения: конкретное и переносное (т. е. жить и действовать, пассивно подчиняясь ходу окружающей жизни). Чувашское словосочетание *юхӑма май иш* под влиянием второго значения русского *плыть по течению* стало употребляться и в переносном значении. Например: Унран ним усси те сук, вӑл яланах юхӑма май ишет вӑт (Ялав, 1959, № 4) «От него никакой пользы нет, он ведь всегда плывет по течению». Таким образом, под влиянием русского фразеологического оборота данное чувашское выражение из свободного синтаксического словосочетания превратилось в неразложимое, т. е. во фразеологизм. И в предложении оно выступает как один член — сказуемое. В качестве примера семантической кальки можно привести также словосочетание *ура сине тӑрат* «поднять на ноги». Под влиянием

7 См. Русско-чувашский словарь общественно-политических терминов. Чебоксары, 1960, стр. 38.

8 Там же, стр. 65.

переносного значения русского словосочетания чувашское *ура сине тӑрат* еще в 20-х годах нашего столетия приобрело переносное значение *восстановить*. Например: Республикӑн мӑн промышленносене... *ура сине тӑратас* еҫе пуҫӑнтарса йарасси Раҫҫей ёҫхалӑхён пуҫ сине тӑракан еҫе. (Канаш, № 1) «Начать восстановление (т. е. *поднять на ноги*) тяжелой промышленности — это главная задача трудящихся России». Подобных примеров можно привести еще целый ряд.

Следовательно, чувашский язык обязан русскому языку и обогащением семантики слов, т. е. появлением у них наряду с конкретными, номинативными значениями переносных, абстрактных лексических значений.

Все лексические и фразеологические калки, имеющиеся в словарном составе чувашского языка, можно разбить на две группы: на полные калки и полукальки. Первые создаются в результате перевода всех морфологических частей слова или всех компонентов словосочетаний. Например: треугольник — *виҫ кётеслӑх*, безопасность — *хӑрушсӑрлӑх*, восклицательный знак — *кашкар*у палли, часть речи — *пуплев пайё*, День победы — *Ҫӗнтерӱ кунё*, мелкая торговля — *вак суту-илӱ* и др.

В чувашском языке имеются и полукальки, т. е. слова и словосочетания, создающиеся посредством сочетания и сложения собственного и иноязычного (в данном случае русского) материала. Проиллюстрируем это на следующих примерах: *законсӑрлӑх* — беззаконие, *клас кӑрешӗвӗ* — классовая борьба. В слове *беззаконие* приставке *без* — соответствует чувашский аффикс лишения *-сӑр*, суффиксу *-ие* — аффикс *-лӑх*, а корень *закон* не переводится, так как в чувашском языке нет эквивалентного слова. Так возникает полукалька *законсӑрлӑх*. В словосочетании *классовая борьба* на чувашский язык переводится лишь второй компонент, а первый не поддается переводу, так как словарный состав чувашского языка не располагает адекватным по смыслу словом, в результате чего в лексике появляется полукалька *клас кӑрешӗвӗ*. Как показывает анализ имеющихся в чувашском языке калек (и лексических, и фразеологических), в них не поддающимися переводу элементами в основном являются интернациональные слова, в том числе и советизмы, вошедшие в международную лексику.

§ 4. Случаи злоупотребления калькированием

Признавая калькирование с русских слов и выражений одним из обширных источников обогащения чувашской лексики и терминологии, нельзя в то же время допускать злоупотребления им. Неудачные кальки не обогащают, а, наоборот, портят язык, засоряют чуждыми его нормативным основам элементами. При массовом калькировании такие случаи возможны, а анализ языка чувашской периодической печати, массово-политической, сельскохозяйственной, учебной и производственно-технической литературы показывает, что они здесь не единичны. Неудачные и ненужные кальки встречаются и в терминологических словарях.

Неудачные кальки появляются, во-первых, в результате перенесения недостатков некоторых терминов русского языка на чувашские термины, во-вторых, из-за калькирования русских терминов и фразеологических словосочетаний при наличии в чувашском языке адекватных по смыслу собственных терминов и фразеологизмов и, в-третьих, вследствие нарушения стилистических норм родного языка. Серьезное внимание на первый недостаток было обращено Всесоюзным терминологическим совещанием, состоявшимся в Москве 25—29 мая 1959 года⁹. Так, например, в докладе Н. К. Сухова «Об основных направлениях современной терминологической работы в технике» было сказано: «Иногда считают, что национальный термин может быть получен путем перевода термина другого языка. Это не так.

Очень часто оказывается, что термины в исходном языке имеют различные недостатки. При переводе таких терминов эти недостатки неизбежно переносятся в термин национальных языков...

Исходный термин может неверно отражать сущность выражаемого им понятия, например, в русском языке термин «лошадиная сила». Известно, что этот термин служит для выражения единицы мощности. Буквальное значение термина «лошадиная сила» противоречит выражаемому понятию мощности. Хорошо известно, что этот термин не удовлетворяет требованиям и поэтому не может служить образцом, достойным подражания».

⁹ См. «Вопросы терминологии».

Следовательно, термин *лаша айда* (калька с русского «лошадиная сила») неправильно выражает понятие данной мощности. Следует сказать, что подобные недостатки терминов не могут быть устранены одними лишь лингвистами, тут требуются совместные усилия языковедов и специалистов соответствующих областей знаний (инженеров, техников, агрономов, зоотехников и др.).

В языковой практике нередки случаи, когда русский термин и фразеологическое сочетание (к последним мы склонны отнести и пословицы, поговорки, крылатые выражения) калькируются даже при наличии в чувашском языке собственных терминов и фразеологизмов.

Прежде чем калькировать, необходимо выявить, нет ли соответствующих терминов и фразеологических оборотов в словарном составе чувашского языка, так как собственные лексические и фразеологические средства играют главную роль в развитии и обогащении лексикона и фразеологии любого национального языка. Если в лексике родного языка имеется термин, эквивалентный русскому, то последний не следует не только заимствовать, но и калькировать. Однако в терминотворчестве подобные нежелательные явления все еще имеют место. Так, например, в «Русско-чувашском словаре общественно-научных терминов» (Чувашское изд-во, 1960, стр. 63) встречается термин *савласгаракан сун* (калька с русского «подвесная дорога»). В «Русско-чувашском словаре сельскохозяйственных терминов» (Чувашское изд-во, 1963, стр. 32) этот же термин передается как чувашский, хотя в чувашском языке *савласгаракан сун* соответствует русскому слову «подвесная дорога», а не кальке с русского термина «подвесная дорога». Существительные названий словидей не учтено наличие в чувашском языке собственного термина *шӑла-тӑрмашла сун* (бува *доросани* *шӑла*), который употребляется в разговорном языке. В качестве примера ненужного калькирования можно привести также термин *сӑкӑр пӑрри*¹⁰⁰ — кальку с русского «зеленая чинча». В разговорном языке употребляется соответственно *тӑрӑд пӑрри* (бува *чинча*, *чинчица* *дӑр*), который адекватен русскому термину *спелая чинча*.

¹⁰⁰ См. «Русско-чувашский словарь сельскохозяйственных терминов», Чувашское изд-во, 1963, стр. 72.

При передаче смысла русских фразеологических оборотов на чувашском языке переводчику нужно уметь находить соответствующие им чувашские пословицы и поговорки, крылатые выражения и т. д. Так, например, в русском языке есть поговорка: *моя хата с краю*. Если бы переводчик передал ее на чувашский язык буквально (например, *мак пурт ял хёррине*), то все восприняли бы это выражение в конкретном смысле, так как оно в чувашском языке в переносном значении никогда не употреблялось и не употребляется. В данном случае переводчик должен подыскать идентичное по смыслу чувашское выражение. Русской поговорке *моя хата с краю* соответствует чувашская поговорка *иланьш пулсан, ик айкки те тавашши* «она не на стороне под гору». В чувашской переводной литературе случаи калькирования русских фразеологических оборотов при наличии соответствующих по смыслу чувашских выражений нередки. Так, например, в одной повести, вышедшей в переводе с русского на чувашский язык, поговорка *хвостом вылезет, а зубы скажут* передана на чувашский язык буквально: *хирине вылято, айлане айрет* (калька с русской поговорки), тогда как в чувашском языке имеется подходящее по смыслу выражение *чёлхи селсе те, алли хыт*.

Как видим, в переводческом деле нужна осторожность при передаче на другой язык фразеологических оборотов. Калькирование их при наличии собственных подходящих пословиц, поговорок и крылатых выражений нежелательно.

В результате буквального перевода, т. е. калькирования с русского языка нередко создаются словосочетания и целые выражения, нарушающие нормы чувашского словопользования. К подобным случаям можно отнести кальку с русских словосочетаний, содержащих в себе предлог *на*. Так, например, неупотребительный калька *халлар сине обязательств айдалар* «заказ на себя обязательств», *панли сине пай куйти на пачетю*, «благослови сине кулар» «перевести на чувашский язык», *ролла сине елла* «играть на роле», *зе сине малон* «жениться на ней», *айту сине чараса тир* «остановиться на вопросе», *тамананеж парём сине айла хабарар* «звать зубы точат на нас» и т. п. Следует заметить, что подобные неудачные кальки, нарушающие стилистические

нормы языка, широко употребляются не только в языке печати, но и в разговорной речи. Например: Ондрюш Лизă йăмăкĕ *сине авланчĕ* те чиперех сын полчĕ «Женился Андрюша на Лизиной сестре и стал порядочным человеком» (из речи жителя деревни Вускасы Чебоксарского района В. Охлянова). Улам, *сак сыруя чăваш чĕлхи сине косарса* памастай-ши? «Сынок, не переведешь ли мне это письмо на чувашский язык?» (записано у жительницы села Кукшумы Вурнарского района А. Уштровой). *Хамăр сине илнĕ обязательствăсене* порнăсласях полать «Надо обязательно выполнить взятые на себя обязательства» (из речи жителя деревни Вускасы Чебоксарского района Г. Кожевникова).

Проникновению подобных неудачных калек в разговорную речь чувашей способствует прежде всего язык периодической печати, радиопередач, отдельных лекторов и докладчиков, в котором нередко встречаются словосочетания и целые выражения, созданные путем буквального, прямого перевода с русского. Например: Вĕсем хушшинче *пенси сине кайнă* сынсем те... пур (из передач чувашского радио, 1960, апрель) «Среди них есть и люди, ушедшие на пенсию». Халĕ эпĕ тепĕр пысăк ыйту *синче чарăнса тăрасшăн* (из лекции, прочитанной лектором К. в колхозе «Правда» Батыревского производственного управления). «Теперь я хочу остановиться на другом большом вопросе».

Неудачность приведенных выше калек заключается в следующем: русский предлог *на* и чувашское служебное имя *сине* далеко не совпадают. Дело в том, что первый, кроме употребления при обозначении поверхности, на которой сверху располагается или куда направляется что-нибудь, выражает целый ряд абстрактных значений, а чувашское слово *сине* в основном употребляется при обозначении поверхности предметов, т. е. в конкретном значении. Это хорошо видно из следующих примеров: на улице — *урамра* (а не *урам синче*); на севере — *сурсĕрте*; на этих днях — *сак кунсенче*; идти на работу — *ĕсе кай*; на будущей неделе — *ситес эрнере*; опоздать на час — *пĕр сехет юлса сит*; право на труд — *ĕç прави*; на два человека меньше — *икĕ сын сахалрах*; покажи на деле — *ĕшне кăтарт* и т. п. Как видим, русскому предлогу *на* не всегда соответствует чувашское служебное имя *сине*. Отсюда ясно, что дале-

ко не все русские выражения, содержащие в себе предлог *на*, следует калькировать. К ним относятся и вышеприведенные словосочетания *перевести на чувашский язык, жениться на ней, уйти на пенсию, играть на рояле, взяли на себя обязательства* и др., которые следует передавать на чувашский язык иначе: *чăвашла куçар* (вместо *чăваш чĕлхи çине куçар*), *ăна качча ил* (вместо *ун çине авлан*), *пенсие тух* (вместо *пенси çине тух*), *эпир обязательствă илтĕмĕр* (вместо *хамăр çине обязательствă илтĕмĕр*), *рояль кала* (вместо *рояль çинче выля*). Чувашское служебное имя *çине* (также и *синче*) главным образом употребляется при обозначении поверхности предметов, и это не позволяет калькировать с его помощью, например, выражение *играть на рояле*. Буквальный перевод его искажает смысл: *рояль çинче выля* означает «играть на поверхности рояля».

Когда идет речь о калькировании с русского языка на чувашский, необходимо заметить также и следующее. Правила сочетания слов в этих языках часто не совпадают: если в одном из них то или иное слово сочетается с тем или иным словом, то в другом соответствующие слова лишены этой возможности. Так, например, если в русском языке допускается сочетание слов *обвинение против него*, то в чувашском слово *хирĕç* «против» в словосочетании *ăна хирĕç айăплани* лишнее, ибо такое употребление нарушает нормы чувашского словосочетания. В переводной же литературе подобные нарушения допускаются нередко. Например: «Обвинения против коммунизма, выдвигаемые с религиозных философских и вообще идеологических точек зрения, не заслуживают подробного рассмотрения» (К. Маркс, Ф. Энгельс, Манифест Коммунистической партии). Перевод: «*Коммунизма хирĕç... айăпланине тĕплĕн пăхса тухма та тивĕç мар*» (К. Маркс, Ф. Энгельс, Коммунистсен партийĕн Манифесчĕ, 1955, стр. 56).

Каждый язык имеет свои нормы словоупотребления, нарушение которых засоряет, портит литературный язык, делает его трудным, малодоступным для масс.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ФОНЕТИЧЕСКОЕ ОФОРМЛЕНИЕ РУССКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ

Изучение фонетического оформления русских заимствований может дать много ценного для уяснения внутренних законов развития чувашского языка. Правильное решение этого важного вопроса может и должно способствовать решению некоторых других научно-теоретических и практических вопросов чувашского языкознания, как, например, вопроса о фонемном составе чувашского языка, об орфографировании заимствованных русских и интернациональных слов¹, об орфоэпии чувашского языка, характеризующейся недостаточной разработанностью и др.

Несмотря на всю важность и актуальность этого вопроса, он не стал еще объектом всестороннего, глубокого научного исследования и содержит ряд моментов, являющихся до сих пор камнем преткновения для чувашских лингвистов. Все еще не выяснены причины целого ряда фонетических изменений, которым подвергались старозаимствования² (например, замена фонемы *к* фонемой *х* в таких словах, как *хресчен* «крестьянин», *хёрес* «крест», гласных заднего ряда гласными переднего ряда в словах *пичке* «бочка», *черкке* «чарка», *кёрпе* «крупа» и др. и, наоборот, гласных переднего ряда гласными заднего ряда в словах *пёрёс* «перец», *шёрёс* «жесть» и т. д.). Разумеется, для решения этих вопросов надо иметь ясное представление не только о фонетических законах чувашского языка, но и об особенностях северновеликорусского наречия, из которого

¹ Интернациональные слова — это такие слова, которые заимствованы и заимствуются в чувашский язык из иностранных языков (греческого, французского, английского и др.) через русский.

² Под термином «старозаимствования» нами подразумеваются русские слова, проникшие в чувашский язык в дореволюционную эпоху.

чуваши непосредственно черпали русские слова. В лингвистической литературе историю фонетического оформления русских заимствований в национальных языках принято делить на два основных периода: дооктябрьский и советский³. Мы же в данном исследовании будем придерживаться несколько иного деления: 1) фонетическое оформление русских слов, заимствованных до Великой Октябрьской социалистической революции; 2) фонетическое оформление русских и интернациональных слов в 20-х и 30-х годах XX в. и 3) фонетическое оформление заимствований начиная приблизительно с конца 30-х годов XX в. В основе такого деления лежат следующие признаки: в первый период русские слова большей частью заимствовались чуваши через прямое общение с русскими, т. е. устным путем, при этом это общение не было в достаточной мере тесным и систематическим. При таком проникновении иноязычные слова на почве заимствующего языка оформляются, как правило, в соответствии с произносительными нормами последнего. В 20-е и 30-е годы, т. е. в первые десятилетия после победы Великой Октябрьской социалистической революции, книжное заимствование не могло занимать преобладающее место, так как чувашское население в основном было неграмотным и абсолютное большинство чувашей книг и газет не читало, следовательно, русские слова заимствовались ими не через печать, а устным путем, частично приспособляясь к фонетическим особенностям чувашского языка.

С конца 30-х годов XX века начинается интенсивное заимствование русских и интернациональных слов без особых фонетических изменений. Это объясняется тем, что к данному времени в Чувашии, как и во всех других республиках и областях, совершается культурная революция. Она означает ликвидацию унаследованной от старого общества неграмотности и бескультурья широких масс населения, распространение грамотности и

³ Г. И. Хоролец Фонетическое освоение русской лексики в киргизском языке. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Фрунзе, 1950; Х. Бугазов. Русская лексика в дунганском языке. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 1954; Д. К. Киркбаев. Фонетика башкирского языка. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. М., 1959 и др.

образования среди них, подготовку кадров народной интеллигенции. Кроме того, и общение чувашей с русскими стало более тесным и систематическим, так как в 1929 году Чувашская республика вошла в Нижегородский край. Все это способствовало тому, что русские и интернациональные слова стали проникать в чувашский язык без заметных фонетических изменений.

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

ФОНЕТИЧЕСКОЕ ОФОРМЛЕНИЕ СТАРОЗАИМСТВОВАНИЙ

§ 1. Общие вопросы

Как было замечено выше, старозаимствования на почве чувашского языка подвергались большим фонетическим изменениям, приспособляясь к артикуляционным особенностям чувашей. Без специального лингвистического анализа даже не представляется возможным выяснить русский источник многих из них. Они столь сильно ассимилировались, что иногда заимствованное слово по своей фонетической форме почти не похоже на русский источник. Например: *чуста* «тесто», *мачча* «матица», *пичке* «бочка», *ыраш* «рожь», *ёскёрт* «скирда», *вырăс* «русский» (от «рус»), *кёрпе* «крупа», *чус* «тес», *чиркӳ* «церковь» и др. В отношении фонетического оформления старозаимствований чувашский язык среди других языков не составлял исключения. Максимальное приспособление русских слов к артикуляционным особенностям носителей заимствующих языков было характерно для языков всех нерусских народностей, в том числе и тюркских. Так, например, исследователь киргизского языка Г. И. Хоролец пишет: «Раньше, когда киргизы не имели своей письменности, русская лексика проникала в киргизский язык только в результате непосредственного живого общения. Но так как это общение не было систематическим и в достаточной мере тесным, русская лексика в киргизском языке, как правило, сразу же подчинялась фонетическим и грамматическим нормам родного языка: *усул* — стол, *бӱдӱт* — подать, *бадиротчи* — подрядчик, *ашмуш* —

ке — восьмушка, осьмушка и др.»⁴ Что же лежит в основе этих изменений? Почему чувашам, как и носителям других языков, надобно было так неузнаваемо «коверкать» русские слова? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо прежде всего ясно определить, что такое фонетические особенности языка.

Каждый язык имеет фонетические особенности, которые представляют собою один из признаков, выделяющих его в особый, отличный от других, язык. Даже языки одной семьи отличаются друг от друга целым рядом специфических фонетических особенностей. В основе их лежат артикуляционные возможности носителей данного языка. Если сравнить фонетическую систему русского и чувашского языков, то можно заметить много различий между ними. Например, если в природных чувашских словах согласный звук в положении за гласными переднего ряда палатализуется, то русский язык лишен этой закономерности (ср. чув. *сир'ён'* «прочный», *т'ёр'ек'* «опора», *м'ил'ёк'* «веник»; рус. *п'ир*, *т'ир*, *м'ир*). Еще один пример: в русском языке в абсолютном начале слова согласные могут произноситься звонко, а в чувашских словах начальные согласные произносятся всегда глухо. Подробнее о фонетических различиях между русским и чувашским языками будет сказано ниже.

При устном заимствовании, как было отмечено выше, фонетические особенности заимствующего языка накладывают явственный отпечаток на фонетический облик иноязычных слов. Это объясняется тем, что при таком заимствовании иноязычные слова воспринимаются только на слух, а зрительное восприятие отсутствует, так как заимствуемое слово графически не зафиксировано. Если человек имеет перед собой графически зафиксированное слово, то он привыкает произносить иноязычное слово почти так же, как в оригинале. А при устном заимствовании, из-за отсутствия зрительного восприятия, «...лицо, усваивающее другой язык, — как пишет А. М. Селищев, который вел живые наблюдения над процессом устного заимствования русских слов

⁴ Г. И. Хоролец. Фонетическое освоение русской лексики в киргизском языке. Автореферат диссертации, представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Фрунзе, 1950, стр. 3.

чуваши,— подставляет в процессе перехода к этому языку свои привычные представления артикуляционных движений для производства звуков. В результате производятся звуки, не всегда тождественные с звуками другого языка, а лишь сходные в той или иной части образования. Характерные настройки привычной традиционной речи, ее «артикуляционная база», ритм и темп этой речи также переносятся в говорение на другом языке...»⁵

Артикуляция звуков каждого языка, в том числе и чувашского, слагается веками. Поэтому «...слуховые раздражения и движение речевого аппарата, связанные с произношением и слышимостью звуков родного языка, обладают качественным своеобразием по сравнению с произношением и слышимостью звуков другого языка»⁶.

В чувашский язык русские слова проникали из северновеликорусского наречия. Оно охватывает северные и восточные районы Европейской части СССР и уходит за Урал, в Сибирь. «Южная граница северновеликорусского наречия вытянута с северо-запада на юго-восток по линии Псковское озеро... — Калинин, Клин, далее проходит немного севернее Москвы (около Загорска), затем идет на восток, проходя немного южнее Муром Владимирской области, Арзамаса и Сергача Горьковской области, поворачивает к югу, проходит немного восточнее Пензы и выходит к Волге севернее Камышина (т. е. к югу от Саратова)»⁷.

До революции чуваша входили в Казанскую губернию. «Говор Казанской губернии есть прежде всего говор *окающий* (курсив автора.—А. Г.) и, следовательно, принадлежит по этому признаку своего вокализма к говорам *северновеликорусским* (курсив наш.—А. Г.)»⁸. Таким образом, чуваша почти со всех сторон были окружены носителями северновеликорусских гово-

⁵ «Русск. говоры Казанск. края», стр. 36—37.

⁶ А. В. К и б я к о в а. Сравнительный анализ фонетических звуков чувашского и русского языков, затрудняющих произношение чувашами русских слов. См. «Ученые записки» Шуйского Государственного педагогического института, Вып. II, 1955, стр. 122.

⁷ П. С. К у з н е ц о в. Русская диалектология, М., 1954, стр. 116.

⁸ Е. Б у д д е. Главнейшие черты народного русского говора в Казанской губернии, Варшава, 1894, стр. 2.

ров. Это подтверждается такими русскими заимствованиями, как *навос* «навоз», *охват* (диал.), *ухват* (лит.) «ухват», *вакша* (диал.), *пакша* (лит.) «векша»⁹ (в южновеликорусских говорах соответственно употребляются: *назем*¹⁰, *рогач*¹¹, *белка*).

Следовательно, для того чтобы объяснить причины многих фонетических изменений русских заимствований в чувашском языке, необходимо знать отличительные черты северновеликорусского наречия.

Однако необходимо заметить, что в фонетическом оформлении старозаимствований преобладающую роль сыграли произносительные нормы чувашского языка.

Качественное различие между фонетической системой русского и чувашского языков выражается:

- 1) в разном составе фонем;
- 2) в разнице произношения близких звуков;
- 3) в наличии специфических звуковых закономерностей, действующих в русском и чувашском языках.

§ 2. Разный состав фонем

Эта особенность фонетической системы русского и чувашского языков накладывала явственный отпечаток на фонетическое оформление дооктябрьских заимствований. При заимствовании русских слов, содержащих в себе отсутствующие в чувашском языке фонемы, чуваша, как правило, заменяли последние наличествующими в своем языке фонемами. Очень характерна в этом отношении фонема *о*, которая отсутствовала раньше в низовом диалекте. Низовые чуваша при заимствовании русских слов и ударную, и безударную фонему *о* заме-

⁹ См. Толковый словарь русского языка. Под ред. проф. Д. Н. Ушакова. Т. I, М., 1935, стр. 242.

¹⁰ См. Толковый словарь русского языка. Под ред. проф. Д. Н. Ушакова. Т. II, М., 1938, стр. 355.

¹¹ См. Словарь русского языка. Сост. С. И. Ожегов, М., 1949, стр. 720.

¹² В низовом говоре ударение во всех словах, за исключением новозаимствований, падает на последний слог, это правило не нарушается и в словах с конечными редуцированными гласными.

няли фонемами *y, a, e, ä, ё*¹², причем наиболее продуктивной в данном отношении является *y*: Антон — *Антун*; Егор — *Якур*; Григорий — *Кёркури*; обоз — *апус*; обдирка — *аптирка*; обжора — *апшур*; опенок — *апльинкка*; молоток — *мәлатук*; подошва — *патушша*; ответ — *атвит*; Оренбург — *Эленбур*; Илья Пророк — *Илле Прарук*; околица — *укәлча*; доктор — *тухтәр*; мочало — *мучала*; пудовка — *пәтавкка*; чулок — *чәлха*; воск — *әвәс*; школа — *шкул*; полуштоф — *пуләштух* и т. п.

Так как в верховом диалекте фонема *o* наличествовала (напр., *орам* «улица», *окса* «деньги», *оләм* «солома», *той* «свадьба», *сохан* «лук» и др.), то верховые чувашские русские слова, содержащие ее, заимствовались без замены другими фонемами: подвал — *потвал*; подошва — *потош*; револьвер — *вольвәр*, *овольвәр*; окошко — *окошка*; обжора — *опшор*; молоток — *молоток* и т. п. Кстати, интересно заметить, что верховые чувашские русские слова, в которых в настоящее время отсутствует звук *o*, произносились с данным звуком: Елена — *Олени*; Агафия — *Окаххи*; Артем — *Ортям*; Алатырь — *Олатәр*; Алеша — *Олеш*; Андрей — *Онтри*, Авдотья — *Отатти*, тесто — *чоста*, капуста — *копәста* и др. На такое оформление приведенных русских заимствований подействовал окающий характер верхового диалекта. Вполне возможно также, что подобные русские слова проникли в чувашский язык тогда, когда в русском языке многие из них произносились несколько иначе, чем в литературном языке, ср., например, *Овдотья*, *Ондрей*, *Огафия*, *Олема* и т. п.¹³

В лексику чувашского литературного языка эти русские заимствования вошли с фонемой *y*, так как в основу литературного языка был положен низовой диалект. Например: *Унтри* «Андрей», *Укахви* «Агафия», *чуста* «тесто», *купәста* и др. А их фонетические варианты *Онтри*, *Окаххи*, *чоста* и другие употребляются лишь в верховом диалекте.

Фонетическая система чувашского языка характеризовалась также отсутствием фонемы *ф*, произношение которой для чувашей и в абсолютном начале, и в середине, и в абсолютном конце слов представляло опреде-

¹³ См. Л. П. Якубинский. История древнерусского языка. М., 1958, стр. 134—135.

ленную трудность. Чем объясняется эта особенность проносительных норм чувашей, почему чувашки не могли произносить этот звук? Дальше мы увидим, что «...в отношении звукового оформления (русских заимствований.— А. Г.) весьма важное значение имела тенденция к облегчению произношения слов...»¹⁴ Вполне возможно, что неспособность чувашей произносить звук *ф* зависела именно от этого обстоятельства. Шумные щелевые губные *ф* и *в* произносятся путем сближения нижней губы с верхними зубами; через образующуюся при этом щель проходит воздушная струя, трение которой и дает шум, характеризующий согласные *ф* и *в*. «Голосовые связки при артикуляции *ф* находятся в положении, которое не дает голоса, при артикуляции *в* они дают голос...»¹⁵ При произношении фонемы *ф* органы речи принимают более напряженное положение, чем при произношении *в*, т. е. говорящему в первом случае приходится прилагать большее усилие, чем во втором. Можно полагать, что это обстоятельство и служило тому, что чувашки в русских заимствованиях подставляли вместо звука *ф* другие звуки, произношение которых для них не представляло трудностей.

Уместно заметить здесь, что и в других тюркских языках фонема *ф* в русских заимствованиях систематически заменялась другими звуками. Так, например, Э. М. Ахунзянов, исследуя вопрос о фонетическом оформлении русских заимствований в татарском языке, пишет: «В заимствованиях более раннего периода звук *ф* заменяется звуком *п*: фонарь—панар, фураж—пураж, фуражка—пурашка...»¹⁶

В чувашском языке наиболее продуктивными заменителями фонемы *ф* были привычные для артикуляции чувашей звуки *х*, *п*, *в* и звуко сочетания *хв*, *хёв*, *пх*¹⁷.

Приведем некоторые примеры:

¹⁴ Н. А. Андреев. О характере заимствований в чувашском языке. «Ученые записки» ЧНИИ, Вып. XII, 1955, стр. 88.

¹⁵ Грамматика русского языка, Т. I, М., 1960, стр. 62—63.

¹⁶ Э. М. Ахунзянов. Русские лексические заимствования... стр. 33.

¹⁷ В данном случае произношение звуко сочетаний *хв* и *пх* для чувашей не представляло трудности, так как звуки, составляющие их, входили в разные слоги: Ах-ва-ниç «Афанасий», У-ках-ви «Агафия» и др.

ф||х: Аграфена — *Краххян*, Февронья — *Хевронь*, Софрон — *Сахрун*, Фома — *Хумма*, Ефим — *Еххём*, Марфа — *Марххи* (в некот. говорах *Мархва*), Серафима — *Сереххи*, Тимофей — *Тимухха*, Фекла — *Хётли*, Филипп — *Хёлип* (в некот. говорах *Хёлён*), Иосиф — *Иоссăх*, фонарь — *хунар*, француз — *хрантсус*, фронт — *хронт*, фельдфебель — *хетхепёл*, фабрика — *хапрăк*, шарф — *шарăх*.

ф||п: Митрофан — *Митраппан*, сарафан — *сараппан*, Кавказ (слышится *Кафкас*) — *Капкас*, Матвей (*Мат'ф'ей*) — *Матпи*, шкаф — *шкап*.

ф||в: Анфиса — *Анвис*, фельдшер — *вершăл*, конфета — *канвит*, Ефросинья — *Еврос*, остров (*острѣф*) — *утрав*.

ф||хёв: Фекла — *Хёветле*, Федор — *Хёветёр*, Федора — *Хёветура*, Федот — *Хёветут*, фельдшер — *хёвершăл*.

ф||хв: Никифор — *Микихвер*, Афанасий — *Ахванис*, Агафия — *Укахви* (в некот. говорах *Укаххи*), картофель — *картахви*, офицер — *ахвитсер*.

ф||пх: Трофим — *Трапхин* и др.

Имеется несколько русских заимствований, в которых звук *ф* совсем опускается: Яков (*јакѣф*) — *Якку*, морковь (*моркоф'*) — *моркка*, бурав (*бураф*) — *пăра* и т. п.

Здесь мы привели русские заимствования, которые вошли в лексику как литературного языка, так и отдельных говоров, с тем, чтобы показать, какое влияние оказывало на фонетическое оформление русских слов отсутствие в чувашском языке фонемы *ф*. В этом отношении большой интерес представляют для нас живые наблюдения А. М. Селищева, которые он вел над процессом заимствования чувашами русских слов в начале 20-х годов нашего века. Замена звука *ф* другими звуками, как отмечает он, в то время имела место и в фамилиях: Федотов — *Х'едотох* и др. Отсутствие в чувашском языке этой фонемы заметно отражалось и в русской речи чувашей: 6 пудов (*пудоф*) — *6 пудох*, дров (*дроф*) нет — *трох* нет¹⁸.

В связи с этим заметим, что звука *ф* не было и в системе звуков древнерусского языка. Он проникал в

¹⁸ См. «Русск. говоры Казанск. края», стр. 58.

русский язык из греческого. «Однако и образованные люди, а тем более широкие слои населения часто подставляли вместо чуждого для них звука *ф* какой-либо близкий к нему звук или звуко сочетание своего языка. Впоследствии под влиянием знания греческого языка в литературном языке все же, как правило, закрепилось произношение *ф*. Но в диалектах (а отчасти и в литературном языке) до сих пор сохранились эти старые замены чуждого звука *ф* своими: ср. парус из греческого *pharos*; Степан из греческ. *Stefavos*, но и Стефан; *Осип* вместо *Иосиф* (так же *Есип*, фам. *Есипова*)... Иногда *ф* заменялось через *х* или звуко сочетание *хв*. Ср. украинск. *Хведор* (вм. *Федор*), *Ховронья* (вместо *Февронья*)... Хома вместо *Фома*...»¹⁹

Вполне возможно, что некоторые личные имена были заимствованы чувашами именно тогда, когда они и в русском языке употреблялись в форме, напр., *Хведор* (ср. чув. *Хёветёр*), *Ховронья* (чув. *Хевронь*), *Хома* (чув. *Хумма*) и т. п.

В составе фонем чувашского языка не было раньше и переднеязычной аффрикаты *ц*. Этот звук «...в известной степени может быть рассматриваем как *тс*...»²⁰ Надо полагать, что чувашаи воспринимали его как стечение согласных, произношение которого для них представляет определенную трудность, и систематически подставляли вместо этой аффрикаты привычный для своей артикуляции звук *ч*. Приведем примеры: церковь — *чиркй*, цыган — *чикан*, околица — *укйла*, цынга — *чинка*, цыгарка — *чикаркка*, цимбалы — *чимпал*, цыновка — *чинавкка* (для обивки саней), целовальник — *чулавалнёк*, матица — *мачча*, цифра — *чихвйр*, процент — *прочйан*, улица — *униче*, скляница — *кёленче*, царь — *чар* (*чар хули* — гор. Царевококшайск)²¹, солоница — *сйланча* и др. Замена аффрикаты *ц* фонемой *ч* наблюдается не только в чувашском языке, но и в других тюркских языках, характерна она и для некоторых языков иных групп. Ср., например, коми *больница*

¹⁹ Л. П. Якубинский. История древнерусского языка, стр. 148.

²⁰ Грамматика русского языка, Т. I, стр. 53.

²¹ См. Н. И. Ашмарин, Словарь чувашского языка, Вып. XV, стр. 149.

«больница» и др.²² Замена фонемы *ц* фонемой *ч* в русских заимствованиях объясняется, видимо, тем, что они и в самом русском языке (в отдельных говорах) подвергаются замене друг другом. Анализируя особенности русского говора в Казанской губернии, Е. Будде замечает: «...в Казанской губернии должны быть местами и такие говоры, где слышна взаимная мена звуков *ц* и *ч*...»²³ На почве чувашского языка аффриката *ц* заменялась также фонемами *с* и *с'*: немец — *нимёс*, ситец — *ситсё* и др.

§ 3. Разница в произношении близких звуков и ее влияние на фонетическое оформление русских заимствований

К таким случаям мы относим произношение чувашской фонемы *с* и русского палатального согласного *с'*, чувашских полувзвонких и русских звонких согласных. Разница в произношении этих близких звуков в русском и чувашском языках оставила заметные следы в фонетическом облике русских заимствований.

Чувашский звук *с* и русский палатальный *с'* по артикуляции не полностью соответствуют друг другу. При произношении первого кончик языка находится на некотором расстоянии от верхних зубов, а средняя часть спинки языка приближается к передней части твердого неба, при произношении же русского палатального *с'* кончик языка, наоборот, приближается к верхним зубам. Разница в произношении этих фонем объясняется разным происхождением их: русское *с'* — результат смягчения твердого *с*, а чувашское *с* восходит к древней аффрикате *дзь* или *дзь*²⁴. В старозаимствованиях русский палатальный *с'* в силу отсутствия его в системе фонем чувашского языка всегда передавался звуком *с*: *сёме*, «семья», *Сёпёр* «Сибирь», *ситсё* «ситец», *мастёр* «мастер», *сенёк* «сени», *Стаппан* «Степан», *силам* «силом» и др.

Чувашские полувзвонкие согласные от русских звонких отличаются тем, что по звонкости они несколько ус-

²² См. «Вопросы терминологии», стр. 19.

²³ Е. Будде. Главнейшие черты народного русского говора в Казанской губернии, стр. 1.

²⁴ См. «Совр. чувашск. лит. язык», стр. 205.

тупают последним, «...так как произносятся с меньшим напряжением голосовых связок, чем русские, отчего и в акустическом значении они не дают полного голосового тона»²⁵. Поэтому их в лингвистике принято называть полувзвонками. По мнению В. Г. Егорова, звонкость чувашских согласных составляет примерно 70—80 процентов к звонкости русских, а в старое время (в 50—70-е гг. XIX в.) она была значительно ниже (25—30)²⁶. Это объясняется тем, что «...сужение голосовой щели при артикуляции чувашских полувзвонных согласных возникает с некоторым опозданием по отношению к артикуляции полости рта. Вследствие этого чувашские согласные имеют глухое начало и звонкий конец»²⁷. На почве чувашского языка русские звонкие согласные произносились точно так же, как и чувашские полувзвонные согласные, т. е. полувзвонко: степень их звонкости ослабевала. Например: леготь—тик^гет, забор—сап^бур, багор—пак^гур, книга—кёнек^ге, одеяло—ут^диял и т. д.

Наблюдения над разговорной речью, преимущественно людей старого поколения, показывает, что такое полувзвонное произношение русских звонких согласных имеет место даже в новозаимствованиях.

§ 4. Специфические закономерности в области чувашского вокализма и их роль в фонетическом оформлении старозаимствований

Довольно сильное влияние на фонетическое оформление ранних заимствований оказывало наличие специфических звуковых закономерностей, действующих в чувашском языке. Они наличествуют и в области вокализма, и в области консонантизма.

В области вокализма наиболее характерными и распространенными специфическими закономерностями являются: а) закон сингармонизма; б) утрата или исчезновение в определенном положении редуцированных

²⁵ См. Н. К. Дмитриев. Глухие согласные звуки в середине слова. В сб. «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков». Ч. 1, М., 1955, стр. 277.

²⁶ «Совр. чувашск. лит. язык», стр. 197.

²⁷ См. А. В. Кибякова. Сравнительный анализ фонетических звуков, стр. 142—143.

гласных; в) зияние гласных звуков; г) особенности ударения²⁸.

Характерной особенностью чувашского вокализма является так называемый закон сингармонизма, который присущ и другим тюркским языкам. Сущность его в том, что гласный звук начального или конечного слога занимает господствующее положение в слове: от него зависит характер других гласных, которые уподобляются ему по палатальности и непалатальности. В силу этого в каждом слове, как правило, бывают гласные только одной категории — или все переднего ряда (е, ё, и, ü), или же заднего ряда (а, ä, о, у, ы): *сирĕп* «прочный», *кĕрĕк* «шуба», *хĕрĕх* «сорок», *пысăк* «большой», *вăхăт* «время», *йĕри* «улица», *шурă* «белый», *хурă* «чёрный», *саккăр* «семь», *ăрăкăр* «хлеб» и др.

Закон сингармонизма играл, несомненно, значительную роль в фонетическом оформлении ранних заимствований. Если в русских словах были гласные и переднего, и заднего ряда, то на почве чувашского языка они оказались или все переднего, или все заднего ряда, в зависимости от того, какой гласный звук содержал первый слог.

Случай, когда гласный звук начального слога занимает господствующее положение в слове, можно назвать *прогрессивной ассимиляцией гласных*. Она в чувашском языке была более распространенной, чем регрессивная ассимиляция гласных, при которой господствующее положение в слове занимает гласный звук конечного слога. Поэтому и русские заимствования в большинстве своем оформлялись по закону прогрессивной ассимиляции. Приведем характерные примеры.

Русские заимствования, оформленные по закону прогрессивной ассимиляции: *авăн* «овин», *ёскĕрт* «скирда», *хресчен* «крестьянин», *витре* «ведро», *пĕрене* «бревно», *апат* «обед», *чиркĕ* «церковь», *раштан* «рождество», *Илле* «Илья», *Мĕкĕте* «Никита», *Микхвер* «Никифор», *чĕмере* «чемерица», *кĕресле* «кресло», *кăтра* «кудри», *мачча* «матица», *хаçат* «газета», *акăлчан* «англичанин», *семье* «семья», *маçтăр* «мастер», *хитре* «хитрый», *уçăм* «озимь», *кĕме* «клеимо», *прочан* «процент», *купса* «ку-

²⁸ Особенности чувашского ударения мы рассматриваем в связи с законами вокализма, ибо оно влияет на качество гласных.

пец», *хапрак* «фабрика», *лекёр* «лекарь», *Кётерне* «Екатерина», *пуший* «пуще» и др.

Займствованиа, оформленные по закону регрессивной ассимиляции: *санат* «сенат», *йанрал* «генерал», *елхерей* «архиерей», *Ийван* «Иван», *Якур* «Егор», *Кёстенкки* «Константин», *сала* «село», *ченнёк* «чайник», *чуста* «тесто», *пёремёк* «пряник», *Ентри* «Андрей», *Пеккём* «Яким», *Ерхип* «Архип» и др.

Словообразовательные и словоизменительные аффиксы, присоединяемые к русским заимствованиям, также подчиняются закону сингармонизма: *сьемьене* «с семьей», *сьемьерен* «от семьи»; *сенёкре* «в сенях», *сенёкрен* «из сеней»; *хитререх* «красивее», *хитрепе* «с красотой»; *апата* «на обед», *апатран* «с обеда»; *акълчана* «англичанину», *акълчанпа* «с англичанином» и т. п. Исключение составляют лишь некоторые аффиксы. Особенно характерен аффикс множественного числа, который в литературном языке и низовом диалекте употребляется лишь в форме *-сем*: *акълчансем* «англичане», *маччасем* «потолки» (от русск. *матица*) и т. п. А в верховом говоре и этот аффикс систематически подчиняется закону сингармонизма: *акълчансам*, *маччасам*, *купсасам* и т. д.

Среди русских заимствований дооктябрьской эпохи встречаются также слова, оформленные по закону неполного сингармонизма: *Элексантър* «Александр» (закону сингармонизма подчинена лишь первая половина слова *Элек* место «Алек»), *Эленпур* «Оренбург», *извусчак* «извозчик» (здесь по закону сингармонизма оформлена вторая половина слова *вусчак* вместо «возчик») и др.

Среди ранних заимствований встречается целый ряд слов, в которых на почве чувашского языка гласные одной категории заменены гласными другой. Это явление, на первый взгляд, не связано с законом сингармонизма, но лингвистический анализ фонетического облика подобных заимствований показывает, что замена гласных одной категории гласными другой тоже в какой-то мере зависела от закона сингармонизма. Кроме того, следует заметить, что в основе этих изменений лежат и особенности северновеликорусского наречия, откуда чувашки непосредственно заимствовали русские слова. Проиллюстрируем на примерах.

1. Гласные заднего ряда заменены гласными переднего ряда: *тикёт* «деготь», *пичке* «бочка», *тёрме* «тюрь-

ма», йётре «ядро», Петёр «Петр», Пёкёлме «Бугульма», Хёветле «Фекла», сётел «стол», лўшкё «выюшка», шёленке «шляпа», кёрне «крупа», черкке «чарка», чей «чай», шел «жаль», рет «ряд» и т. п. Подобных заимствований в чувашском языке встречается довольно много. На фонетическое оформление некоторых из них могли оказать влияние падежные формы русских слов. Можно полагать, но с некоторым сомнением, что слова *бочка*, *ядро*, *чарка*, *крупа* и др. заимствовались в форме *йётре*, *черкке*, *кёрне* потому, что они в русском языке в некоторых падежах принимают суффиксы в виде гласных переднего ряда. Например, слово *бочка* в дательном падеже принимает суффикс *-е* (*бочке*), а чуваши могли позаимствовать это слово в форме дательного падежа, подчинив его закону регрессивного сингармонизма: *бочке* — *пичке*. Следует заметить еще, что замене гласных заднего ряда гласными переднего могли способствовать палатальные согласные, содержащиеся в подобных словах. Например, в слове *тюрма* начальный согласный *т* палатальный, а так как в природных чувашских словах за начальным палатальным согласным не мог стоять гласный заднего ряда, то чуваши в этом слове гласный заднего ряда *у* заменили гласным переднего ряда *ё* (*тёрме*). Аналогичны с этим примером слова *Петёр* «Петр», *шёленке* «шляпа», *тикёт* «деготь», *лўшкё* «выюшка» и некоторые другие. На характер гласных в слове могли влиять также конечные палатализованные согласные, напр., *жаль* — *шел* и др.

2. Гласные переднего ряда заменены гласными заднего ряда: *перец* — *пёрэс*, *жесть* — *шавэс*, *шус* и т. п. Вероятно, слово *перец* в чувашский язык проникло еще тогда, когда русские произносили его в несколько иной форме, а именно *пѣперецѣ*. По закону прогрессивного сингармонизма на почве чувашского языка гласные последующих слогов уподобились гласному заднего ряда первого слога *ѣ*. Замена гласных переднего ряда гласными заднего ряда в слове *сармас* «черемис» объясняется, вероятно, наличием в нем конечного непалатального согласного *с*, который повлиял на характер гласных звуков в слове.

Некоторые русские слова, содержащие в себе неодинаковые гласные фонемы, на почве чувашского языка заменяли их одинаковыми гласными фонемами: *хомут* — *хэмт*, *разный* — *расна*, *лохань* — *лаххан*, *корабль* — *каран*.

солдат—*салтак*, паром—*парум* (низов.), подвал—*патвал*, тароватый—*тарават* и т. п.

Встречаются и такие русские слова с одинаковыми гласными, которые в чувашском языке оформлялись через неодинаковые гласные: подошва—*патушша* (низов.); калач—*колач* (верх.), *кулач* (низов.); качан—*кочан*, *кучан*; коробка—*кӑрапка*; городской—*кӑртавай*, баржа—*парӑш*.

Интересно заметить, что в слове *калач* на почве чувашского языка мы наблюдаем, наоборот, замену фонемы *а* фонемой *о*: *колач* (низ. *кулач*). Объясняется это тем, что слово «калач» в северновеликорусском наречии произносилось как *колач*²⁹, видимо, в той же форме оно проникло и в чувашский язык, а низовые чуваша ввиду отсутствия в фонетической системе низового диалекта звука *о* стали произносить это слово с фонемой *у* (*кулач*).

И, вообще, многие фонетические явления, связанные с заимствованными словами, как было замечено выше, трудно и даже невозможно объяснить, если не знать особенностей северновеликорусского наречия, из которого чуваша черпали русские слова. Например, чем объяснить появление в слове *витре* «ведро» вместо *е* фонемы *и*? Почему же это слово на почве чувашского языка не приняло форму *ветре*, ведь она не выходит за рамки фонетической системы чувашского языка? Видимо, это объясняется тем, что носители северновеликорусского наречия произносили это слово в форме *видро*, а на почве чувашского языка по закону прогрессивного сингармонизма фонема *о* конечного слога уподобилась по палатальности гласному переднего ряда *и*³⁰.

Другой характерной особенностью чувашского вокализма является неустойчивость, непостоянство редуцированных гласных *ӑ* и *ӕ* и утрата их в известных фонетических положениях. Они исчезают обычно в слабом, безударном положении. Например: *вырӑс эри* — *выр-*

²⁹ См. Л. А. Булаховский. Исторический комментарий к русскому литературному языку. Киев, 1958, стр. 105.

³⁰ Произношение носителями русских говоров Казанской губернии, в непосредственном соседстве с которыми жили чуваша, вместо предударного *е* фонемы *и* было закономерным явлением. Так, например, А. М. Селищев в работе «Русские говоры Казанского края и русский язык у чуваш и черемис» замечает: «Перед мягким согласным вместо предударного *е* произносится гласный *е*, или *е*, близкий к *и* (*е*), или совсем *и*: — у мин' а, пиддис'ат, приве'зли...» (стр. 48).

сарни, пурăнаç — *пурнаç*, шăнкăрчă — *шăнкăрч*, ака пу-
 сё — *акапуç*, тахлачă — *тахлач*, куç сулё — *куçсуль*, хёрё —
хёрне (вместо *хёрёне*), ял хуçалахё — *ял хуçалах* и т. п.
 Данная закономерность чувашского вокализма оказыва-
 ла заметное влияние на фонетический облик старозаим-
 стований: в них тоже безударные гласные в определен-
 ном положении систематически выпадали и большинство
 из них в словарный состав чувашского литературного
 языка вошло именно в этой форме, т. е. без редуцирован-
 ных гласных. В русских заимствованиях в основном вы-
 падали конечные безударные редуцированные гласные.
 Приведем примеры: школа (школь) — *шкул*; чернила
 (чернилъ) — *чернил*; свая (свайъ) — *сăвай*; одеяло (оде-
 жалъ) — *утял*; скирда (скирдъ) — *ёскёрт*; квартира (квар-
 тиръ) — *хваттер*; вобла (вобль) — *вупăл* (низ), *вопăл*
 (верх); контора (конторъ) — *кантур*; манера (манерь) —
манер; минута (минуть) — *минут*; Анастасия (Анаста-
 сиѣ) — *Настас*; проволока (провѣлькѣ) — *пралук*; Россия
 (Россиѣ) — *Рассей*; фабрика (фабрикѣ) — *хапрăк*; Мико-
 ла (Миколъ) — *Микул*; Анфиса (Анфисѣ) — *Анвис*; Але-
 ша (Алешѣ) — *Олеш* и др.

В некоторых чувашских словах вместе с редуцирован-
 ными гласными выпадали и согласные звуки, составляю-
 щие вместе с ними слог: карăнтăк — *кантăк*, утăлăх —
улăх, сёвёле — *сёле*. Такое выпадение целых слогов имело
 место и в ранних заимствованиях: заплатка (зап-
 латкѣ) — *саплăк*, Степанида (Степанидѣ) — *Сăпани*, Сви-
 яга (Свиягѣ) — *Сёве*, жалованье (жалѣвънѣ) — *шалу* и
 другие.

Но среди русских заимствований нередко встречаются
 и такие слова, в которых конечные редуцированные
 гласные сохраняются или заменяются ударными гласны-
 ми фонемами. Абсолютное большинство таких заимство-
 ваний составляют слова, в которых конечному редуциро-
 ванному гласному предшествует стечение согласных.
 Например: капуста — *купăста*, коробка — *курапка*, кор-
 зинка — *карçинкка*, кадка — *катка*, тесто — *чуста*, кресло —
кёресле, зыбка — *сăпка*, обдирка — *уптирккă*, роща³¹ —
раща, окошко — *укашка*, бочка — *пичке* и др. Это фонети-
 ческое явление объясняется тем, что конечные согласные
 в слове входят в один слог, а подобное стечение

³¹ Фонема *щ* слышится как стечение согласных *ш* и *ч*.

согласных не свойственно большинству природных чувашских слов, поэтому в тех русских заимствованиях, в которых конечной гласной фонеме предшествует стечение согласных, этот гласный звук, как правило, сохраняется с тем, чтобы согласные оказались в двух рядом находящихся слогах.

Но нередко встречаются и такие русские заимствования, в которых родовые окончания, в данном случае редуцированные гласные, сохраняются или заменяются нередуцированными гласными, хотя им предшествует не стечение согласных, а один согласный: корыто—*курите*, книга—*кёнеке*, Никита—*Мёкёте* и др.

Фонетическому строю чувашского языка чуждо стечение гласных звуков в слове, или, как принято называть в лингвистической науке, зияние гласных³², которое так или иначе устраняется. Например: ача+а<ача+и+а; хула+а<хула+и+а; ёне+е<ёне+и+е; ача+и<ачи; хула+и<хули; ёне+ех<ёнех; хёлле+ех<хёллех; ача+ +ам<ачам; ёне+ём<ёнем и т. д. Русские заимствования строго и систематически подчинялись и этой особенности чувашского вокализма: почти каждое русское слово, содержащее в себе стечение гласных звуков, на почве чувашского языка лишалось зияния гласных. Оно устранялось двумя путями: во-первых, вставкой согласных между гласными и, во-вторых, выпадением одного из них. Приведем несколько характерных примеров: Илларион—*Лариван*, Даниил—*Танила*, Леонтий—*Ляванти*, Родион—*Артиван*, переулоч—*пралук*, неужели—*нивушлэ* и т. п. Во всех этих русских заимствованиях зияние так или иначе устранялось. Например, в слове *переулоч* имеется стечение гласных *еу*, оно устраняется путем выпадения гласной фонемы *у* (*пралук*), а в слове *неужели*—вставкой между гласными *е* и *у* согласной фонемы *в*.

Среди старозаимствований есть лишь несколько слов, в которых зияние сохранилось. Так, в некоторых говорах верхового диалекта русское слово *переулоч* встречается в форме *приулкка*, в котором стечение гласных не устранено. Это объясняется, вероятно, тем, что верховые чувашки жили в непосредственном соседстве с русскими и

³² Об этом подробно сказано в книге В. Г. Егорова «Совр. чувашск. лит. язык», стр. 192—193.

потому влияние фонетических закономерностей русского языка на верховой диалект было сильнее, чем на низовой.

На фонетическом оформлении русских старозаимствований отражались также и особенности чувашского ударения.

В русском языке ударение разноместное, а в чувашском — фиксированное. Фиксированный характер чувашского ударения с достаточной ясностью проявляется в фонетическом оформлении ранних заимствований, в которых ударение перемещалось на последний слог в силу основного правила чувашского ударения. Особенно характерны в данном отношении собственные имена: Григорий—*Кёркурí*, Агафия—*Укаха́й*, Анна—*Анна́*, Никита—*Мёкёте́*, Лебнтий—*Лявантти́*, Марфа—*Мархва́*, Дмитрий—*Митри́*, Василий—*Васли́*, Авдотья—*Отатти́*, Фёдора—*Хёветура́* и т. д. Очень примечательны в этом отношении и некоторые личные имена, употребляющиеся в уменьшительно-ласкательном значении. В них тоже на почве чувашского языка ударение падало на конечный слог. Например: Ва́ся—*Ва́сса́*, Ко́ля—*Коля́*, Пе́тя—*Петта́*, Ми́ша—*Миши́а*, То́ля—*Толя́*, Ми́тя—*Миття́*, Ю́рка—*Юрка́* и т. д.

Довольно многочисленны подобные случаи и среди нарицательных имен: ро́ща—*ра́ща́*, охóта—*ухата́*, бо́чка—*пичкё́*, те́сто—*чуста́*, ко́рыто—*куритё́*, ко́рóbка—*кура́пка*, капу́ста—*купаста́*, гра́бли—*кёреплё́*, ко́шка—*куша́к*, крё́сло—*кёреслё́*, кудри—*ка́тра́*, хитрый—*хитре́*, гу́сли—*кёслё́*, губе́рния—*кёпёрнё́*, око́шка—*укашка́*, ча́рка—*черккё́*, ра́зный—*расна́*, ко́рóbка—*кура́пка*, шлё́па—*шёле́пкё́*, подо́шва—*патуши́а*, кнй́га—*кёнеке́* и т. д.

Русское ударение бывает и подвижное, и неподвижное: когда слово принимает падежные окончания, ударение или остается на прежнем месте, или же переходит на эти окончания. Например, *бо́чка*, *бо́чкой*, *бо́чке*, *бо́чки*, *бо́чками*, где ударение остается на своем месте; *тру́д*, *труда́*, *трудо́м*, *трудо́й*, *трудо́ми*, где ударение меняет свое место, перемещаясь на суффиксы. А чувашское ударение, в отличие от русского, в большинстве случаев последовательно переходит на аффиксы (и словоизменительные и словообразовательные). Например: *кё́решу́*, «борьба», *кё́решу́ре́* «в борьбе», *кё́решу́рен* «из борьбы». Эта особенность чувашского ударения сказывается и в

русских заимствованиях, когда они принимают чувашские аффиксы: *кёнеке* «книга», *кёнекерё* «в книге», *кёне-кесём* «книги», *кёнекесенчэ* «в книгах»³³.

§ 5. Специфические закономерности в области чувашского консонантизма и их влияние на фонетическое оформление старозаимствований

На фонетическое оформление ранних заимствований определенное влияние оказывали также и звуковые закономерности чувашского консонантизма, а именно:

а) зависимость глухого и звонкого произношения шумных согласных от фонетического положения их в слове;

б) ассимиляция и диссимиляция согласных;

в) отсутствие стечения двух или более согласных звуков;

г) непривычность твердого произношения согласных, смежных с гласными переднего ряда;

д) непривычность употребления звука *p* в абсолютном начале слов.

В природных словах чувашского языка звонкое или глухое произношение шумных согласных всецело зависит от их положения в слове. Здесь проявляются следующие фонетические закономерности чувашского консонантизма:

1. Шумные согласные произносятся глухо: а) в абсолютном начале слов (*пăчка* «пила», *пĕве* «пруд», *палăк* «памятник»); б) в абсолютном конце слов (*патак* «палка», *вăрат* «буди», *пиллĕк* «пять»); в) в середине слов перед согласными и после шумных согласных (*тăхта* «подожди», *ун патне* «к нему», *тапхăр* «период»; г) между сонорными и гласными и между гласными, если шумные согласные являются долгими (*паттăр* «герой», *çывăрма вырттар* «уложи спать»). Шумные согласные произносятся звонко: а) между гласными (*хăтăр* «спаси», *вăтăр* «тридцать», *мăкă* «тупой») и б) между сонорными и гласными (*таркăн* «беглец», *çыртăр* «пусть пишет»).

³³ Исключение составляют лишь аффиксы, содержащие в себе редуцированные гласные. Например: *кёнекесĕр* «без книги», *хваттерлĕ* «с квартирой» и др.

Русские слова, проникая в чувашский язык, строго и систематически подчинялись этим звуковым закономерностям чувашского консонантизма. Покажем это на примерах.

Глухое произношение шумных согласных в абсолютном начале слов: бочка—*пичке*, бревно—*пёрене*, драница—*тёренне*, грабли—*кёрепле*, деготь—*пикет*, жабьшица, жаркое—*шарку*, блин—*пёрле*, больница—*пурьница*, базар—*пасар*, жаль—*шөл*, губерния—*кёрёне*, бурмистр—*пурмис*, дьяк—*тиак*, забор—*сатур*, брус—*пирис*, жерло—*шерс*, сабля—*сёрка*, сусли—*кёсла*, багор—*пакур*, дом—*пур*, дача—*пача*, теснина—*тесеттин*, горбун—*курп*, забор—*сатур*, Гринберг—*Кёркури*, Гларина—*Кёрле*.

Глухое произношение шумных согласных в конце слов: аба—*апат*, зорь—*сурат*, раскв—*раскур*, проход—*пурдур*. Здесь мы имеем соответствие с русским произношением шумных согласных в абсолютном начале слов (аба—*аба*, зорь—*зурь*).

По поводу звукового произношения шумных согласных перед сонорными согласными проф. Н. П. Егоров пишет: «Почему озвончивают ассимиляторы только вопросы, почему не озвончиваются другие согласные перед сонорными. Вопрос этот до сих пор остается открытым. Нам кажется, что явление это возможно объяснить тем, что во-первых, в чувашском языке резко выражены регрессивная ассимиляция и регрессивная нейтрализация. Во-вторых, не озвончиваются в чувашском языке согласные перед сонорными, за исключением слов: манр—*ман*, мин—*мин*, ус—*ус*, тат—*тан*, сар—*сан*. Следовательно, ассимиляция и регрессивная нейтрализация чувашского языка не имеют никакого отношения к произношению шумных согласных. По этому следует добавить, что при произношении сонорных согласных голосовые звуки проявляются слабее, чем при произношении гласных фонем, поэтому они (сонорные согласные) озвончению шумных согласных соответствуют слабее, чем гласные фонемы, причем еще, как мы уже знаем, в чувашском языке случаи регрессивной ассимиляции встречаются очень редко. На фонетическое формирование русских ранних заимствований, главным образом, и эта особенность фонетической системы чувашского языка.

поднарьё—*путмар*, ведро—*витре*, кудри—*ка́тра*, раз-
ный—*а́расна*, родня—*ратне*, фабрика—*хапрăк*, Абрам—
Упрам и др.

Глухое произношение двух соседящих звонких со-
гласных на почве чувашского языка: разбой—*распуб*,
нужда—*нушта*, обжора—*упшур*, гораздо—*карастă*, рож-
дество—*раштав* и др. Это объясняется следующим об-
стоятельством: в природных словах чувашского языка
шумные согласные в середине слова перед всеми соглас-
ными и после шумных согласных произносятся всегда
глухо. В приведенных здесь примерах каждый из этих
согласных находится именно в таком фонетическом по-
ложении. В слове *обжора*, например, звук *б* предшест-
вует шумному согласному *ж*, а звук *ж* следует за шум-
ным согласным *б*, потому они и произносятся глухо.

В природных чувашских словах шумные согласные,
за исключением долгих, между гласными фонемами про-
износятся всегда полувонко. Объясняется это тем, что
вибрация голосовых связок, необходимая для произно-
шения гласных, частично сохраняется и при произноше-
нии последующих шумных согласных. Например: *упă* «ме-
дведь», *хутă* «положить», *тутă* «вкус», *утă* «се-
но», *усă* «польза», *акă* «пашня», *пăтă* «каша» и т. п.
Во всех этих словах согласные, находящиеся в интерво-
кальном положении, произносятся полувонко. И в рус-
ских старозаимствованиях на почве чувашского языка в
положении между гласными глухие согласные превра-
щались в полувонкие. Вот несколько характерных при-
меров: Алатырь—*Улатăр*, охота—*ухутă*, Апуста—*ку-
пăста*, корыто—*куритă*, косарь—*кисăр*, Екатерина—
Кётăерне, кисель—*кёсăел*, Николай—*Микăлай* и др.

Как отмечалось выше, в чувашских словах шумные со-
гласные перед сонорными произносятся всегда глухо.
В положении же между сонорными и гласными они, как
мы увидим дальше, слышатся полувонко. Происходит
это потому, что в чувашском языке прогрессивная ас-
симилиация намного преобладает над регрессивной: ви-
брация голосовых связок, необходимая для произношения
сонорных согласных, частично сохраняясь, участ-
вует и в произношении следующих за ними, т. е. сонор-
ными, шумных согласных, которые ввиду этого произно-
сятся полувонко. Этой особенности чувашского консо-
нантизма подчинялись и русские ранние заимствования.

Можно привести такие примеры: Артем—*Урт^дем*, Орт^дям; контора—*кант^дур*, вершок—*верш^жук*, скляница—*кёленче* (и слышится звонко) и др.

В чувашском языке широко распространена ассимиляция звуков, заключающаяся в уподоблении одного звука в слове другому. Причиной этому служит то, что в чувашском языке артикуляционный уклад органов речи для произнесения какого-либо звука часто сохраняется и при произнесении другого звука. Поэтому некоторые русские заимствования в чувашском языке подверглись фонетическим изменениям, зависящим от ассимиляции звуков. Ассимиляция бывает прогрессивная, когда тот или иной звук уподобляется предшествующему ему звуку, и регрессивная, когда господствующее положение в слове в отношении уподобления занимает не начальный, а последующий за ним звук. Русские заимствования в чувашском языке приспособляются к закону и прогрессивной, и регрессивной ассимиляции: кувшин—*какш^м*, шестерня—*шёштёрне*, сушило—*шушил*, зазор—*шашур*, сердечник—*шертешнёк*, сейчас—*чиччас*, сажень—*шашан*, сушки—*шушк^а*, калитка—*калинкке*, лучше—*лучч^а* и др. В связи с распространенностью явлений ассимиляции и их большой ролью в фонетическом оформлении старозаимствований нам хотелось бы обратить внимание и на такой момент: в некоторых русских заимствованиях неодинаковые по участию органов речи звуки уподобляются друг другу не полностью, а лишь частично, в результате появляется звук, одинаковый с другим по способу образования. Поясним это на следующих примерах: пряник—*пёремёк*; блин—*пёлём*, поднарьё—*путмар*. Губно-губной согласный *п* занял господствующее положение в процессе уподобления, в результате чего вместо зубного согласного *н* появился губной *м*. Явление это можно назвать *неполной ассимиляцией*.

Диссимиляция согласных в чувашском языке не получила такого широкого распространения, как ассимиляция; видимо, поэтому единичны и русские заимствования, оформленные по этому закону. Например: скрипка—*ёштёрпк^а*, именинник—*менелник*, солдат—*салтак*, ярмарка—*ярм^анкк^а*, тесто—*чуста* и некоторые другие.

В природных чувашских словах стечение двух или более согласных в одном слого встречается довольно редко, что объясняется трудностью произношения двух или бо-

лее рядом стоящих согласных фонем, составляющих с гласной фонемой один слог. Чувашская речь характеризуется плавностью, мелодичностью, музыкальностью. Это создается отчасти тем, что здесь гласные и согласные следуют друг за другом в строгой последовательности³⁵. Данной специфической закономерности чувашской фонетической системы строго, систематически подчинялись и русские заимствования, в которых на почве чувашского языка стечения согласных так или иначе устранялись. Это осуществлялось тремя путями:

а) вставкой между согласными гласной фонемы. Например, в слове *крупа* после произношения согласного *к* язык как бы не успевает принимать форму, необходимую для артикуляции следующего согласного *р*, и для облегчения произношения вставляется гласная фонема *ё*: *кёрпе*. Аналогичные примеры в чувашском языке многочисленны: *клеть—кёлет*, *грабли—кёрепле*, *кресло—кёресле*, *крендель—кёлендёр*, *Москва—Мускав*, *книга—кёнеке*, *груздь—караёс*, *стол—сётел*, *бревно—пёрене*, *пряник—пёремёк*, *смола—самала*, *шляпа—шёлепке*, *Григорий—Кёркури*, *Александр—Элексантёр* и т. п.;

б) путем опущения одного из согласных: *уезд—уйес*, *Оренбург—Эленпур*, *известь—извес*, *Дмитрий—Мётри*, *остров—утрав*, *арестант—аристан*, *корабль—карап*, *смотри—мотри*, *груздь—караёс*, *бурмистр—пурмис*, *крест—хёрес*, *жесть—шус*, *поезд—пуйас*, *шестерня—шётёрне*, *скляница—кёленче*.

К этой же группе заимствований можно отнести русские слова, содержащие в себе аффрикату *ш*, которая на почве чувашского языка нередко заменялась фонемой *ш*: *ямщик—ямшйк*, *роща—рошша* (верх.) и др. Чувашки воспринимали этот звук как стечение согласных *ш* и *ч*, поэтому в целях облегчения произношения один из них (ч) устранялся;

в) вставкой гласных звуков перед согласными в начале слова или после них в конце слова: *шкап—айшкан*, *старик—астарик*, *стакан—астакан*, *уезд—уестай*, *станок—астанок*, *Степан—Астаппан*, *счет—асчут*, *школа—айшкул*, *штраф—айштрав*, *скирда—ёскёрт*, *винт—винттй*. Раньше

³⁵ Вероятно, эти качества чувашской речи объясняются, кроме того, особенностями чувашского ударения, которое стремится на конечный слог в слове, способностью гласных переднего ряда палатализировать и предыдущие, и последующие согласные звуки и т. д.

для чувашей представляло трудность произношение лишь такого стечения согласных, которые входили в один слог: *ста-кан, ста-нок, у-езд, Сте-пан*. Когда же перед ними или после них вставлялись гласные звуки, то эти согласные оказывались в двух рядом стоящих слогах: *а́с-та-рик* «старик», *А́с-та-ппан* «Степан», *а́с-таккан* «стакан», *а́ш-каль-ккӑ* «шкалик» и др. А произношение стечения согласных, входящих в два разных слога, не представляет для чувашей трудности, ср., напр., *утпа—ут-па* «с лошадью», *сётсёр—сёт-сёр* «без молока», *акса—ак-са* «сеяв», *вулатпӑр—ву-лат-пӑр* «читаем» и т. д. В таких словах, как *учитель, заседатель, свидетель* и др., суффикс *-тель* произносится как стечение согласных ввиду слабого и почти незаметного произношения гласного *е*, и чувашки устраняли это кажущееся стечение согласных путем вставки после них гласных фонем: *учитель—учит-лӗ, заседатель—сатат-лӑ, свиде-тель—свитет-лӗ* и т. д.

В русском языке гласные переднего ряда смягчают лишь предыдущие согласные, а звуки, следующие за ними, как правило, не палатализуют (*т'ип, п'ир, м'ир, б'ез, к'ит*). В чувашском же языке гласные переднего ряда смягчают и предыдущие, и последующие согласные звуки. Например: *п'ир* «ткань», *сёр* «земля», *х'ёр* «девушка», *сир'ён* «прочный», *к'ёр'ёк* «шуба» и т. д. Анализ фонетического облика старозаимствований показывает, что эта звуковая закономерность в них также строго соблюдалась. В таких русских словах, как *менелник* «именинник», *манер* «манера», *хваттер* «квартира», *хресчен* «крестьянин», *пёремёк* «пряник» и др., конечный согласный, следующий за гласным переднего ряда, палатализуется. Это особенно ясно чувствуется, когда подобные заимствования принимают словоизменительные и словообразовательные аффиксы: *ман'ер—ман'ер'сёр, ман'ер'лӗ; хват'тер—хват'тер'сёр, хват'тер'лӗ, хват'тер'пӗ; х'ресчен—х'ресчен'пӗ, х'ресчен'сем; п'ёр'ем'ёк—п'ёр'ем'ёк'е, п'ёр'ем'ёк'сем*. Как видим, во всех случаях употребляется мягкий вариант аффикса. Если бы в подобных словах конечный согласный звук был непалатальным, то и аффиксы употреблялись бы в твердом варианте.

Раньше употребление звука *р* в абсолютном начале природных чувашских слов было невозможно, ввиду чего почти каждое русское заимствование с начальным *р*

оформлялось так, чтобы эта фонема не оказалась в абсолютном начале слова³⁶. Как правило, перед *р* вставлялся гласный звук — протеза: разный—*а́расна*, радовать—*а́раталан*, *а́ратӑ*, Родион—*А́ртиван*, ряд—*а́рет*, рядом—*а́ретӗм*, рожь—*ыраш*, роща—*а́раща*, ртуть—*а́ртут*. А в некоторых заимствованиях фонема *р* опускалась: револьвер—*вольвӗр*, льаворвӑр и др. Иногда перед начальным *р* появлялся целый слог: рус—*вырӑс*.

§ 6. Некоторые случаи закономерной замены согласных звуков

В области консонантизма ранние русские заимствования подверглись и некоторым другим изменениям, обусловленным специфическими особенностями фонетической системы чувашского языка, а также местных русских говоров. Нередко согласные, содержащиеся в русских словах, на почве чувашского языка заменялись другими согласными. Рассмотрим некоторые случаи такой замены:

тлч: тесто—*чуста*, крестьянин—*хресчен*, тес—*чус*, батюшка—*пачӑшка*, копить—*капчит ту*, картина—*карчин*, картинка—*карчинка*³⁷, кататься—*катаччи*, матица—*мачча*, зонтик—*сунчӑк*, *сончӑк* и т. д. Следует заметить, что во всех этих заимствованиях на почве чувашского языка с фонемой *ч* чередуется лишь палатальный *т* (*т'*). Русские заимствования, в которых бы непалатальный *т* заменялся звуком *ч*, нами в чувашском языке не обнаружены. Как правило, твердый *т* в русских словах на почве чувашского языка замене фонемой *ч* не подвергается. Видимо, потому, что и в природных словах чуваш-

³⁶ Интересно заметить, что употребление фонемы *р* в абсолютном начале слова было непривычно и для других тюркских языков. Так, например, исследователь киргизского языка Г. И. Хорольц пишет: «Киргизскому языку в его «природных» словах до Октябрьской революции было несвойственно употребление в начале слов согласного «р», поэтому при заимствовании русских слов, начинающихся с «р», во избежание необычных для киргизского языка звуко сочетаний, начальный слог слова протезировался соответствующим гласным «у» и «ы», иногда «о»...» (См. его кандидатскую диссертацию «Фонетическое освоение русской лексики в киргизском языке», стр. 65).

³⁷ См. Н. И. Ашмарин. Словарь чувашского языка. Вып. VI, стр. 120.

ского языка палатальный *т* в определенных фонетических положениях нередко чередуется с фонемой *ч*. Например: турат—*турат'ё* < *турачё*; пёлёт—*пёлёт'ё* < *пёлёчё*; сурт—*сурт'ё* < *сурчё* и т. д. В основе такого чередования лежит то, что палатальный *т* и фонема *ч* по способу образования немного сходны друг с другом. Можно полагать, что это обстоятельство повлияло и на замену в некоторых русских заимствованных словах палатального звука *т* фонемой *ч*.

г, к||х: крестьянин—*хресчен*, крест—*хёрес*, крестный—*хресна*, квартира—*хваттер*, чулки—*чълха*, газета—*хаçат*, нагайка—*нухайккă*, доктор—*тухтър*, кондуктор (лесной) — *кантохтър*³⁸, рычаг—*ричак*, трактир—*трахтир* и другие. Объяснить замену согласных *г* и *к* фонемой *х* в подобных русских заимствованиях особенностями фонетической системы чувашского языка не представляется возможным, так как в природных чувашских словах чередование полувзвонного *к* и глухого *к* со звуком *х* не наблюдается. Можно допустить лишь, что в самих русских говорах, откуда чуваша черпали русские слова, вместо звуков *г* и *к* в определенных положениях произносился согласный, близкий к фонеме *х*, или совсем *х*. Так, например, проф. Е. Будде, изучая особенности русских говоров Казанского края, замечает следующее: «Звук *к* перед *т* переходит в *х*; по сибирскому *трахту*, и перед *р* в слове: *хрестянин*...»³⁹. Можно полагать, что в русских говорах звук *к* переходил в *х* и в некоторых других фонетических положениях.

с'||ч: Герасим—*Каранам*, присяга—*причак*, гостинец—*кучченес*, ситный—*читнай* и некоторые другие. Русских заимствований, в которых *с'* заменена фонемой *ч*, нами обнаружено мало. Объяснить причину такой замены особенностями фонетической системы чувашского языка также не представляется возможным, так как произношение звука *с'* в подобных фонетических положениях не противоречит звуковым закономерностям чувашского языка. В подобных словах звук *с'* не переходил в *ч* и в самих русских говорах. Видимо, такая замена на почве

³⁸ См.: Н. И. Ашмарин. Словарь чувашского языка. Вып. VI, стр. 60.

³⁹ Е. Будде. Главнейшие черты народного русского говора в Казанской губернии. Варшава, 1894, стр. 20.

чувацкого языка зависела от других, еще не известных нам, звуковых закономерностей.

с, сч, чш: счет—шут, почта—пуштă, сердечник—шертешинок, расчет—рошиот, Арсений—Ершен, приказчик (прикащик)—прикашчак и т. д. Здесь, видимо, могли сказываться и особенности местных русских говоров. Анализируя специфические особенности русских говоров Казанского края, Е. Будде замечает следующее: «В некоторых местностях замечается очень шепелявый говор: вместо всякого *с* произносится *ш*, вместо *з*—*ж*: у нас, пишал, мяшо, вжал и т. п.»⁴⁰ На это обращает внимание и А. М. Селищев, который пишет, что «...степень шепелявения не у всех говорящих одинакова: у одних шепелявение сильно выражено, у других слабо или почти совсем незаметно: в Шибире—в Сибири, проситил, ш-ним... шепелявы *с*, *з*... находятся и в других говорах Казанского края»⁴¹. Вполне возможно, что на подобное фонетическое оформление вышеприведенных примеров могли повлиять и особенности местных русских говоров.

ншм: Николай—Микулай, Никита—Мёкёте, Никифор—Микихвер, кувшин—кăкшăм, дюжина—тўшем и др. На первый взгляд кажется странной замена *н* фонемой *м* в приведенных здесь русских заимствованиях. Не объясняется она и особенностями чувашской фонетики, так как в чувашском языке произношение звука *н* в подобных фонетических положениях в слове вполне привычно (ср. *ни-мёр, кин, тин, тинке, тенкё* и т. д.). Причина этого явления, видимо, кроется в фонетических особенностях местных русских говоров. Так, например, проф. Е. Будде обратил внимание на следующее: «Звук носовой *н*... в иных словах перед неударяемым гласным переходит в звук *м*: *мырять* в.м. *нырять*: *мырять* в воде таракан... *Микольский* в.м. *Никольский*...»⁴². Вышеприведенные русские слова чувашами заимствованы в той фонетической форме, в какой они употреблялись носителями местных русских говоров.

⁴⁰ Е. Будде. Главнейшие черты народного русского говора в Казанской губернии, стр. 23.

⁴¹ «Русск. говоры Казанск. края», стр. 52.

⁴² Е. Будде. Главнейшие черты народного русского говора в Казанской губернии, стр. 25.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

ФОНЕТИЧЕСКОЕ ОФОРМЛЕНИЕ НОВОЗАИМСТВОВАНИЙ

§ 7. Фонетическое оформление русских и интернациональных слов в 20-х и 30-х годах XX века

Выше мы рассмотрели фонетическое оформление русских заимствований, проникших в чувашский язык в дооктябрьскую эпоху.

Русские слова продолжают заимствоваться в чувашский язык с подчинением его фонетическим закономерностям и в 20—30-х годах нашего века. Проф. А. М. Селищев писал: «Встречаются среди чуваш лица, мужчины и женщины (девушки), хорошо владеющие русским языком, усвоенным через школу. Поступая в школу без всякого знания русского языка, мальчики и девочки за время обучения в ней (4 года) хорошо овладевают русским языком. Только на фонетике отражаются в большей или меньшей степени некоторые черты чувашского языка (курсив наш.—А. Г.)»⁴³. Как было указано выше, в этот период книжное заимствование не успело занять преобладающее место. Поэтому русские и интернациональные слова в чувашский язык большей частью проникали устным путем, подчиняясь фонетическим закономерностям последнего. Следует полагать, что некоторую роль в этом сыграло и орфографирование заимствованных русских и интернациональных слов системой, довольно отличной от русской орфографии. В 20-е и 30-е годы русизмы и интернационализмы в отношении орфографирования подвергались значительным изменениям. Проиллюстрируем это примерами, взятыми из чувашских газет и журналов того периода.

Хронт хысёнчи халăх! Пурте хёрлĕ хронта пулăшар!
(«Канаш», 1920, январь) «Население тыла! Все поможем красному фронту!» *Оплăсри Р. К. П. 5-мĕш конхверентси Р. К. Парттин XI пухува каякан телеката хушса яни* («Канаш», 1921, март) «Наказ 5-й областной конференции Р. К. П. делегату XI съезда Р. К. Партии».

Итали рапочийĕсен еккономĕкпе политтĕк кĕрешĕвĕ

⁴³ «Русск. говоры Казанск. края», стр. 42—43.

вйлансах пырать («Канаш», 1930, январь) «Экономическая и политическая борьба итальянских рабочих все более усиливается». ...кулакля элементсене, тёрлёрен оппортунистсене... польшевикла отпор памалла («Канаш», 1933, январь) «...надо дать большевистский отпор кулацким элементам, разным оппортунистам...»

Как видно из приведенных примеров, такая практика орфографирования русских и интернациональных заимствований продолжалась вплоть до 1933 года. Подобным орфографированием работники печати хотели очувашить русизмы и интернационализмы. По-видимому, такое орфографирование отчасти повлияло и на разговорный язык чувашей: заимствованные слова, например, *автономи*, *фронт* и др., и в устной речи чувашей произносились несколько иначе, чем в оригинале (*ахтаноми*, *хронт*). В речи людей старого поколения некоторые слова, заимствованные в 20-е и 30-е годы, в большинстве своем и теперь произносятся почти в той же фонетической форме, в какой они употреблялись в тот период.

Но несмотря на то, что русские и интернациональные заимствования в 20-е и 30-е годы претерпевали заметные фонетические изменения, есть некоторая разница между ними и дореволюционными заимствованиями. Она выражается в том, что первые по своему фонетическому оформлению заметно приблизились к облику русских слов. Преобладающее большинство из них подчинялось далеко не всем произносительным нормам чувашского языка. Так, например, участились случаи нарушения сингармонизма (*револютси*, *ахтаноми*, *рес-пуплёк*, *рапоччи* и др.), также не соблюдались особенности чувашского ударения (*тирёктёр*, *конхверёнси*, *ахтанóми*, *пролеттáри*), в литературном языке, подчас и в низовом говоре, фонема *о* в большинстве русских и интернациональных заимствований другими фонемами не заменялась (*крушок*, *рапоччи*, *лосунк*, *пионер*), нередко сохранялось зияние гласных (*пиплиоттек*, *кеометри*, *пролеттариат* и т. д.). Следует заметить, что в фонетическом оформлении русских заимствований нарушения некоторых произносительных норм чувашского языка имели место и раньше. На страницах первой чувашской газеты «Хыпар» («Вести») подобные заимствования, хотя и изредка, но встречаются. Все же нарушения фонетических закономерностей чувашского языка в заимствованиях 20-х

и 30-х годов чувствуются сильнее, чем в дооктябрьскую эпоху. Ввиду этого обстоятельства фонетическое оформление русских и интернациональных слов, заимствованных в чувашский язык в 20-х и 30-х годах, мы рассматриваем отдельно от старых заимствований.

Каким же изменениям подверглись заимствования в этот период?

На фонетическое оформление русских и интернациональных заимствований этого периода продолжали оказывать некоторое влияние специфические звуковые закономерности чувашского языка. Например, отсутствие в чувашских словах стечения двух или более согласных в слоге вызывало устранение его в некоторых русских и интернациональных заимствованиях. Нередко стечение согласных устранялось путем вставки между согласными гласной фонемы: *коммунисăм* «коммунизм», *соцѣалисăм* «социализм», *капиталисăм* «капитализм», *маркѣсисăм* «марксизм», *ленинисăм* «ленинизм», *импѣриалисăм* «империализм», *пѣрѣсѣтаттѣл* «председатель» и др.

В некоторых русских и интернациональных словах стечение согласных в абсолютном конце слов устранялось путем присоединения к нему звука *ă*, в результате согласные, входящие в один слог, оказывались в двух рядом стоящих слогах: *финанс* — *хвинансă* (*хви-нан-сă*), *рельс* — *рельсă* (*рель-сă*), *манифест* — *манихвестă* (*маних-вестă*) и др. Примеры: *Карăл Марккăс чаплă манихвестă сьрнă* («Канаш», 1919, январь) «Карл Маркс написал замечательный манифест». *Учиттѣле тухма вѣрентекен курсăсемпе институтсем...* («Канаш», 1920, март) «Курсы и институты, выпускающие учителей...». *Хвинансă пирки темшѣн пѣр сăмах та каламарѣс* («Канаш», 1929, январь) «Почему-то о финансах ничего не сказali». *Кашни статйа хысăн словарь пурри ачасене те тата самрăк учитлѣсене те статйана тѣрес куçарма пулăшать* («Канаш», 1933, январь) «То, что после каждой статьи дается словарь, помогает правильно переводить ее и учащимся, и молодым учителям».

В словах с суффиксом *-ец* (*ленинец*, *червонец*, *голландец*, *американец*, *партиец* и др.) ввиду редуцированного произношения гласной фонемы *е* данного суффикса звуко сочетания *дец*, *нец* и др. выступают как стечения согласных. Чтобы устранить это кажущееся стечение согласных в абсолютном конце слов, чуваши

произносили их несколько иначе: *ленинтсă* «ленинец», *червонтсă* «червонец», *повстантсă* «повстанец», *коллантсă* «голландец», *американтсă* «американец», *партийтсă* «партиец» и т. п.

В 20-х и 30-х годах заметно проявлялась тенденция сокращать многосложные слова. В словах с суффиксом *-ство* (*электричество*, *общество* и др.) конечные слоги нередко опускались: *електритсă*, *опчă* и др. Это объясняется, во-первых, многосложностью подобных слов⁷⁴, во-вторых, трудностью произношения суффикса *-ство* ввиду наличия в нем стечения трех согласных. Например: «*Електритсă машинисем тăвакан савăт пёчĕк машинсем тума пуçларĕ*» («Канаш», 1924, январь) «Завод электрических машин стал выпускать маленькие машины».

В некоторых заимствованиях выпадали конечные редуцированные гласные: *коммун* «коммуна», *телеграм* «телеграмма», *сатач* «задача», *машин* «машина», *трахом* «трахома» и т. д.

Как было замечено выше, в чувашском языке гласные переднего ряда палатализуют не только предшествующие, как в русском языке, но и последующие согласные фонемы. Русские и интернациональные заимствования анализируемого нами периода в литературном языке и низовом говоре нередко подчинялись и этой фонетической закономерности чувашского языка. В таких словах, как *командир*, *большевик*, *летчик*, *декрет* и т. п., конечные твердые согласные на почве чувашского языка палатализировались и принимали мягкие варианты словообразовательных и словоизменительных аффиксов: *командир'е* «командиру», *командир'не* «с командиром», *большевик'е* «большевику», *большевик'рен* «от большевика» и т. д.

Нельзя не заметить и того, что на фонетическое оформление русских и интернациональных слов, заимст-

⁷⁴ По этому поводу доктор филологических наук С. П. Горский замечает следующее: «...в чувашском языке односложные и 2-сложные слова значительно преобладают над трех- и четырехсложными. Вследствие этого (в русских заимствованиях.— А. Г.) менее привычное заменяется более привычным, т. е. четырехсложное заимствованное слово сокращается до трехсложного, а трехсложное — до двухсложного» (см. его книгу «Очерки по истории чувашского литературного языка». Чебоксары, 1959, стр. 107).

вованных в чувашский язык в 20-е и 30-е годы, накладывал определенный отпечаток и разный состав фонем русского и чувашского языков, который сыграл большую роль в оформлении ранних заимствований. Ввиду отсутствия в фонетической системе чувашского языка некоторых звуков, например *ф* и *ц*, чуваша в данный период нередко заменяли их в русских заимствованиях привычными фонемами: *ахтаном* «автономия», *тѣлихвун* «телефон», *кеокрахви* «география», *хермӓ* «ферма», *хвинансӓ* «финанс», *хашшисӓм* «фашизм», *прохсойус* «профсоюз», *хлот* «флот», *рапхак* «рабфак», *тистиплинӓ* «дисциплина», *консесси* «концессия», *орканисатси* «организация», *милитсионер* «милиционер», *секси* «секция» и т. п.

Следует обратить внимание и на то, что в русских и интернациональных заимствованиях 20-х и 30-х годов начальные звонкие согласные на почве чувашского языка, как правило, оглушались, чему способствовало и орфографирование подобных слов. В этом сказывалась одна из наиболее характерных особенностей чувашского консонантизма — непривычность звонкого произношения шумных согласных в абсолютном начале слова. Вот несколько примеров из чувашских газет и журналов: Ёслекенсем хушшинче тимӓр пек тӓрекӓ тистиплинӓ пултӓр (журнал «Шурӓм-пус», 1920, № 3, стр. 10) «Пусть среди крестьян будет железная дисциплина». Прокопьев Чӓмпӓрти Чӓваш семинарийӓ сӓнчен токлат турӓ («Канаш», 1920, февраль) «Прокопьев сделал доклад о Чувашской Симбирской семинарии». Пуришуйсен сучӓсем вырӓнне Канаш ирӓкӓ (Советская власть — А. Г.) халах сучӓ, революционнӓй трибунал пачӓ... («Ёслекенсен сасси», 1922, № 4, стр. 8) «Советская власть вместо буржуйских судов создала народный суд, революционнӓй трибунал». Прикатирсем пурте парти шкулӓнче вӓренесӓ («Канаш», 1933, январь) «Бригадиры все учатся в партийной школе».

В русских и интернациональных заимствованиях того периода звонкие согласные в интервокальном положении, также и между сонорными гласными, на почве чувашского языка произносились полувонко, что отражалось и в орфографировании подобных заимствований: *октябрь* «октябрь», *орканисатси* «организация», *мусӓк* «музыка», *интеллигентсӓ* «интеллигенция», *опицешит-*

ти «общежитие», *потрепиттёл* «потребитель», *ратио*, *рати* «радио», *накрата* «награда», *макашан* «магазин», *олимпиада* «олимпиада», *рекоментатси* «рекомендация», *ка́нтитат* «кандидат», *ка́лентар* «календарь», *приса́в* «призыв», *акитатси* «агитация», *крашта́нсем* «граждане», *тешурствá* «дежурство», *орка́н* «орган», *тока́ва́р* «договор», *мопилисатси* «мобилизация», *лыкотта́* «льгота», *супотнёк* «субботник» и т. д.

Здесь мы рассмотрели лишь отдельные стороны фонетического оформления русских и интернациональных слов, проинкивших в чувашский язык в первые десятилетия Советской власти. Заимствованная лексика подверглась и некоторым другим фонетическим особенностям чувашского языка.

Следовательно, в 20-е и 30-е годы русские и интернациональные заимствования в значительной степени подчинялись произносительным нормам чувашского языка, что подтверждается наблюдениями над устной речью людей старшего поколения и отчасти изучением языка чувашских газет и журналов того периода.

Разговорная речь старшего поколения менее подвергается влиянию норм литературного языка, чем речь молодого поколения. Это легко объяснить. Молодежь, благодаря обучению в школе, регулярному чтению газет и журналов, художественной литературы, участию в кружках художественной самодеятельности, повседневному общению с сельской интеллигенцией, к нормам литературного языка приобщается быстрее, чем люди старшего поколения. В силу этих обстоятельств старые произносительные нормы у старшего поколения сохраняются дольше и больше, чем у молодого поколения. Наблюдения над разговорной речью старшего поколения показывают, что в ней русские слова, заимствованные в первые десятилетия после революции и подвергнувшиеся некоторому влиянию произносительных норм чувашей, и по сей день бытуют в той же фонетической форме. Нами записан целый ряд бесед с людьми старшего поколения. Приведем некоторые характерные примеры: Пётёр колхоз яла *электритсá* кёртрё те, халё кашпа орайёичи сýп те корнать... (записано у семидесятилетнего старика Е. Охлянова из дер. Вускасы Чебоксарского района). Ёнер холара ул (ывáл.—А. Г.) патёнче ханара полта́м, вáл *телехвон* йосанá сёрте ёслет (из речи пятидесятилетнего

С. Дмитриева из дер. Вускасы Чебоксарского района). Сул сине тухсан, *ахтамаплсемпе ахтапуссенчен пӑрӑнсах ывӑнса ситмелле* (записано у шестидесятилетней А. Уштровой из с. Кукшумы Вурнарского района). Колхоз *пӗрсетаттӗлне* кӑсал Морева сойларӑмӑр-ха (записано у шестидесятитрехлетнего В. Волкова из дер. Вускасы Чебоксарского района). Витьонккасем патне темле *интеликентсӑ* килчӗ (записано у шестидесятилетнего М. Оленова из деревни Вускасы Чебоксарского района).

§ 8. Фонетическое оформление русских и интернациональных слов начиная с конца 30-х годов XX века

С конца 30-х годов нашего столетия начинается интенсивное заимствование русских и интернациональных слов без особых фонетических изменений. Это объясняется следующими обстоятельствами: во-первых, по мере усиления издания литературы на чувашском языке, в особенности переводной, русские и интернациональные слова все в большей и большей мере начинают заимствоваться через печать; во-вторых, ввиду того, что в 1929 году Чувашская республика вошла в Нижегородский край, общение чувашского населения с русскими к данному времени заметно усиливается. Необходимо внести ясность в вопрос о фонетическом оформлении иноязычных слов, проникающих устным путем, т. е. через прямое общение с носителями того языка, из которого они заимствуются. Важно учесть интенсивность этого общения, так как характер фонетического оформления заимствований во многом зависит именно от нее. При тесном и систематическом общении заимствуемые слова по своему фонетическому облику намного приближаются к оригиналу. В дооктябрьскую эпоху общение чувашей с русскими не было систематическим и в достаточной мере тесным, поэтому, как мы видели выше, русская лексика максимально подчинялась фонетическим особенностям чувашского языка. Так как с 30-х годов это общение все более и более усиливается, то и русские заимствования на почве чувашского языка по своему фонетическому облику постоянно приближаются к оригиналу. Следовательно, начиная с конца 30-х годов на фонетическое оформление русских и интернациональных слов стали оказывать влияние два больших фактора:

во-первых, заимствование через печать и, во-вторых, тесное общение чувашей с русскими.

В тридцатых годах в Чувашии, как и во всех других национальных республиках и областях, широким фронтом осуществляется культурная революция. Это проявилось в ликвидации неграмотности широких масс населения, унаследованной от старого общества, в переходе на всеобщее начальное обучение, подготовке народной интеллигенции и т. п. Язык является одной из форм национальной культуры. Хотя законы развития языков нельзя отождествлять с закономерностями развития культуры, однако культурная революция оказывала довольно заметное влияние на развитие чувашского языка. Начинается массовое заимствование русских и интернациональных слов, выражающих предметы и понятия социалистической действительности. Если раньше русские заимствования писались несколько иначе, чем в русском языке, то в тридцатых годах орфографирование русских и интернациональных новозаимствований изменяется в сторону приближения к русской графике и орфографии. Под влиянием изменения орфографии заимствуемые слова стали произноситься чувашами приблизительно так же, как и в оригинале. Следует заметить здесь, что введение в чувашский алфавит букв для обозначения фонем *о* и *ф* в 1926 году, аффрикаты *ц*, фонем *б*, *г*, *д*, *ж*, *з* в 1933 году сыграло некоторую роль в проникновении этих звуков в фонемный состав чувашского языка.

А. Золотов в статье «За культуру языка» писал: «Изменения, внесенные в 1933 году в чувашскую орфографию, сыграли положительную роль. Введение в чувашский алфавит звонких согласных устранило трудности, которые мешали проникновению интернализмов в чувашский язык, и создало благоприятные условия в правильном произношении этих звонких согласных. Теперь чуваша произносят не *польшевик*, *прикатъ*, а *большевик*, *бригадъ*. Также и в русской речи говорят не *корот Корьки*, а *город Горький* и т. д.»⁴⁵

Однако до 1938 года в орфографировании заимствованных слов имел место разнобой. Многие слова писались искаженно. Решающую роль в правильном произ-

⁴⁵ Газета «Канаш», 1935, № 160.

ношении заимствованных слов сыграли правила орфографии, утвержденные в 1938 году. Эти правила узаконили передачу русских и интернациональных слов, входящих в чувашский язык, по русской графике. Одно из правил гласило: «Звонкие «б», «г», «д», «ж», «з» и глухой аффрикат «ц» употребляются лишь в русских и интернациональных словах (объект, агроном, журнал, газ)»⁴⁶. В таких русских и интернациональных заимствованиях, как *философи, факультет, фельетон, физика, фотографии, орган, документ, доклад, доцент, библиотека* и т. д., фонемы *ф, ц, б, г, д, ж, з* чувашской интеллигенцией и рабочими и крестьянами, регулярно читающими газеты, журналы, книги и слушающими радио, в настоящее время произносятся почти так же, как в русском языке. Однако следует заметить, что отмеченные русские фонемы не успели проникнуть в разговорную речь некоторой части чувашского населения. Автором настоящей книги не раз замечено, например, как определенная масса чувашей и учащиеся произносят неправильно русские звонкие согласные. По аналогии с чувашскими согласными русские звонкие согласные в их речи в начале слова нередко оглушаются, а в середине слова между гласными и между сонорными и гласными произносятся полувонко. Также неправильно произносится звук *ф*. В речи некоторой части чувашского населения он слышится как *в*⁴⁷. Однако радио, кино, театр, проникающие во все уголки Чувашии, различные культурные мероприятия, проводимые на селе (доклады, лекции, митинги и др.), способствуют более правильному произношению русских звонких согласных и *ф* широкими массами трудящихся Чувашии.

В настоящее время влияние фонетического строя русского языка на фонетический строй чувашского настолько огромно, что в речи некоторой части чувашской молодежи (особенно студентов и той части молодежи, которая живет в городах среди русского населения) русский палатальный *с* употребляется и в природных чу-

⁴⁶ См. Основные правила орфографии чувашского языка. Чебоксары, 1939, стр. 5.

⁴⁷ См. Диалектологические материалы. Рукопись хранится в Научном архиве ЧНИИ, отд. IV, инв. № 1264. В них отмечается, что в Канашском районе такие слова, как *ферма, флот, фанеря, февраль*, произносятся как *вермй, влот, ванер, вевраль*.

вашских словах, хотя это нарушает орфоэпические нормы чувашского языка. Так, к примеру, не раз замечено автором настоящей работы такое употребление и в речи некоторых артистов Чувашского государственного академического театра.

Новозаимствования не подчиняются и специфическим звуковым закономерностям чувашского языка. В настоящее время чувашки легко преодолевают и такую артикуляционную трудность русского произношения, как произношение стечения двух или более согласных и в абсолютном начале, и в абсолютном конце, и в середине слов: *председатель, преми, трагеди, драм, строительств, штурм, приказ, снаряд, врач, студент, программ, старт, стадион, спортсмен, квартал* и т. п. Подобные слова, содержащие в себе стечение согласных, произносятся чувашами без вставки гласных между согласными (не *ка́вартал, в́рач, д́рам, а квартал, врач, драм*) или перед этими согласными (не *а́студент, а́статья, а студент, статья*).

Также не представляет трудности для чувашек и произношение стечения гласных или зияния. В таких словах, как *биографи, гигиен, заочник, зоологи, геологи, географы, геометры, идеологи, пролетариат, авиаци, аэродром* и др., зияние гласных звуков, как правило, сохраняется.

Раньше произношение твердых согласных в положении за гласными переднего ряда было немыслимо. Например, в слове *сёт* согласный звук *т* произносится мягко лишь потому, что находится за гласным переднего ряда. Данная фонетическая особенность чувашского языка сильно сказалась в фонетическом оформлении русских старозаимствований. В новозаимствованиях произношение твердых согласных в данном положении для чувашек также не представляет трудности. Например, в таких русских и интернациональных заимствованиях, как *пионер, актив, милиционер, механик, летчик, витамин, инженер, университет, кабинет, магазин* и др., конечные согласные произносятся твердо, как в русском оригинале. Поэтому они большей частью принимают твердые варианты чувашских аффиксов: кабинет—*кабинетан, кабинетра, кабинетран, кабинетсэр, кабинетлэ, а не кабинет'ён', кабинет'р'е, кабинет'р'ен', кабинет'сёр', кабинет'л'ё*; актив—*активан, активра, активсэр, активлэ*,

а не *актив'ён'*, *актив'р'е*, *актив'сёр'*, *актив'л'ё* и т. д. Однако, как показывают диалектологические записи, в низовом диалекте произношение в подобных русских заимствованиях мягкого варианта аффиксов все еще имеет место. Например: *дневникён* «дневника», *дневнике* «дневнику»; *колхозникён* «колхозника», *колхознике* «колхознику» и т. д.⁴⁸

Если многие русские старозаимствования подчинялись законам чувашского ударения, которое стремится в природных чувашских словах в большинстве случаев на последний слог слова, то в новозаимствованиях в начальной форме ударение остается на своем месте: *общезжитие*—*общезжити*, *обязательство*—*обязательствá*, *опера*—*опера́*, *орфограф*—*орфогра́*, *организатор*—*организа́тор* и т. п.

Новозаимствования законам чувашского ударения подчиняются лишь тогда, когда они принимают чувашские словообразовательные и словоизменительные аффиксы. Подобные слова в отношении места ударения можно разделить на две большие группы. В одну из них входят односложные слова, а также слова, в которых ударение падает на последний слог. Когда они принимают аффиксы с нередуцированными гласными, ударение, как и в чувашских словах, последовательно переходит на аффиксы: *литр*—*литр́та*, *литртáн*; *порт*—*портр́а*, *портра́н*; *поэт*—*поэт́а*, *поэ́тна*, *поэ́тсемне́*; *гектар*—*гектар́а*, *гектарт́а*, *гектартáн*; *коммунист*—*коммунистр́а*, *коммунистрáн*, *коммунистсемне́* и т. п.

Ко второй группе относятся многосложные слова, в которых ударение падает не на последний, а на другие слоги. Когда эти заимствования принимают словоизменительные и словообразовательные аффиксы с нередуцированными гласными, то мы в одном и том же слове имеем два ударения: первое—на основе, второе—на конечном слог, т. е. на аффиксе: *общество́*—*обществáра*, *обществáра́н*, *обществáсем*; *орáтор*—*орáторá*, *орáторта́н*, *орáторсем*; *респуб́лика*—*респуб́ликара́*, *респуб́ликара́н*, *респуб́лика́сем* и т. д. Однако эти ударения не одинаковы: первое заметно уступает по силе второму. Это объясняется специфической особенностью чувашского ударе-

⁴⁸ См. Диалектологические материалы. Рукопись хранится в Научном архиве ЧНИИ, отд. IV, инв. № 1264.

ния, которое падает, как правило, на последний слог в слове.

В связи с анализом фонетического облика новозаимствований необходимо указать на следующее явление: преобладающее большинство дореволюционных заимствований вошло в лексику чувашского литературного языка в старой же фонетической форме, так как они полностью очувашились, прочно вошли в лексикон широких масс трудящихся и воспринимаются ими как природные чувашские слова: *кёнеке* «книга», *пичке* «бочка», *вitre* «ведро», *кёленче* «скляница», *ка́тра* «кудри», *хунáр* «фонарь», *кёреплé* «грабли», *салта́к* «солдат», *сату́р* «задор», *шкул* «школа» и т. п. Начиная с конца 30-х годов нашего века некоторая часть старых заимствований стала произноситься в соответствии с произносительными нормами русского языка⁴⁹. Например: *Рассей*—*Россия*, *пульнитса*—*больница*, *хвершáл*—*фельдшер*, *процáт*—*процент*, *учитлэ*—*учитель*, *ваксáл*—*вокзал*, *хрантсуэ*—*француз*, *акта́*—*акт*, *хлот*—*флот*, *херма́*—*ферма́*, *саккун*—*закон* и т. п. По-видимому, в таком переоформлении решающую роль сыграло изменение орфографии этих старозаимствований. Кроме того, некоторые заимствования в старом фонетическом облике не успели достаточно укрепиться в словарном запасе чувашского языка, так как они проникли сюда сравнительно недавно, и потому чувашки легко привыкли к новому фонетическому облику этих слов. Приведем примеры: *Больницáна* кайса пáхмалла-ха, темскер пёрмай по́с ыратать (записано у сорокалетнего В. Охлянова из дер. Вускасы Чебоксарского района) «Надо сходить в больницу, что-то все время голова болит». Паян клубра тёнчери положени пирки доклад полать, учитель Чернов туса парать терёс. Францири положени пирки пёлсех каймастáп-ха (из речи сорокапятилетнего В. Емельянова из дер. Хыркасы

⁴⁹ Такое явление характерно и для других тюркских языков. Так, например, исследователь узбекского языка М. Пулатов замечает следующее: «...в наше время... даже многие из тех слов, которые были заимствованы прежде с большими фонетическими искажениями, стали приближаться к русскому звуковому оформлению: хафтама-бель (автомобиль)—автомобиль, калават (кровать)—кровать, саллот (солдат)—солдат, Москап (Москва)—Москва и т. д.» (см. его работу «Роль русского языка в развитии и обогащении словарного состава узбекского языка. Ташкент, 1956, стр. 4—5).

Чебоксарского района) «Сегодня в клубе состоится доклад о международном положении, сделает учитель Чернов. Плохо знаю положение во Франции». Çав Нинă фельдшерсен курсне вёренме кайрё те чиперех вёренсех тухса сын пулчĕ (из речи сорокалетней О. Григорьевой из с. Кукшумы Вурнарского района) «Эта Нина поступила на фельдшерские курсы и благополучно кончила их, стала человеком». Сырни вăл актсем сырма ħста, причини полтăр кăна (из речи А. Кожанова из с. Моргауши Чебоксарского района) «Он мастер писать акты, лишь бы была причина». Халь кăна вокзалтан таврăнтăм-ха, апат ħиме те ёлкĕреймерĕм (из речи двадцативосьмилетнего М. Анапьева из с. Кукшумы Вурнарского района) «Только что вернулся с вокзала, не успел еще и поесть».

В чувашском языке и произношение личных имен частично стало подчиняться произносительным нормам русского языка. Это особенно характерно для настоящего времени. Когда личные имена употребляются без отчества, то они большей частью произносятся согласно старым произносительным нормам: *Кĕркури*—Григорий, *Петтĕр* (диал.)—Петр, *Павăл*—Павел, *Хăветĕр*—Федор, *Пăраски*—Перасковья, *Электантăр*—Александр, *Электси*—Алексей, *Эрхип*—Архип, *Илле*—Илья, *Якку*—Яков, *Якур*—Егор, *Карасăм* (диал.)—Карачам—Герасим и т. п. Когда же личные имена употребляются с отчеством или фамилией, то они произносятся так же, как в русском языке. Это характерно и для устной, и для письменной речи. Напр.: Ман *Кĕркури* ёнер *Александр Сергейч* патне кайнăчĕ, лешĕ чирлесе ўкнĕ, тет (записано у А. Уштровской из с. Кукшумы Вурнарского района) «Мой Григорий вчера пошел было к Александру Сергеевичу, а он, оказывается, заболел». *Электси* вăт салтакран таврăннă-таврăнманах авланса пăрахрĕ, эс пор тем кĕтен, те йлсе пырса памалла сана (из речи Г. Толстова из д. Эхветкасы Чебоксарского района) «Алексей вон не успел еще вернуться из армии, уже женился, а ты, не знаю, чего ждешь, или хочешь, чтобы тебе домой привели». *Алексей Петрович* полнă полсан, сан пек çавара карса ларас çокчĕ те (записано у А. Кожакова из с. Моргауши Чебоксарского района) «Если бы был Алексей Петрович, то он бы не сидел, как ты, разинув рот».

Примеры из художественной литературы: *Сула май батаре* кёрсе тухатӑп та, ал шӑллипе супӑнь илсе, *Микулай*на шыва кёме каятпӑр (Илпек, Тӑватӑ кун, стр. 30) «По пути захожу на батарею, беру полотенце и мыло, и мы с Николаем идем купаться». *Максим Федорович*, хӑй сехетне курсан, савӑнсах кайрӑ. Вӑл *Петёре* ыталаса илчӑ те:—Эсӑ маттур иккен,—терӑ (Давыдов, Пирӑн телей, стр. 7) «Увидя свои часы, Максим Петрович обрадовался. Он обнял Петра и сказал:—Ты молодец, оказывается». Юрласа пётерсен, вӑл *Укахвине Марине* аллине хыттӑн чӑмӑртарӑ, вара, сарлакан яра-яра пусса, хӑйсен пӑрчӑ патнелле утрӑ (К. Турхан, Йӑмралӑ ял, стр. 8) «После того, как кончил петь, он крепко пожал руки Агафии и Марине и широкими шагами направился к своему дому». Ак *Михаил Михайлович* фронта парне лесме кайса килчӑ пирӑн, савӑн отчетне йӑлтӑр... *Михаил* ӑна пурин синчен те теплӑн каласа пачӑ (К. Турхан, Йӑмралӑ ял, стр. 26) «Вот у нас Михаил Михайлович съездил на фронт для вручения подарков, его отчет будем слушать... Михаил ему обо всем рассказал подробно». *Тимуш* килтен атте вилни синчен пӑлтерчӑ... *Георгий Васильевич Зайцев* (Талмӑрса) манӑн чи сывӑх юлташ пулса тӑчӑ (С. Элкер, Вутпа сулам витӑр, стр. 240) «Тимофей из дому сообщил о смерти отца... Георгий Васильевич Зайцев (Талмырза) стал моим самым близким товарищем».

Следовательно, в настоящее время и личные имена, заимствованные из русского языка, в литературно-письменном языке, а также и в разговорном по своему фонетическому облику, стали приближаться к оригиналу-источнику. Следует полагать, что личные имена, оформленные в соответствии с чувашскими нормами произношения, постепенно будут выходить из употребления. Наблюдения над устной речью показывают, что в настоящее время личные имена, оформленные по фонетическим законам чувашского языка, большей частью употребляются по отношению к людям старшего поколения, за которыми они прочно закрепились. А по отношению к молодежи, детям и даже частично людям средних лет более употребительны личные имена в русской фонетической форме. Так, к примеру, по отношению к молодому человеку наряду с *Кёркури*, *Микулай* и др. употребляются личные имена в русской форме, напр., *Гриша*, *Гришкӑ*,

Григорий, Коля, Колька, Николай. Попутно заметим здесь, что в настоящее время в чувашском языке личные имена получают уменьшительно-ласкательное значение посредством прибавления не только чувашских аффиксов, но и русских суффиксов. Теперь, наряду с такими ласкательными именами, как *Елюк, Петюк, Марук, Кётерук, Ваçук, Ванюк*, образованными с помощью чувашского аффикса *-ук(-ӳк)*, употребляются и *Лена, Петя, Маруся, Катя, Васа, Ваня* или *Ванюш* и т. д.

§ 9. Орфоэпия заимствованных слов

Вопрос о фонетическом оформлении русских и интернациональных заимствований содержит ряд спорных моментов, которые требуют своего разрешения. Это тем более важно, что он соприкасается с другой, не менее важной областью языкознания, — орфоэпией. Разрешение вопроса о том, как правильно произносить то или иное русское заимствование, необходимо для всех областей нашей жизни — и для радио, и для школ, и для высших учебных заведений, и для театров и т. д. В чувашском языке есть такие русские заимствования, в произношении которых нет еще единообразия. К подобным словам можно отнести заимствованные сложносокращенные слова. Они бывают четырех типов: слогового, звукового, буквенного, смешанного. Слоговой тип составляют аббревиатуры, образованные путем соединения частей слова: *исполком* — исполнительный комитет, *универмаг* — универсальный магазин, *колхоз* — коллективное хозяйство, *обком* — областной комитет, *комсомол* — коммунистический союз молодежи, *совхоз* — советское хозяйство и другие. Эти сложносокращенные слова на почве чувашского языка не подвергаются почти никаким фонетическим изменениям, произносятся так же, как и в оригинале. Также без особых фонетических изменений усваиваются чувашами и сложносокращенные слова смешанного типа, образованные путем соединения сокращенной основы слов с полным словом: *партбилет, партвзнос, партбюро, парткабинет, педкабинет, пединститут, педтехникум, педучилище, авторучка, агитпункт, Госплан* и т. п. В таких словах, как *партбилет, партвзнос, партбюро* и т. д., и в русском, и в чувашском языках фонема *т* между сонорными и звонкими соглас-

ными несколько озвончивается: *пардвзнос, пардбилет*. А сложносокращенные слова звукового типа образуются путем сложения начальных звуков слов: *ГЭС* — гидроэлектростанция, *ТАСС* — Телеграфное агентство Советского Союза, *вуз* — высшее учебное заведение, *ТЮЗ* — театр юного зрителя, *США* — Соединенные Штаты Америки и т. п. С некоторыми фонетическими изменениями усваиваются лишь те аббревиатуры, в которых имеется стечение согласных, например, *ЗАГС, США, ТАСС* и т. д. Старшее поколение и небольшая часть сельской молодежи подобные аббревиатуры произносят с вставкой между согласными редуцированных гласных, чем и устраняется стечение согласных: *сагӓс, тасӓс*. В речи же подавляющего большинства населения они произносятся почти так же, как в русском языке, без вставки между согласными редуцированных гласных. Третий тип составляют буквенные аббревиатуры, образованные из названий начальных букв слов: *СССР, КПСС, АССР, ЦК, ГДР*. В русском языке они произносятся в соответствии с названиями букв: *зсэсэсэр* — СССР, *капээсэс* — КПСС, *аэсэсэр* — АССР, *гэдээр* — ГДР, *эмка* — МК, *цэка* — ЦК. Эти сложносокращенные слова образуются из названий букв ввиду трудности и даже невозможности произношения стечения нескольких согласных. Наблюдения над разговорной речью чувашей показывают, что некоторая часть населения буквенные аббревиатуры, за исключением отдельных сложносокращенных слов, созданных в последнее время, произносит со вставкой редуцированных гласных или между согласными, или перед ними: *сӓсӓсӓр* — СССР, *рӓгӓсӓ* — РТС, *вӓкӓпӓбӓ* — ВКП(б), *асӓсӓр* — АССР, *бӓсӓсӓр* — БССР, и т. п.

Как было показано выше, устранение стечения согласных путем вставки редуцированных гласных между согласными, перед ними или после них имело место и в дооктябрьских заимствованиях: *бревно — пӓрене, смола — сӓмала* и т. п. Кроме того, в чувашском языке буквы читаются как сочетание обозначаемых ими звуков и редуцированного гласного *ӓ*: *бӓ* — б, *вӓ* — в, *гӓ* — г, *дӓ* — д, *жӓ* — ж, *зӓ* — з, *кӓ* — к, *сӓ* — с, *шӓ* — ш и т. д., чем и отличаются они от русских букв, которые читаются в сочетании с гласными полного образования *э* и *а*: *бэ, вэ, гэ, дэ, жэ, ка, эс, ша* и др. Теперь нетрудно понять, почему же аб-

бревиатура СССР в русском и чувашском языках произносится по-разному: в первом — *эсэсэсэр*, во втором — *сăсăсăр*. Следует отметить, что даже и учащиеся восьмилетних и средних школ буквенные аббревиатуры произносят с редуцированными гласными: *сăсăсăр*, *вăлăкăсăм*, *асăсăр* и т. д.

Некоторые языковеды, работники печати, культуры высказывают мнение о желательности закрепления в качестве орфоэпической нормы произношения буквенных аббревиатур с редуцированными гласными. При этом они упускают из виду следующие обстоятельства: а) в речи молодежи (имеются в виду студенты, учителя, агрономы, врачи и др.) почти все буквенные аббревиатуры произносятся с полным подчинением произносительным нормам русского языка: *эсэсэсэр* — СССР, *вэцэс-пээс* — ВЦСПС, *цэдэса* — ЦДСА и др.; б) аббревиатуры, возникшие в последнее время, произносятся некоторой частью чувашей лишь в русской форме: *капээсэс* — КПСС, *адээн* — АДН и др.; в) в последнее время некоторые аббревиатуры, заимствованные раньше и оформленные согласно произносительным нормам чувашского языка, стали произноситься в русской же фонетической форме: *цэка* — ЦК и др.

Если бы в качестве орфоэпической нормы закрепилось произношение буквенных аббревиатур в полном соответствии с произносительными нормами чувашского языка, то нужно было бы подчинить этой орфоэпической норме и такие аббревиатуры, которые произносятся чувашами только в русской форме. В таком случае аббревиатуры *ЦК*, *КПСС* и др. следовало бы произносить как *цăкă*, *капăсăс*.

Учитывая все эти обстоятельства, в чувашском языке в качестве орфоэпической нормы желательно закрепить произношение буквенных аббревиатур в русской же форме.

Также нет единообразия в произношении русских и интернациональных заимствований с суффиксом лица *-ист*, когда они принимают аффиксы принадлежности. Некоторая часть населения произносит их в полном соответствии с орфографией: *тракторисчĕ*, *машинисчĕ*, *коммунисчĕ*, *телефонисчĕ*, *социалисчĕ* и т. д. Однако некоторые артисты театров и дикторы радио в последнее время стали практиковать произношение их без фонем

т и ч: тракторисё, артиллерисё, танкисё, идеалисё, машинисё и т. п. Закрепление в качестве орфоэпической нормы произношения подобных слов без фонем т и ч является наиболее правильным. В пользу этого говорят следующие обстоятельства: 1) произношение подобных слов с фонемами т и ч ввиду наличия в них стечения согласных намного труднее, чем без этих фонем, и потому в устной речи основной массы населения произношение с фонемами т и ч почти не имеет места; 2) русские и интернациональные слова с суффиксом -ист в начальной форме проносятся чувашами без конечного т: марксис, идеалис, социалис, коммунис и т. п. Следовательно, аффиксы принадлежности присоединяются не к марксист, идеалист, танкист, а к марксис, идеалис, танкис: марксисё, идеалисё, танкисё и т. п.; 3) здесь необходимо учесть еще одно обстоятельство: в словах тракторисчё, машинисчё, артисчё и т. п. последний слог -чё может употребляться и в временном значении, ср., напр., Петров пёлтер тракторисчё, кăсал—комбайнер «В прошлом году Петров работал трактористом, а ныне — комбайнером». Если бы в качестве орфоэпической нормы закрепилось произношение русских и интернациональных заимствований на -ист, принимающих аффикс принадлежности третьего лица, с фонемой ч, то они по произношению совпали бы с русскими заимствованиями на -ист, принимающими аффикс -чё с временным значением.

ТІЛ БІЛІМІ
ИНСТИТУТЫ

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

МОРФОЛОГИЧЕСКОЕ ОСВОЕНИЕ РУССКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ

Изучение вопроса о морфологическом освоении русских заимствований — это одна из важных проблем чувашского языкознания, решение которых имеет и теоретическое, и практическое значение. Оно может дать много ценного для уяснения внутренних законов развития языка и разработки научно обоснованных принципов морфологического оформления новозаимствований.

Как было показано выше, русские и интернациональные заимствования в настоящее время основной массой чувашского населения произносятся почти так же, как в русском языке. В чувашском языке под влиянием русского появились новые фонемы, чувашки привыкли к новым звуковым закономерностям. Это позволяет сделать вывод о том, что фонетика является одной из проницаемых сторон языка, чего нельзя сказать о морфологической системе. Влияние русского языка не коснулось ее. Объясняется это тем, что морфология является наиболее устойчивой и, следовательно, наименее проницаемой областью языка.

Данное явление характерно не только для чувашского, но и для других языков мира. Б. А. Серебренников пишет: «История знает случаи, когда словарный состав языка включал 60, 70 и даже 80% иноязычных заимствований (ср. прежние литературные турецкий и персидский языки, включавшие до 80% арабских заимствований, язык пехлеви, изобилующий заимствованиями из семитских языков, карельский язык, насчитывающий до 60% русских заимствований). Однако такое сравнительно большое количество словарных заимствований фактически не привело к утрате специфики системы языка. Этим объясняется то, что в связи с возникновением нового понятия язык иногда совершенно безболезненно принимает иноязычный звуковой ком-

плекс, служащий для его обозначения... Система словоизменительных форматов может изменяться только за счет внутреннего фонда материальных средств языка»¹. Далее Б. А. Серебренников замечает, что «...ни один язык не может заимствовать окончания русского родительного, дательного, винительного или творительного падежей, поскольку сами эти окончания не содержат ни грана субстанции, признака, качества»².

Однако при контакте языков возможны и случаи взаимопроникновения морфологических элементов, что в основном касается тех языков, которые имеют структурную близость.

Русский и чувашский языки структурно далеки друг от друга. Они принадлежат к разным семьям: первый — к индоевропейской, второй — к тюркской. Чувашский язык, как и все другие тюркские языки, по своей морфологической структуре является агглютинативным: в нем аффиксы словообразования и словоизменения прибавляются к корню слова в определенной последовательности, и, как правило, каждый аффикс имеет лишь одно грамматическое значение. А русский язык имеет иные способы выражения грамматических значений слов. Так, например, кроме префиксации и суффиксации, ему присуща так называемая внутренняя и внешняя флексия, которая чувашскому языку совершенно чужда. Кроме того, русские суффиксы могут выражать несколько грамматических значений.

Структурное различие между чувашским и русским языками затрудняет проникновение русских морфологических элементов в чувашский язык. При этом необходимо особо подчеркнуть следующее. Среди русских и интернациональных заимствований встречается очень много слов с суффиксами *-ка*, *-ица*, *-ист*, *-изм*, *-ец* и др. (Например, *комсомолка*, *учительница*, *коммунист*, *марксизм*, *ленинец*). На первый взгляд может показаться, что эти суффиксы представляют собою заимствованный в чувашский язык грамматический материал. Однако их нельзя причислить к заимствованиям, ибо они употребляются лишь в составе русских и интернациональ-

¹ Б. А. Серебренников. Об устойчивости морфологической системы языка. Сб. «Вопросы теории и истории языка...» М., 1952, стр. 205—207.

² Там же, стр. 207.

ных слов и лишены способности образовать новые слова от чувашских основ. Сказанное полностью относится и к другим тюркским языкам. Так, например, исследователь уйгурского языка И. А. Исмаилов замечает следующее: «...рассмотренные выше суффиксы (словообразовательные.—А. Г.) советско-интернациональных слов, вошедших в уйгурский язык, не присоединяются к уйгурским словам...»³

Все это еще раз убеждает нас в том, что морфологическая система является наиболее устойчивой и, следовательно, наименее проницаемой областью языка.

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ МОРФОЛОГИЧЕСКОЕ ОСВОЕНИЕ СТАРОЗАЙМСТВОВАНИЙ

В дооктябрьскую эпоху в чувашский язык заимствованы слова, принадлежащие ко многим частям речи. Но львиная доля их, порядка 80—85%, падает на существительные. Это обусловлено следующим обстоятельством: существительные в большинстве своем обозначают предметы, чем и отличаются от слов, принадлежащих к другим частям речи. А как мы уже знаем, слова, выражающие конкретные понятия, сравнительно легко проникают из одного языка в другой, так как они заимствуются вместе с соответствующими предметами. Данное обстоятельство и послужило причиной тому, что среди русских заимствований дооктябрьской эпохи имена существительные составляют абсолютное большинство. Но, кроме них, заимствовались и слова, принадлежащие к другим частям речи (прилагательные, глаголы, частицы и др.).

Анализ морфологического освоения старозаимствований даёт много ценного для уяснения внутренних законов развития чувашского языка, а потому следует подробно и всесторонне осветить этот сложный процесс.

§ 1. Имена существительные

Основную массу заимствований составляют простые слова, нередко встречаются и сложные существитель-

³ И. А. Исмаилов. Русско-советско-интернациональная лексика в уйгурском языке. Л., 1953, стр. 128.

ные. На почве чувашского языка русские существительные подвергались заметным морфологическим изменениям. Здесь необходимо отметить, что некоторые языковеды при анализе морфологического оформления старозаимствований нередко изменения фонетического порядка выдают за морфологические. Например, старозаимствования в чувашском языке лишились окончаний, т. е. конечных гласных фонем. На первый взгляд может показаться, что это изменения лишь морфологического порядка, связанные с отсутствием в чувашском языке категории рода. Некоторые языковеды так и полагают. Н. А. Резюков, например, замечает следующее: «Ввиду того, что в чувашском языке категории рода нет, у заимствованных из русского языка слов родовое окончание обычно подвергалось изменению или выпадало: 'бочка — пичке, газета — хаҫат, каждый — кашни»⁴. С этим полностью нельзя согласиться. Если бы действительно было так, то родовые окончания устранялись бы во всех случаях. Но этого не наблюдается. Такие слова женского рода, как *труба, смола, соха* в чувашском языке тоже сохраняют родовые окончания, а слова же *газета, школа* на почве чувашского языка лишились этих окончаний⁵. Следовательно, в устранении подобных окончаний сказывалось не только отсутствие в чувашском языке категории рода, но и специфические фонетические закономерности чувашского языка, о чем было нами сказано в главе о фонетическом оформлении старозаимствований.

В дооктябрьскую эпоху был заимствован целый ряд существительных с родовыми окончаниями *-ая, -ое, -ий, -ый, -ия, -ие*, непривычными для чувашского языка. Интересно проследить процесс морфологического оформления подобных заимствований.

Как правило, в чувашском языке родовые окончания *-ая, -ое, -ий, -ый, -ия, -ие* прижимали усеченную форму или совсем устранялись, так как они чувашскому языку не были нужны. Кроме того, в подобных словах родовой признак морфологически особенно ярко выражен, так как родовые окончания *-ая, -ое, -ий, -ый, -ия, -ие*

⁴ Н. А. Резюков. Очерки сравнительной грамматики русского и чувашского языков. Чебоксары, 1954, стр. 10.

⁵ Данное явление нами здесь рассматривается лишь постольку, поскольку окончание слова — это морфологическая категория.

легко выделяются. Приведем несколько примеров: Артемий — *Ортѣам*; гимназия — *кимнаси*; станция — *стантци*, *стантси*; Евлампия — *Елемпи*, Агафия — *Укахви*, компания — *кампани*, гармония — *кармани*, губерния — *кѣпѣрне*, Россия — *Рассей*, имение — *имени*, Афанасий — *Ахванес*, согласие — *соклас*, земский — *семски*, десятский — *тесетски*, чайная — *чайни*, Франция — *Хрантси*, жаркое — *шаркку* и т. д.

В дооктябрьскую эпоху в словарный состав чувашского языка вошел целый ряд существительных с суффиксами *-чик*, *-щик*, *-ник*, *-ка*, *-ик*, *-тель*, *-ел* и др. Некоторые из этих суффиксов в чувашском языке выступали в той же форме, что и в русском языке. Например: рябчик — *аряпчик*, *рапчик*; валец — *валек*; урядник — *уратник*, *уретник*; ябедник — *япѣтник*; валежник — *валешник*; замазка — *самаска*; свидетель — *свитѣтлѣ* (в некоторых говорах *свитетлѣ*) и т. д. Надо полагать, что это признак более позднего проникновения их в чувашский язык. Но в подавляющем большинстве старозаимствований русские суффиксы на почве чувашского языка меняли свою форму или устранялись. Например: извозчик — *исвусчак*, исправник — *исправнѣк*, околица — *укѣлча*, объездчик — *упѣешчѣк*, ямщик — *ямшак*, ячница — *йешнѣк* и т. д. Это свидетельствует о том, что русские производные слова чувашами воспринимались как непроизводные.

Некоторые русские производные существительные на чувашский язык передавались аналитически: учительница — *хѣр учитлѣ*, солдатка — *салтак арѣмѣ*, пудовка — *пѣт чѣрес*, чернильница — *чернил кѣленчи*, чугунок — *чукун сул*, новобранец — *салтак ачи*, квашня — *кѣвас чѣрес*, гиря — *кире пуканѣ*, кошка — *кушак ами*, маятник — *часси сѣмахѣ* и т. д.

В дооктябрьскую эпоху сравнительно мало было заимствовано русских сложных существительных. При этом они чувашами воспринимались не как сложные слова, а как простые, о чем свидетельствует то, что на почве чувашского языка отдельные компоненты этих сложных слов, как правило, неизменно меняли свой облик. Например: самовар — *сѣмавар*, полуштоф — *пулѣштух*, паровоз — *пѣравус* (первый компонент русского слова *пар* в чувашском языке превратился в *пѣр*), пароход — *пѣрахут*, самоход — *сѣмаххут*, самогон — *сѣма-*

кун, самоставка — *сѣмаставккѣ*, самокатка — *сѣмакаткѣ* и т. д. Тут мы имеем дело с таким изменением морфологической структуры слова, когда русское сложное слово в чувашском языке становится непроеизводным, нерасчленимым, т. е. простым, которое не делится на морфемы.

В дооктябрьскую эпоху даже некоторые русские словосочетания в чувашском языке превращались в простое слово: царь Соломон — *Чарѣсламан*⁶, Христа ради — *христарати*⁷ и др.

В чувашском языке в дооктябрьскую эпоху имело место и такое явление: многие русские заимствования легли в основу производных слов, таким образом создавались новые слова, состоящие из русской основы или корня и чувашского словообразовательного аффикса. Например: *пѣшалсѣ* — охотник (от «пищаль»), *кѣрѣслѣх* — место, обильное прудами, *кѣнекесѣ* — книжник, писатель, *кѣслесѣ* — гуельяр, *лапкасѣ* — торговец (от «лавка»), *кѣлетлѣх* — материал для постройки амбара и др. Подобные слова нельзя причислить к заимствованиям, так как в создании их, кроме русских слов, участвуют и чувашские словообразовательные аффиксы, следовательно, созданные таким способом слова являются принадлежностью чувашского языка. Данный способ словообразования в области существительных в дооктябрьскую эпоху не получил такого широкого распространения, как в советскую эпоху. Русские производные существительные в абсолютном большинстве своем заимствовались в чувашский язык с русскими же суффиксами, хотя бы в сильно измененном виде.

В чувашском языке еще в дооктябрьскую эпоху возник целый ряд сложных слов, одним из компонентов которых выступает русское заимствование. Проиллюстрируем это на ряде примеров. Слово *вырсарни* «воскресение» входит в основной словарный фонд чувашского языка, создано оно путем сложения русского заимствованного слова *вырѣс* и чувашского *эрне*. Надо

⁶ См. Н. И. Ашмарин. Словарь чувашского языка. Вып. XV, стр. 155.

⁷ На почве чувашского языка русское словосочетание Христа ради превратилось в существительное (*вѣл христарати вѣтса сѣрет* «он просит милостыню»)

полагать, что на первых порах оно употреблялось как словосочетание (*вырăс эрни*), но постепенно, в результате все более и более частого употребления, редуцированный гласный *э* исчезает, а гласный *э* в силу основной закономерности чувашского вокализма — сингармонизма — уподобляется по непалатальности гласному первого слога *ы*. Так появляется новое сложное слово. В словарном составе чувашского языка встречается немало сложных слов, созданных этим способом, т. е. путем сложения русских и чувашских основ, например, *хреснатте* «крестный отец», *хреснавăл* «крестный сын», *хреснанне*, *хреснаппа*⁸ «крестная мать», *сухануç* «соха» и т. п.

В чувашском языке, как и в других тюркских языках, богато представлены парные имена существительные. «Эти сложные имена существительные образуются путем сложения пары слов и в зависимости от лексического значения и формы компонентов приобретают семантику собирательности, обобщения, экспрессивности или стилистической модификации наличных в компонентах лексических значений»⁹. Среди подобных чувашских существительных нередко встречаются и такие парные слова, одним из компонентов которых является русское заимствованное слово. В качестве одного из компонентов чувашских парных существительных могли употребляться лишь такие заимствованные слова, которые укоренились в словарном фонде чувашского языка и, следовательно, выступали как полноценные чувашские слова. Например: *апат-симĕç* — различные кушанья вообще; *чашăк-тирĕк* — посуды; *чашăк-çăпала* — чашки и ложки; *шăши-кушак* — мышки и кошки; *хаçат-кĕнеке* — газеты и книги; *сĕтел-пукан* — столы и стулья; *мачча-урай* — потолки и полы и т. д. Интересно заметить в связи с этим еще следующее: в чувашском языке, хотя и редко, но встречаются такие парные существительные, в которых оба компонента являются русскими заимствованиями. Это тем более интересно, что в самом русском языке подобные слова

⁸ В этих словах устранено влияние гласных: *хресна атте* > *хреснатте*, *хресна ывăл* > *хреснавăл*, *хресна анне* > *хреснанне*.

⁹ А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.-Л., 1960, стр. 135.

не образуют парных существительных¹⁰. Например: *катка-пичке* — кадки и бочки, *хапрăк-савăт* — фабрики и заводы. Данное явление можно объяснить тем, что в чувашском языке способ образования парных существительных является одним из наиболее продуктивных (*çăкăр-тăвар*, *кёпе-йём*, *атте-анне*, *пит-куç*, *атă-пушмак*, *пӗрт-сурт*, *вутă-шанкă*, *уй-хир*, *йытă-кушак*, *чай-чӗп*, *йывăç-курăк* и т. д.). Кроме того, необходимо заметить, что парные существительные стали возникать в чувашском языке с древнейших времен. Это видно из таких существительных, как *ача-пăча*, *йăх-ях*, *юр-вар*, *хыпар-хăнар*, *йытă-качка*, в которых или один из компонентов, или оба компонента на современном этапе развития языка не являются самостоятельными значимыми словами, и без специального лингвистического анализа трудно и даже невозможно установить их этимологию. Надо полагать, что когда-то они были значимыми словами, но в процессе длительного употребления в составе парных существительных постепенно теряли этот признак. Так как русские заимствования входят в чувашский язык органически, подчиняясь внутренним законам его развития, то некоторые из них здесь получают способность выступать в качестве компонентов парных существительных. Надо заметить, что, создавая парные слова, оба компонента которых представляют собой русские заимствования, носители чувашского языка проявляли известное языковое творчество, так как это не просто заимствование или копирование русских слов, а создание новых лексических единиц.

Говоря о морфологическом освоении русских заимствований, необходимо обратить внимание на следующее явление. В русском языке имеется большая группа существительных, употребляющихся лишь во множественном числе. А чувашский язык совершенно не знает подобных слов: здесь каждое существительное употребляется и в единственном, и во множественном числе. Эта особенность категории числа в чувашском языке сказывалась и в морфологическом освоении русских

¹⁰ В русском языке категория парных, или составных сложных, существительных развита была слабо. Лишь в советскую эпоху эта группа существительных стала пополняться активно (*токарь-скоростник*, *хата-лаборатория*, *пила-рыба*, *мать-героиня*, *вагон-ресторан*, *платье-костюм* и др.).

существительных. Слова, употребляющиеся в русском языке лишь во множественном числе, чувашами, как правило, воспринимались в форме единственного числа: кудри—*ка́тра*, нары—*нар*, счеты—*шут*, гусли—*ке́сле*, весы—*ви́се*, грабли—*ке́репле*, чернила—*чернил*, сени—*се́нек*, носилки—*на́силкка*, поминки—*пумилкка*, *пумилк-ке*, портянки—*пёртенкке*, сушки—*шушкă*, шпалы—*шпал*, шпалеры—*шпалер*, сани—*суна*, семечки—*семчĕк*, торги—*торкă*, святки—*светкă* и т. д. В чувашском языке почти все подобные слова для выражения множественности принимали аффикс множественного числа -*сем*: *ка́тра*—*ка́трасем* (напр., у К. В. Иванова. «...сивĕч вĕсĕ *ка́трисем*»), *ке́сле*—*ке́слесем*, *ке́репле*—*ке́реплесем* и т. д.

Русские существительные, заимствованные в чувашский язык в дооктябрьскую эпоху, не составляли в нем какой-то совершенно особой группы, выходящей за рамки грамматических законов последнего, а входили в него органически, не нарушая его веками выработанных грамматических законов. Для них не нужно было создавать особые падежные аффиксы, так как они правильно выражали значения падежей с помощью чувашских же аффиксов (ср. *са́мавар*, *са́маварĕн*, *са́ма-вара*, *са́маварна*, *са́маварта*, *са́мавартан*). Русские заимствования обходились также без особого аффикса множественного числа, ибо чувашский аффикс -*сем* (диал. -*сам*) правильно выражал множественность, присоединяясь к любым из них.

§ 2. Имена прилагательные

Среди дооктябрьских русских заимствований нередко встречаются и имена прилагательные, однако по сравнению с заимствованными существительными они составляют незначительное количество. В чувашский язык заимствовались не только относительные, но и качественные прилагательные. Притом последние, как правило, употреблялись чувашами при наличии адекватных по лексическому значению собственных чувашских слов. Это был один из путей обогащения лексики чувашского языка синонимами. Однако в чувашском литературном языке получили право гражданства только некоторые из них. Надо полагать, потому, что литературный язык, как правило, заимствует из других

языков лишь необходимые слова, выражающие новые понятия действительности. Так, например, в «Словаре чувашского языка» Н. И. Ашмарина и в произведениях устного народного творчества встречается слово *славни* (от русского *славный*), которое, видимо, широко употреблялось носителями некоторых говоров чувашского языка, особенно верхового диалекта¹¹. Оно и до сих пор бытует в обиходной речи некоторой части чувашского населения. Например: *Маруш — славни хёр, анчах темшён каччӑсем ун ӑине пӑхсах каймаҫӑ*¹² «Маруся — славная девушка, но почему-то парни на нее не обращают внимания». Но в лексике литературного языка этого слова мы не находим, так как в чувашском языке имеется ряд соответствующих собственных слов. По этой же причине не вошли в словарный состав литературного языка многие другие качественные прилагательные, заимствованные из русского языка, такие, как *хороши* «хороший», *плохой* «плохой», *хитри* «хитрый» (в значении «изворотливый, нескрепный»), *милӑй* «милый», *куратни* «аккуратный», *тӑракуй* «дорогой» и др., хотя они широко употреблялись в разных говорах чувашского языка, о чем свидетельствует язык произведений устного народного творчества (песен, сказок, пословиц, поговорок и др.), записанных еще в дореволюционное время. Следует заметить, кроме того, что эти качественные прилагательные в обиходной речи носителей разных говоров активны и в настоящее время. Например: *Ай-хӑй-ах та милӑй та хамӑр тӑван, килет-ши вӑл паян та, ай килмест-ши?* «Ах, милый, наш родственник, придет ли он сегодня или не придет» (словарь Н. И. Ашмарина, выпуск VIII, стр. 240). *Юлташу хӑвӑнтай пӑлатна пултӑр, тесӑ* «Говорят, что товарищ должен быть здоровее (плотнее) тебя» (там же, выпуск X, стр. 106).

Следовательно, заимствованные качественные прилагательные в абсолютном большинстве своем являются достоянием лишь отдельных говоров, а литературный язык может легко обходиться без них.

¹¹ Это прилагательное в разговорной речи нередко употребляется и в значении наречия образа действия (ср. *Вӑл апата славни явать*).

¹² Записано у жителя дер. Сюлеменькасы Чебоксарского района Н. Галкина.

Однако некоторые качественные прилагательные проникли в словарный состав и литературного языка. Это, видимо, свидетельствует о том, что подобные качественные прилагательные, проникнув в чувашский язык в сравнительно более древние времена, успели укорениться в нем как полноправные чувашские слова.

И в литературном языке, и в разговорной речи носителей почти всех диалектов и говоров чувашского языка широко употребляется качественное прилагательное *хитре* (от русского *хитрый*). Об относительно раннем проникновении этого слова в словарный состав чувашского языка говорит то, что оно в чувашский язык заимствовано лишь в одном из тех лексических значений, которые выражало в русском языке. Притом в настоящее время слово *хитрый* в значении «искусный», «искусно-сделанный», «красивый» в русском литературном языке не употребляется.

Достоянием не только диалектов, но и чувашского литературного языка является качественное прилагательное *арасна, расна* (от русского *разный*). Надо полагать, что оно тоже заимствовано в сравнительно давнее время, на что указывает появление протетического звука *й*¹³.

Следует сказать, что среди русских прилагательных, проникших в чувашский язык в дооктябрьскую эпоху, качественные прилагательные составляют незначительное количество, в основном заимствовались относительные прилагательные, которые на почве чувашского языка употреблялись с русскими же суффиксами, но в усеченном виде, или без них.

Приведем несколько примеров: *мёриккански, мёриккан* — американский, *акальски* — английский, *уйесни* — уездный, *утелни* — удельный, *арамански* — романовский, *ветски* (лаша) — вятская (лошадь), *каяннай* — окаянный, *капчунай* — копченный, *касонни* — казенный, *каттёршни, каттёршнай* — каторжный, *пиклай* — беглый, *пайштавай, пайштавой* — почтовый и т. д.

В дооктябрьскую эпоху в чувашском языке был соз-

¹³ Более поздние заимствования с начальным *р*, как правило, обходились без протезы: *решетке* «решетка», *расхот, расхут* «расход» и др.

дан ряд прилагательных путем присоединения чувашских словообразовательных аффиксов к русским именам существительным: *ёретлĕ* «порядочный», *ёретсĕр* «беспорядочный, неуместный», *латлă* «ладный», *латсăр*, *латтисăр* «беспорядочный», *путлĕ* «путный», *манерлĕ* (от русского *манера*) «подобный», *путсĕр* «беспутный», *манерсĕр* «беспорядочный»¹⁴, *мăклă* «мшистый», *ратнеллĕ* (от русск. *родня*) «находящийся в отношениях родства» и т. д. Следует подчеркнуть, что такие слова возникли в языке не в результате копирования, или калькирования, русских прилагательных, а путем присоединения чувашских словообразовательных аффиксов к заимствованным русским именам существительным. Поясним это на примере прилагательного *ёретлĕ* «порядочный». Данное слово восходит не к русскому прилагательному *порядочный*, а к заимствованному существительному *ёрет*. Прежде чем возникло прилагательное *ёретлĕ*, в чувашском языке бытовало существительное *ёрет*. По законам чувашского словообразования для создания прилагательного *ёретлĕ* к заимствованному *ёрет* присоединился аффикс *-лĕ* (ср. чув. *савăнăç* (имя сущ.) + *лă* (аффикс) > *савăнăçлă* «радостный», *чап* + *лă* > *чаплă* «прославленный»). Имеется ряд прилагательных, которые, на первый взгляд, составляют исключение из этого правила. Таким прилагательным является, например, *путлĕ* «путный». Так как в настоящее время основа прилагательного *путлĕ* (*пут*) в чувашском языке отдельно, самостоятельно не употребляется, то можно было бы сделать вывод, что *путлĕ* возникло путем механического копирования русского *путный*. Но это не так. Дело в том, что в чувашском языке бытует заимствованное из русского языка слово *путь* (от русского *путь* в значениях «польза, прок, толк, успех, выгода»¹⁵). Например, в балладе М. Ф. Федорова «Леший» имеется следующее выражение: «Путь ухмаххи тапранать». Если бы это слово не проникло в чувашский лексикон, то не могло бы возникнуть и прилагательное *путлĕ* (также и *путсĕр* «бестолковый, негодный, непутевый, беспорядочный, отвратительный»).

¹⁴ Это слово в чувашском языке в основном употребляется в значении «весьма», т. е. как наречие.

¹⁵ См.: «Толковый словарь» В. Даля, 1955, т. III, стр. 543.

Таким образом, подобные прилагательные возникли на почве чувашского языка с помощью чувашских словообразовательных аффиксов, потому и нельзя причислить их к заимствованиям.

§ 3. Глагол

В дооктябрьскую эпоху было создано большое количество глаголов, в основу которых легли русские заимствования. Ни один из подобных глаголов нельзя считать чисто заимствованным, ибо все они созданы так или иначе с помощью чувашских грамматических средств. Глаголы, в основу которых легли русские слова, были созданы следующими способами: 1) имя существительное + чувашский словообразовательный аффикс; 2) имя прилагательное + чувашский словообразовательный аффикс; 3) неопределенная форма русского глагола + чувашский вспомогательный глагол *ту* «делать»; 4) неопределенная форма глагола + чувашский словообразовательный аффикс.

Образование глаголов путем присоединения к именам существительным словообразовательных аффиксов — это один из наиболее продуктивных способов в чувашском языке. Этим объясняется то, что глаголы, в основу которых легли русские слова, в большинстве своем созданы путем присоединения чувашских словообразовательных аффиксов к заимствованным русским существительным. Например: *апатлан* «есть, принимать пищу»; *апатлантар* «дать кому поесть»; *ёретле* «привести в порядок»; *ёскёртае* «складывать скирду, сложить что-нибудь в скирду»; *вырăслан* «обрусеть»; *кирпёчле* «выделывать в форме кирпича»; *крассынла* «испачкаться керосином»; *крассынлан* «испачкаться керосином»; *мăкла* «мшиться»; *мăклан* «покрыться мохом»; *нушалан* «нуждаться»; *пичетле* «печатать»; *пăрăсла* «перчить»; *расхутла* «расходовать»; *сахăрла* «сахарить»; *сутлаш* «судиться»; *чусталан* «вымазаться тестом»; *шăтле* «шутить»; *сăмалала* «смолить» и т. д.

Заимствованное русское прилагательное + чувашский словообразовательный аффикс: *хитрелен* «красоваться»; *хитрелет* «делать красивым»; *кăтралат* «кудрявить» (волосы); *кăтралан* «становиться кудрявым»; *ăрасналан* «стать несколько иным»; *ăрасналат* «делать

несколько иным»; *праварлан* «стать проворным» и др. Глаголы, созданные путем присоединения чувашских словообразовательных аффиксов к заимствованным русским прилагательным, в чувашском языке встречаются редко, потому что аффиксы глаголов способны присоединяться лишь к качественным прилагательным, а последние среди заимствованных русских прилагательных составляют абсолютное меньшинство.

Неопределенная форма русского глагола + чувашский вспомогательный глагол *ту* «делать»: *ковет ту* «говеть», *калит ту* «калить», *копчит ту* «коптить», *кулет ту* «гулять», *срамит ту* «срамить», *правтат ту* «оправдать», *тумит ту* «думать», *евит ту* «заявить», *шарит ту* «жарить», *слушит ту* «служить», *шутит ту* «шутить», *заводит ту* «заводить» и т. д. В «Словаре чувашского языка» Н. И. Ашмарина и в произведениях устного народного творчества встречается немало таких глаголов.

Неопределенная форма русского глагола + чувашский словообразовательный аффикс. Среди глаголов, в основу которых легли русские заимствованные слова, хотя и редко, но встречаются слова, созданные путем присоединения чувашских словообразовательных аффиксов к неопределенной форме русского глагола: *мешетле* «мешать», *шарикле*, *шаритле* «жарить», *тумитле*¹⁶ «думать», *калитле* «калить», *венчетлен* «венчаться» (венчать + лен > венчетлен), *евитле* «заявить» и т. п.

§ 4. Морфологическое освоение заимствований, принадлежащих к другим частям речи

Кроме существительных, прилагательных и глаголов, в чувашский язык в дооктябрьскую эпоху были заимствованы слова, принадлежащие и к другим частям речи: местоимениям, наречиям, частицам, союзам, междометиям и модальным словам.

Из русских местоимений в чувашский язык проникли лишь определительные: *самай*, *самай* «самый»; *весь* «весь»; *кашни* «каждый». Местоимения же, принадлежащие к другим разрядам (личные, возвратные, притя-

¹⁶ В некоторых говорах верхнего диалекта это слово употребляется и в настоящее время.

жательные, указательные, вопросительные, относительные, отрицательные и неопределенные), как правило, из одного языка в другой не заимствуются.

Необходимо заметить, что на почве чувашского языка каждый из приведенных здесь русских определительных местоимений способен принимать чувашскую усилительную частицу *-ах (-ех)*. А слово *самый* «самый», кроме того, способно принимать словообразовательный аффикс глагола *-лан*: *самайлан* «стать лучше, легче» и т. д. Обращает на себя внимание и то, что это слово в чувашском языке может употребляться в сочетании с глаголом, в значении наречия (*самаях юсанчĕ, лайăхланчĕ, тĕрекленчĕ, начарланчĕ* и т. д.).

Среди дооктябрьских русских заимствований встречаются и наречия: *чиччас* «сейчас», *луччă* «лучше», *тăрук* «вдруг», *ĕретĕм, ĕретĕн* «рядом», *вусех* «вовсе» и некоторые другие.

В словарном составе чувашского языка нередко встречаются и заимствованные частицы: *вăн* «вон», *вăт* «вот»; *тульăк, тольăк* «только»; *хăть* «хоть»; *айта* «айда»; *ни* «ну»; *но* «но»; *ăхă* «ага»; *нивушлĕ (невушлĕ, неушлĕ, ниушлĕ)* «неужели»; *ăрас (рас, расĕ)* «разве»; *авус, авос, вос* «авось»; *вĕт* «ведь»; *тăттă* «то-то»; *-тăк* «так» (напр., *ĕслес-тĕк ĕслес* «работать так работать»); *ни* «ни» и некоторые другие. Многие из этих заимствованных частиц на почве чувашского языка могут принимать разные чувашские аффиксы и, в результате, обрести новыми оттенками лексического значения. Так, например, некоторые частицы способны обрести недостаточным глаголом *-чĕ*: *нуччĕ, ахăччĕ, вĕтчĕ* и др. В данном случае недостаточный глагол *-чĕ* в значении частиц привносит оттенок желательности. Особо следует сказать о частице *ни*. И в русском, и в чувашском языках эта частица употребляется в значении усиления и отрицания. В первом случае она употребляется отдельно от того слова, к которому относится: *ни ты, ни я — ни эсĕ, ни эпĕ; ни дождя, ни солнца — ни сумаĕр сумасть, ни хĕвел пăхмасть*. Во втором случае частица *ни* слилась с самостоятельными словами, в основном с вопросительными местоимениями и вопросительными наречиями: *никто — никам, никогда — нихăсан, нигде — ниçта, никак — нимĕнле, ничто — нимĕн, ниоткуда — ниçтан* и многие другие. Как видим, с помощью заимство-

ванной русской частицы *ни* в чувашском языке создан целый ряд новых слов.

В числе дооктябрьских русских заимствований, кроме того, есть междометия, модальные слова, союзы, числительные: *ахти* «ахти», *отнаккă* «однако», *пирвай* «первый» и т. д.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

МОРФОЛОГИЧЕСКОЕ ОСВОЕНИЕ НОВОЗАИМСТВОВАНИЙ

Между морфологическим освоением слов, проникающих устным путем, т. е. через прямое общение, и слов, заимствуемых через печать, есть большая разница. Она заключается в том, что в первом случае это освоение носит неосознанный характер, любое иноязычное слово воспринимается в виде производного, корневого слова, поэтому словообразующие элементы, нередко меняя свой фонетический облик, в слове как таковом не выделяются. А во втором случае, т. е. при книжном заимствовании, морфологическое освоение иноязычных слов носит более осознанный характер, в результате чего словообразующие суффиксы, нередко и приставки, в составе слова выделяются довольно четко¹⁷. Это полностью касается и русских заимствований в чувашском языке. В советскую эпоху, когда русские слова заимствуются в чувашский язык в основном не через прямое общение, а книжным путем, морфологическое освоение их носит довольно осознанный характер, это накладывает определенный отпечаток на морфологическую форму заимствуемых русских и интернациональных слов.

Как отмечалось выше, в послеоктябрьский период, особенно с конца 30-х годов, начался более интенсивный процесс заимствования слов, большей частью терминов, выражающих новые понятия нашей действительности. Однако «заимствованный лексический материал, как бы он ни был многочислен и обилен, в этом случае об-

¹⁷ Так, например, русское слово *безответственность* на чувашский язык передается словом *ответсăрлăх*, в котором аффикс *-сăр* соответствует русской приставке *без-*, а *-лăх* — суффиксу *-ость*; такая передача объясняется тем, что в слове *безответственность* приставка и суффикс выделяются четко.

рабатывается согласно правилам и нормам системы языка, осваивающего или национализирующего этот материал»¹⁸.

Морфологический анализ русских и интернациональных заимствований показывает, что в послеоктябрьский период в чувашский разговорный язык проникли и проникают слова, принадлежащие почти ко всем частям речи. Однако следует заметить, что в чувашский литературный язык вошли и входят лишь существительные и прилагательные¹⁹, а слова, принадлежащие к другим частям речи, как-то: местоимения, наречия, частицы и др., в словарный фонд чувашского литературного языка в советскую эпоху вообще не проникают, они являются достоянием лишь разговорной речи некоторой части чувашского населения. В этом заключается одна из основных особенностей морфологического освоения русских и интернациональных заимствований советской эпохи в отличие от дооктябрьских, среди которых, как отмечалось выше, нередко встречаются наречия, частицы и др., проникшие в словарный состав не только разговорного, но и литературного языка.

В числе заимствований советской эпохи, как и дооктябрьской, наиболее многочисленную группу составляют имена существительные. Нет в чувашском языке такой области, в которой бы они не фигурировали.

§ 5. Имена существительные

В советскую эпоху в чувашский литературный язык заимствованы и заимствуются существительные всех типов, имеющих в русском языке, а именно: 1) корневые; 2) простые производные; 3) сложные; 4) сложносокращенные.

Заимствованные корневые существительные — это интернациональные слова, т. е. слова, проникшие и проникающие в чувашский язык через русский. Надо заметить, что среди заимствованных в советскую эпоху

¹⁸ В. В. Виноградов. Основные задачи советской науки о языке... Учпедгиз, 1952, стр. 24.

¹⁹ Глаголы типа *организациле* «организовать», *мобилизациле* «мобилизовать», *коллективизациле* «коллективизировать» — это не заимствованные глаголы, в них иноязычным материалом является лишь основа, а само слово в целом создано на базе чувашского языка.

корневых существительных собственно русских слов почти не встречается. Это объясняется тем, что в послеоктябрьский период в самом русском языке новые слова образуются, как правило, от имеющихся основ и корней посредством словообразовательных суффиксов и приставок, на что указывается в ряде работ, посвященных вопросу о развитии словарного состава русского языка в советскую эпоху²⁰.

Наиболее многочисленную группу заимствованных существительных составляют простые производные слова, ибо и в самом русском языке способ образования существительных данного типа в настоящее время является наиболее распространенным и продуктивным.

Русские простые производные существительные в чувашском языке морфологически оформляются двумя способами: одни из них, отбрасывая суффиксы и приставки, обрастают чувашскими словообразовательными аффиксами, а другие заимствуются в том же морфологическом составе, что и в русском языке.

Первый способ морфологического оформления заимствований был особенно продуктивен в 20-е и 30-е годы. Наиболее продуктивным из словообразовательных аффиксов, которые присоединялись к основам или корням русских и интернациональных заимствований, являлся аффикс лица *-сă*. Этим аффиксом оформлялись заимствованные существительные для обозначения названий лиц по их профессиям и по принадлежности к тому или иному политическому течению. Например: *ленинсă* «ленинец», *коммунсă* «коммунист», *комсомолсă* «комсомолец», *музыксă* «музыкант», *капиталсă* «капиталист», *тракторсă* «тракторист», *комбайнсă* «комбайнер», *металсă* «металлист», *мелльонсă* «миллионер» и многие другие. Как видим, берется любое русское существительное, обозначающее название лиц по их профессиям и по принадлежности к политическим течениям, образованное с помощью суффиксов, и последние, как правило, заменяют-

²⁰ С. И. Ожегов. К вопросу об изменениях словарного состава русского языка в советскую эпоху. Журн. «Вопросы языкознания», 1953, № 2; Егоров. Из истории слов социалистического общества. Доклады и сообщения (Институт языкознания), 1952, № 1; Егоров. Основные черты развития русского языка в советскую эпоху. Известия АН СССР, отделение языка и литературы, 1951, т. X, вып. I и др.

ся чувашским аффиксом лица -сă. Это заимствование моделей русских слов, т. е. калькирование.

С тридцатых годов нашего столетия подобные русские и интернациональные слова начинают употребляться двояко: во-первых, с чувашским аффиксом лица -сă и, во-вторых, в том же морфологическом составе, что и в русском языке, чему способствовало постоянное и более тесное общение чувашей с русскими, регулярное чтение русских газет, журналов и книг, радио, различные культурные и политические мероприятия, проводимые на селе (лекции, доклады, собрания, митинги и др.).

Параллельное употребление в печати русских суффиксов и чувашского аффикса -сă иногда имело место даже в одной и той же статье. Например: *Капиталсăсем* пире темён пек кураймасан та, эфир малаллах кайăпăр, эфир мар, *капиталистсем* хăйсем пётмелле («Канаш», 1930, январь). «Как бы ни ненавидели нас капиталисты, мы все равно пойдем вперед, не мы, а капиталисты сами должны погибнуть». Такое параллельное употребление русских суффиксов и чувашского аффикса -сă продолжалось до сороковых годов. А в настоящее время русские и интернациональные слова, обозначающие названия лиц по их профессиям и по принадлежности к тому или иному политическому течению, и в печати, и в разговорном языке употребляются как в оригинале, т. е. с русскими и интернациональными суффиксами: *марксист, коммунист, комсомолец, докладчик, парашютист, капиталист, империалист, тракторист, волейболист, баскетболист, физкультурник, комбайнер, машинист, артиллерист, танкист* и т. п. Примеры из периодической печати и художественной литературы: *Докладчик* промышленноса аталантарас... тёлёшпе комсомол умёнче тăракан задачăсем сінчен тёлён каласа панă (газета «Коммунизм ялавё», 1962, декабрь). Хулари *комсомолецсем*не пионерсем тăрăшине кура, Эль сыранё хёрринчи мергель, извеç, сланец... музее ситсе хисеплĕ вырăн йышăннă (А. Талвир). Брызгалов умне ротăри тутарсем, *украинецсем*, чăвашсем тухса тăчĕç (В. Краснов-Асли). *Хёр-плановик* кунта телефон трубкине сурса пăрахаслах суйхаша пуçлат (А. Эсхель). Пёр каласан, художникĕ те, сыруçi те, суфлерĕ те, артистĕ те, агитаторĕ те, *библиотекарĕ* те — йăлтах хам (А. Артемьев). Çакă вăл ку вăрçăра *гитлеровецсене* малтанхи хут вирлĕ çапни пулчĕ (С. Аслан).

Темиҗе минутран мотоциклист Таньёна Атал хёрне ситернёт... (К. Пайраш.)

Тенденция к принятию русских слов — названий лиц с русскими же суффиксами наблюдается не только в чувашском языке, но и в других тюркских языках. Исследователь киргизского языка И. Н. Бажина, например, замечает, что в киргизской периодической печати последних лет, в художественной, исторической и политической литературе наблюдается тенденция принимать русские названия лиц без преобразования, с русским же формантом. Если раньше в таких словах на киргизской почве русские суффиксы, как правило, заменялись киргизскими аффиксами *-чы (-чи)*, *-чу* (докладчик — докладчы, шахтер — шахтачы, тракторист — тракторчу), то в последние годы эти аффиксы в данном отношении стали менее продуктивными²¹. Такая же тенденция наблюдается в уйгурском языке. И. С. Исмаилов в кандидатской диссертации «Русско-советско-интернациональная лексика в уйгурском языке» (Л., 1953 г.) указывает на то, что здесь русские названия лиц также употребляются без изменений (напр., *извозчик, летчик, комсомолец, отличник, ударник, пожарник, дворник* и др.). А в татарском языке, как показывает просмотр ряда словарей, в русских названиях лиц суффиксы заменяются татарскими аффиксами *-чы (-че)*, например, *скрипач — скрипкачы, пулеметчик — пулеметчы, разведчик — разведканы, комбайнер — комбайнчы, ленинец — ленинчы, парашютист — парашютчы, паромщик — паромчы, физкультурник — физкультурачы* и т. д.²² Однако тенденция к принятию русских названий лиц с теми же суффиксами наблюдается в последнее время и в татарском языке, например, *артиллерист, коммунист, контролер, революционер, регистратор, журналист* и т. д.²³

Следовательно, сравнение фактов разных тюркских языков приводит нас к выводу, что в них в последнее время наблюдается тенденция к принятию русских названий лиц без изменений, с русским же формантом.

Однако анализ языка периодической печати, книг и брошюр на политические и научно-популярные темы по-

²¹ См. И. Н. Бажина. Русская лексика в современном литературном киргизском языке. Фрунзе, 1954, стр. 270—271.

²² См. Татарско-русский словарь. Казань, 1950.

²³ Там же.

казывает, что некоторые чувашские аффиксы все же проявляют продуктивность в образовании существительных от основ и корней русских и интернациональных слов. Такими аффиксами являются *-лӑх* (*-лӗх*) и *-сӑр+лӑх* (*-сӗр+лӗх*), посредством которых от русизмов и интернационализмов образуются существительные, выражающие отвлеченные понятия.

Уместно здесь заметить, что в этом отношении данный аффикс словообразования проявляет свою продуктивность и в других тюркских языках. Так, например, исследователь татарского языка С. А. Бурнашева пишет: «Аффикс *-лык* (*-лек*) образует имена существительные, выражающие отвлеченные, абстрактные понятия: *активлык* «активность», *саботажлык* «саботаж», *продуктлык* «продуктивность», *ударылык* «ударничество», *штурмчылык* «штурмовщина»²⁴. Можно привести множество примеров и из других тюркских языков, в которых данный аффикс также отличается своей активностью в создании новых слов от основ и корней русизмов и интернационализмов.

Словообразовательным аффиксом *-лӑх* (*-лӗх*) на чувашский язык передаются, как правило, русские суффиксы *-ность*, *-ие*, *-ство* и др.

Среди русских слов, суффиксы которых на чувашский язык передаются аффиксом *-лӑх* (*-лӗх*), наиболее многочисленную группу составляют существительные с суффиксом *-ность*, *-нность*. Например: дисциплинированность — *дисциплинӑлӑх*, коллективность — *коллективлӑх*, культурность — *культурлӑх*, абстрактность — *абстрактлӑх*, материальность — *материлӑх*, активность — *активлӑх*, оперативность — *оперативлӑх*, ответственность — *ответлӑх* и т. д.

На почве чувашского языка аффиксом *-лӑх* нередко заменяется суффикс *-ие*: безвластие — *влаҫсӑрлӑх*, беззаконие — *законсӑрлӑх*, бесправие — *правасӑрлӑх* и др.

Приведем также примеры на замену русского суффикса *-ство* аффиксом *-лӑх* (*-лӗх*): варварство — *варварлӑх*, дилетантство — *дилетантлӑх*, арендаторство — *арендаторлӑх*, пиратство — *пиратлӑх*, геройство — *герой-*

²⁴ С. А. Бурнашева. Влияние русского языка на развитие словарного состава татарского языка. Институт языкознания, «Доклады и сообщения», VIII. М., 1955, стр. 104.

лăх, мещанство — *мещенлăх* и т. д. Необходимо заметить в связи с этим, что суффикс *-ство*, выражающий значение собирательности, на чувашский язык передается и аффиксом множественного числа *-сем*: крестьянство — *хресченсем*, кулачество — *кулаксем*, учительство — *учительсем*, студенчество — *студентсем*, мещанство — *мещенсем* и т. д.

На почве чувашского языка замене чувашскими аффиксами подвергаются и некоторые русские приставки, в основном *без-* и *не-*. Здесь им, как правило, соответствует аффикс лишения *-сăр* (*-сёр*): безвластие — *влассăрлăх*, беззаконие — *законсăрлăх*, безыдейность — *идейăсăрлăх*, безответственность — *ответсăрлăх*, бесправие — *правасăрлăх*, безотчетность — *отчетсăрлăх*, бездефицитность — *дефицитсăрлăх*, неопытность — *опытсăрлăх*, неконкретность — *конкретсăрлăх*, некультурность — *культурăсăрлăх*, нематериальность — *материсёрлăх*, несимметричность — *симметриеёрлăх* и т. п.

В связи с этим следует обратить внимание на то, что интернациональные префиксы в большинстве своем на чувашский язык, как и на другие языки мира, не переводятся (ср. *агностик*, *антитезă*, *антициклон*, *аккредитив*, *неологизм*, *неодарвинист*, *неокантианец*, *неореализм*, *акклиматизаци* и др.).

Однако в некоторых русских словах интернациональные префиксы передаются чувашскими аффиксами и отдельными словами. Это, как правило, касается тех слов, в которых значение префиксов выражено яснее. Например: аполитичность — *политикасăрлăх*, антипартийность — *партиє хирёс пыни*, антимилитаризм — *милитаризма хирёс кёрешни* и др.

В настоящее время среди заимствований слова, употребляющиеся в чувашском языке, как и во многих языках народов СССР, с русскими и интернациональными суффиксами и префиксами, составляют абсолютное большинство. Это один из путей расширения общего лексического фонда национальных языков Советского Союза.

Следует заметить, что русские суффиксы существительных входят в чувашский язык лишь в составе русских и интернациональных слов, они не образуют новые слова от чувашских основ, ввиду этого их нельзя считать заимствованными элементами и словообразовательными аффиксами чувашского языка. Это касается также

суффиксов -ов (-ова), -ев (-ева), -ин (-ина), -ович (-овна), -евич (-евна), служащих для образования фамилий и отчеств (Петров, Петрова, Алексеев, Алексеева, Ильин, Ильина, Петрович, Петровна, Иванович, Ивановна, Алексеевич, Алексеевна и др.).

В советскую эпоху в чувашском языке под влиянием русского появились так называемые сложносокращенные слова.

На первых порах русские сложносокращенные слова на чувашский язык передавались следующим образом: словосочетание, путем сокращения которого образовано русское сложносокращенное слово, переводилось на чувашский язык и из начальных букв и слогов этих слов образовывалось чувашское сложносокращенное слово: *вулĕстăвком* «волисполком» (от *вулăри ёр тăвакан комитет*), *тĕпком* «центральный комитет» (от *тĕп комитет*), *РĕКС* «РКСМ» (от *Российăри Çамрăксен Коммунистла союзĕ*), *СКРС* «СССР» (от *Социализмлă Канаш республикисен Союзĕ*), *опĕтпайĕ* «областной отдел просвещения» (от *оплăри суртĕс пайĕ*). Приведем примеры из газет и журналов: Чĕмпĕр кĕпĕстăвком сĕмĕнче чăваш уйрăмĕ тунă («Еслекенсен сасси», 1922, № 4) «При Симбирском губисполкоме создан чувашский отдел». Халĕ опкомсемпе кĕпкомсем сĕмĕнче Чăваш сексийĕ пиллĕк («Еслекенсен сасси», 1922, № 1) «В настоящее время при обкомах и губкомах пять чувашских секций». Политграмота кружокĕсене РĕКС-ра тăракансене тата партире тăман хресченсене те кÿртес пулат («Канаш», 1923, № 15) «В кружки политграмоты надо вовлечь членов РКСМ, а также и беспартийных». ССРС Тĕпĕстăвкомĕ суртйĕр тăвас ёсе лайăхлатас тĕлĕшпе уйрăм постановлени кăларнă («Канаш», 1930, № 22) «ЦИК СССР принял специальное постановление об улучшении жилищного строительства».

Некоторые сложносокращенные слова в переводе на чувашский язык употреблялись и в разговорной речи чувашей, так как язык газет, журналов и книг оказывал и оказывает большое влияние на устную речь.

Такая практика передачи русских сложносокращенных слов на чувашский язык продолжалась вплоть до сороковых годов. А потом они начали употребляться в печати в том же построении, что и в русском языке. В настоящее время в чувашском литературном языке

абсолютное большинство сложносокращенных слов употребляется без изменений. Например: «Паян Ленин тӑвӑсем синчи пионерсемпе шул ачисен дворецӑнче **ВЛКСМ** Центральнӑй Комитетӑн II Пленумӑ ӗслеме пусланӑ. Кун йӑркинче пӑр ыйту — **КПСС** Центральнӑй Комитетӑн ноябрьти Пленумӑн ӗтоӗсем тата **ВЛКСМ** задачисем» (газета «Коммунизм ялавлӑ», 1962, № 297). «**СССР** Верховнӑй Советӑн иккӗмӗш сессийӑн материалӑсене, **КПСС** обкомӑн пленумӑ йышӑннӑ решенисене ял ӗсченӑсене тӑплӑн ӑнлантарса памалла» (газета «Ҫамрӑк коммунист», 1962, № 132). «Съездра пуринчен малтан обком секретарӑн е **Совнархоз** председателӑн сӑмахне итлени питӑ вырӑнлӑ пулӑччӑ» (альманах «Тӑван Атӑл», 1958, № 4). «**Райком** секретарӑ Макара ферманӑ илсе кайрӑ» (С. Аслан). «Вӑл хӑйне парторганизаци секретарӑ хушшинчи ӗсене лайӑхрах тавӑрса илӑшӑн» (А. Эсхель). «**Сурампус** ялӑнчен тепӑр сухрам ӑнатарӑхри ял **ГЭС** — Сурам таппинчи пӑрремӗш **ГЭС**» (Ю. Скворцов).

Русские сложносокращенные слова употребляются и в устной речи чувашей, о чем свидетельствуют следующие примеры: *Завхоз* вӑл тӑрӑ чонлӑ сын полтӑр, онсӑрӑн май килмест (из речи жителя дер. Хыркасы Чебоксарского района В. Емельянова) «*Завхоз* должен быть честным человеком, иначе нельзя». *Енер Шопашкарти универмага* ул валли пальто тоянтӑм (из речи жителя дер. Вускасы Чебоксарского района С. Дмитриева) «Вчера в Чебоксарском универмаге для сына купил пальто». *Шупашкар ГЭС*не тавасси синчен парти съездӑнче те каланӑччӑ (из речи жителя с. Кукушумы Вурнарского района М. Ананьева) «О строительстве Чебоксарской **ГЭС** было сказано и на партийном съезде».

Сложносокращенные слова входят в общий лексический фонд национальных языков СССР, многие из них стали интернациональными. Достаточно указать, что такие слова, как **КПСС**, **ЦК**, **СССР**, **РСФСР**, **США**, **обком**, **комсомол**, **колхоз** и многие другие прочно вошли в лексический фонд национальных языков СССР, в том числе и чувашского языка.

Характерно то, что в чувашский язык, как и во все другие языки народов Советского Союза, заимствованы и заимствуются сложносокращенные слова всех типов, наличествующих в русском языке.

В последнее время и в письменной, и в устной речи стали появляться сложносокращенные слова смешанного типа, которые образуются путем сложения чувашских и русских, нередко интернациональных слов. При этом заметим, что первые в составе сложносокращенных слов выступают, как правило, в полной форме: *Чăвашиздат* «Чувашиздат», *литпĕрлешÿ* «литобъединение», *политсехет* «политчас», *политвĕренÿ* «политучеба», *Чăвашпотребсоюз* «Чувашпотребсоюз», *Чăвашпромсовет* «Чувашпромсовет», *вĕрманпромхоз* «леспромхоз», *электронпăчка* «электропила», *электровĕй* «электросила» и другие.

Такие сложносокращенные слова представляют собою кальки с русских слов, так как они создаются путем буквального перевода последних, не нарушая порядка расположения компонентов в русском оригинале.

Необходимо заметить, что чувашские слова, как правило, употребляются в качестве компонентов сложносокращенных слов смешанного типа. А слоговые, в составе которых выступают сокращенные чувашские слова, единичны (напр., *райĕстăвком* «райисполком», *облĕстăвком* «облисполком»).

В образовании сложносокращенных слов подобного типа участвуют и русские слова, заимствованные в чувашский язык в дооктябрьскую эпоху и оформленные в соответствии с произносительными нормами чувашского языка. Так, например, в сложносокращенных словах *политшкул* «политшкола», *райхаçат* «райгазета», *авиашкул* «авиашкола», *автохуçалăх* «автохозяйство» второй компонент выступает в том фонетическом облике, в каком он заимствован в дореволюционный период.

Приведенные здесь сложносокращенные слова, один из компонентов которых в литературном языке переводится на чувашский язык или оформляется в соответствии со старыми произносительными нормами чувашского языка (*литпĕрлешÿ* «литобъединение», *политшкул* «политшкола», *автохуçалăх* «автохозяйство»), в разговорном языке употребляются без изменений, т. е. так же, как в русском языке. Однако было бы неправильным в языкотворчестве во всех случаях класть в основу разговорную стихию, так как она подчас не укладывается в нормы языка и нередко наносит ущерб национальной самобытности его. Возьмем для примера сложносокращенное слово *леспромхоз*. Если бы мы это слово упо-

требляли так же, как в русском языке, то это было бы игнорированием средств родного языка, так как первый компонент без ущерба смысла можно передать по-чувашски (*вӑрман*); это слово (*лес*) не употребляется самостоятельно не только в литературном, но и в разговорном языке чувашей. Такая передача несколько не затрудняет освоение смысла русского сложносокращенного слова *леспромхоз*.

Рассмотрев основные группы заимствованных существительных по морфологическим признакам, необходимо уяснить те наиболее характерные морфологические изменения, которым подвергаются русские слова на чувашской почве. Это тем более важно, что они дают понять, насколько устойчива морфологическая система языка.

Как отмечалось выше, одной из грамматических категорий, наличествующих в русском языке и отсутствующих в чувашском, является категория рода. Это накладывает определенный отпечаток на морфологическое освоение и новозаимствований.

Интересно проследить процесс морфологического оформления русских существительных на чувашской почве в отношении категории рода.

Существительные мужского рода с основой на твердые и мягкие согласные, в том числе и на «йот» (*й*), в чувашский язык заимствуются без каких-либо изменений: *план, бюджет, театр, техникум, спортсмен, совет, посол, лектор, семинар, волейбол, тетрадь, портфель, герой* и др. Кроме того, в русском языке имеется большой слой существительных мужского рода на *-ий*. Ввиду того, что в них категория рода сравнительно ясно выражена, то родовое окончание *-ий* в чувашском языке принимает усеченный вид: *рабочий — рабочи, заведующий — заведующи, служащий — служащи* и др.

Существительные женского рода в подавляющем большинстве своем оканчиваются на *-а (-я)*. Они, как правило, в чувашском языке сохраняют свое родовое окончание, ибо оно в слове как таковое выделяется менее четко, подобные существительные в чувашский язык проникают как корневые существительные, не распадающиеся на отдельные морфемы. Например: *шторӑ, грушӑ, задачӑ, техникӑ, физикӑ, политикӑ, практикӑ, критикӑ, бомбӑ, коммунӑ, награда, прокуратура, пропаганда*

и т. п.²⁵ В связи с этим заметим, что во многих таких существительных родовое окончание *-а* выражает не только грамматическое значение рода, но и соприкасается с лексическим значением слова. Если бы оно устранялось в таких словах, как *политикă, практикă, физикă, критикă* и др., то это повлияло бы на лексическое значение слова (ср. *политик* — человек, занимающийся политической, *практик* — *работник*, хорошо знающий свое дело на практике, *физик* — специалист по физике, *критик* — тот, кто занимается критикой).

В числе имен существительных женского рода имеется большая группа слов на *-и*, *-а*, которые в чувашском языке принимают усеченную форму *-и*, *-ай*, *-ой*: биография — *биографи*, бухгалтерия — *бухгалтери*, геология — *геологи*, геометрия — *геометри*, амнистия — *амнисти*, аллегория — *аллегор*, индустрия — *индустри*, инерция — *инерци*, интеллигенция — *интеллигенци*, интервенция — *интервенци*, инспекция — *инспекци*, столовая — *столовай* и др. Изменение родовых окончаний неодушевленных существительных женского рода объясняется тем, что в них род является чисто грамматической категорией, он не соприкасается с лексическим значением слова. Поэтому в чувашском языке, не знающем категории рода, в подобных существительных родовые окончания, выражающие лишь грамматическую категорию, всегда принимают усеченный вид.

В советскую эпоху лексика чувашского языка обогатилась существительными женского рода на *-кă* и *-цă*, обозначающих лиц женского пола: *активисткă* «активистка», *гражданкă* «гражданка», *учительницă* «учительница», *машинисткă* «машинистка», *комсомолкă* «комсомолка», *работницă* «работница», *патриоткă* «патриотка» и др. Как мы видим, эти слова в чувашский язык заимствуются с родовыми же окончаниями. Это также объясняется тем обстоятельством, что род в этих существительных является не чисто грамматической категорией, как в неодушевленных существительных, а лексико-грамматической, он соприкасается с лексическим значением слова. Однако надо заметить, что существительные женского рода на *-ка* и *-ца*, обозначающие названия лиц

²⁵ В чувашском языке конечные редуцированные гласные в заимствованных словах обозначаются буквой *ă* (ь).

женского пола, нередко передаются на чувашский язык аналитической формой, так как многие из них еще не совсем привычны для чувашского языка. Например: англичанка — *акӑлчан хӗрарӑмӗ (хӗрӗ)*, француженка — *француз хӗрарӑмӗ*, японка — *япони хӗрарӑмӗ*, монгол — *монгол хӗрарӑмӗ*, делегатка — *хӗрарӑм делегат*, писательница — *хӗрарӑм писатель*, фельдшерница — *хӗрарӑм фельдшер* и т. д.

В русском языке к существительным среднего рода относятся слова, оканчивающиеся на *-о (-е)*, и часть несклоняемых существительных. Подобные существительные в чувашский язык заимствуются с родовыми же показателями, так как в них последние не выделяются как таковые. Если бы на чувашской почве родовые окончания опускались, то это повлияло бы на семантику слова. Поэтому такие слова, как *звено, перо, агентство, посольствӑ, коммюнике, депо, пальто, такси* и др. в чувашском языке в начальной форме употребляются без каких-либо морфологических изменений, т. е. с родовыми же показателями.

Существительные среднего рода с родовыми окончаниями на *-(и)е*, как правило, в чувашском языке принимают усеченный вид: лезвие — *лезви*, решение — *решени*, постановление — *постановлени*, влияние — *влияни*, управление — *управлени* и т. д.

Следовательно, в отношении морфологического оформления русские и интернациональные слова с родовыми показателями можно разбить на две основные группы: а) слова, родовые окончания которых принимают усеченный вид и б) слова, полностью сохраняющие свои родовые показатели.

То, что в чувашском языке появилась большая группа русских слов с родовыми окончаниями, не дает ли основание сделать вывод об оформлении здесь категории рода? Проф. Н. К. Дмитриев по этому поводу пишет так: «Несколько замечаний требует вопрос о грамматическом роде. Совершенно верно, что чувашский язык относится к таким языкам, для которых эта категория нехарактерна. Таковы тюркские, финно-угорские, монгольские и другие языки. Но, с другой стороны, значительное пополнение чувашской лексики обозначениями женских профессий, связанных с неимоверным расширением этих профессий в реальной действительности Чувашии, ста-

вит вопрос о женском грамматическом роде в нынешний порядок дня»²⁶. Приведя целый ряд русских заимствованных слов, обозначающих женские профессии (*ударниця́, коммунисткя́, патриоткя́, студенткя́* и др.) и примеры на передачу русских форм женского рода аналитической формой (*пушкя́рт хёра́ймё*—башкирка, *взятка́ илекен хёра́йм*—взяточница, *мусульман хёра́ймё*—мусульманка и др.), проф. Н. К. Дмитриев пишет: «...из приведенных примеров, число которых можно значительно увеличить, вытекает такой вывод: оформление женского рода, можно сказать, стучится в двери чувашской грамматики и лексики. Намечаются определенные закономерности процесса, который идет дифференцированным порядком. На очереди стоит такое задание: изыскать четкие формулировки для каждого из этих случаев и снабдить их соответствующими этикетками, т. е. терминами»²⁷.

Проф. Н. К. Дмитриев совершенно прав, говоря, что чувашская лексика значительно пополнилась обозначениями женских профессий. Однако вывод, сделанный из этого на счет оформления в чувашском языке женского рода, на наш взгляд, не совсем правилен. Это подтверждается следующими обстоятельствами: во-первых, заимствованные и заимствуемые из русского языка обозначения женской профессии типа *ударниця́, учительниця́, комсомолкя́, партизанкя́* сами по себе еще не говорят о появлении в чувашском языке категории женского рода, так как родовые показатели *-ця́* и *-кя́* не образуют от чувашских основ обозначений женских профессий; во-вторых, род — это не синтаксическая, а морфологическая категория, поэтому и словосочетания типа *абхаз хёра́ймё* «абхазка», *монгол хёра́ймё* «монголка», *Мускав хёра́ймё* «москвичка», представляющие собой синтаксические единицы, не дают оснований вывода об оформлении в чувашском языке женского рода.

Как было подчеркнуто выше, одна из морфологических категорий, не полностью совпадающих в русском и

²⁶ Н. К. Дмитриев. Грамматическая терминология в учебниках родного языка (татарских, башкирских и чувашских). М., 1955, стр. 127.

²⁷ Там же, стр. 128.

чувашском языках,— это категория числа имен существительных.

Русские и интернациональные слова, заимствованные и заимствуемые в советскую эпоху, как и ранние заимствования, на чувашской почве строго подчиняются особенностям категории числа чувашского языка.

Это видно из следующих моментов:

1. Существительные, употребляющиеся в русском языке лишь в единственном числе, в чувашском способны принимать и форму множественного числа: шоссе — *шоссе, шоссесем*; кенгуру — *кенгуру, кенгурусем*; шимпанзе — *шимпанзе, шимпанзесем*; атташе — *атташе, атташесем*; клише — *клише, клишесем*; фойе — *фойе, фойесем*; меню — *меню, мёнюсем*; пальто — *пальто, пальтосем*; депо — *депо, депосем*; купе — *купе, купесем*; пианино — *пианино, пианиносем*; сельпо — *сельпо, сельпосем*; интервью — *интервью, интервьюсем*; коммюнике — *коммюнике, коммюникесем* и др.

2. Существительные, употребляющиеся в русском языке только в форме множественного числа, в чувашском морфологически оформляются двояко. Одни из них принимают форму единственного числа: консервы — *консерв*, шахматы — *шахмат*, шашки — *шашка*, макароны — *макарон*, Альпы — *Альп*, Пиренеи — *Пиреней*, Холмогоры — *Холмогор*, Дарданеллы — *Дарданел*, Карпаты — *Карпат* (ср. Карпат тавёсем «Карпатские горы»), Балканы — *Балкан*, чувяки — *чувяк*, кальсоны — *кальсон*, куранты — *курант*, панталоны — *панталон*, рейтузы — *рейтуз*, обои — *обой*, мемуары — *мемуар*, субтропики — *субтропик*, финансы — *финанс*, химикалии — *химикали*, шхеры — *шхер*, боеприпасы — *боеприпас*, каникулы — *каникул* и др. Для выражения множественности к ним прибавляется аффикс *-сем*: *курантсем, мемуарсем, каникулсем* и т. д. Другая группа существительных, употребляющихся в русском языке только в форме множественного числа, в чувашский язык заимствуется с грамматическим показателем множественного числа, хотя последний на чувашской почве лишается своего грамматического значения, поэтому подобные существительные для выражения множественности также принимают чувашский аффикс *-сем*. Например, русское существительное *ясли* в чувашском языке сочетается лишь со сказуемым в единственном числе: *ясли курăнать* «вид-

ны ясли». Можно привести ряд других слов: коньки — *коньки* (ед.), *конькисем* (мн.), духи — *духи* (ед.), *духисем* (мн.), туфли — *туфли* (ед.), *туфлисем* (мн.), шасси — *шасси* (ед.), *шассисем* (мн.) буржуа — *буржуа* (ед.), *буржуасем* (мн.) и т. д.

В том, что русский показатель множественного числа на чувашской почве теряет свое грамматическое значение, превращается в обычную фонему в слове, проявляется максимальная устойчивость морфологической системы чувашского языка.

К числу морфологических категорий, не полностью совпадающих в русском и чувашском языках, относится и склонение. Дело в том, что если в русском языке имеется большая группа несклоняемых существительных, то чувашский язык не знает этого явления: в его словарном составе нет ни одного существительного, которое бы не изменялось по падежам. Это один из показателей агглютинативности морфологического построения слова. Русские и интернациональные слова не составляют исключения в чувашском языке и в отношении склонения. Например: метро — *метрон*, *метрона*, *метроран*, *метросар*, депо — *депон*, *депона*, *депоран*, *депосар* и т. д.

Чувашскому языку, в отличие от русского, присуща категория притяжательности. Если в русском языке принадлежность выражается притяжательными местоимениями, аналитическим путем, то в чувашском языке для этого употребляются особые аффиксы, называемые *притяжательными*. На современном этапе развития чувашского языка наиболее употребительны аффиксы притяжательности третьего лица *-ё*, *-и*. Заимствованные русские слова на чувашской почве также принимают эти аффиксы. Русские существительные с конечным согласным и гласным *-и*, как и чувашские слова, принимают аффикс *-ё*, а с конечным гласным, за исключением *-и*, — аффикс *-и*: колхозник — *колхозникё*, председатель — *председателё*, митинг — *митингё*, театр — *театрё*, трактор — *тракторё*, налог — *налогё*, секретарь — *секретарё*, район — *районё*, революции — *революцийё*, практика — *практики*, экономика — *экономики*, характеристика — *характеристики*, ферма — *ферми* и т. д. В связи с этим необходимо заметить, что нарушение этого грамматического правила в области морфологического оформления заим-

ствований нередко ведет к искажению смысловой стороны слова. Проиллюстрируем это на примерах. Заимствованные слова типа *практикă, физикă, политикă, критикă* и др., как оканчивающиеся на *-ă*, по грамматическим правилам чувашского языка должны принимать аффикс притяжательности *-и*: *практики, физики, политики, критики* и др. Употребление в подобных словах аффикса *-ё* для выражения притяжательности было бы неправильным, так как этим искажался бы смысл слова (ср. *мир политикё* — политик мира, *атом физикё* — физик атома, *коммунизм строительствин практикё* — практик коммунистического строительства). Анализируя язык периодической печати, радиопередач и художественной литературы, автор данной работы не раз замечал такое неправильное употребление аффиксов притяжательности. Например: Совет Союзёй мир *политикё* пётём тёнчерё ёс сыннисене вай кўрет... (журн. «Ялав», 1962) «Мирная политика (досл. *политик мира*) Советского Союза придает силу трудящимся всего мира». Коммунизм строительствин *практикё* акă мён кăтартса парать... (альм. «Тăван Атăл», 1963) «Вот что показывает практика коммунистического строительства (досл. *практик коммунистического строительства*)».

§ 6. Имена прилагательные

Имена прилагательные, появившиеся в чувашском языке в советскую эпоху под влиянием русского языка, можно разбить на две основные группы. Первую группу составляют чисто заимствованные слова. В прилагательных же, относящихся ко второй группе, заимствованной является лишь основа, а словообразовательные аффиксы — чувашские, следовательно, подобные прилагательные создаются на чувашской почве.

Первая группа имен прилагательных сравнительно невелика. При этом надо заметить, что в советскую эпоху, в отличие от дореволюционной, в чувашский литературный язык русские качественные прилагательные не заимствуются, они встречаются лишь в разговорном языке чувашей (напр.: Вăл пит *живой* этем «Он очень живой человек». Ёнер *близки* йолташран сыру илтём «Вчера получил письмо от близкого товарища». Вăл *плохой* этемех мар «Он не так плохой человек» (записано у жителя дер. Вускасы Чебоксарского района С. Дмитриева).

В чувашский литературный язык в советскую эпоху заимствуются лишь относительные прилагательные. Их окончания на чувашской почве, как правило, принимают усеченную форму ввиду отсутствия в чувашском языке категории рода. Например: КПСС *Центральнăй* Комитетĕ, СССР *Верховнăй* Советĕ, *генеральнăй*, *Отечественнăй* Аслă вăрçă, *искусственнăй*, *капитальнăй* и др. Эти прилагательные не принимают чувашских аффиксов потому, что слово, от которого непосредственно образовано русское прилагательное, в русском языке, во-первых, отдельно, в значении существительного, не употребляется (*Центральный*—*централь*, *Верховный*—*верхов*) и, во-вторых, в отдельном употреблении его лексическое значение расходится со значением данного прилагательного (*генеральный*—*генерал*).

В связи с этим следует особо подчеркнуть, что в морфологическом оформлении русских прилагательных нельзя игнорировать грамматические средства чувашского языка и злоупотреблять русскими суффиксами, хотя бы в усеченной форме, что нередко имеет место в языке периодической печати, радиопередач, массово-политической, сельскохозяйственной, производственно-технической, научно-популярной и даже художественной литературы. Так, например, русское прилагательное *натуральное* (хозяйство) на чувашский язык нередко передается в форме *натуральнăй*, тогда как прилагательное *натуральный* образовано от существительного *натура*, значение которого не расходится со значением основы данного прилагательного, следовательно, оформление прилагательного *натуральный* на почве чувашского языка в виде *натурăллă* наиболее правильно. Подобные русские прилагательные, которые на чувашской почве неудачно оформляются морфологически, в языке печати встречаются нередко, напр.: *детекторнăй* приемник «детекторный приемник», *энергетически* техникум «энергетический техникум» (вместо *детекторлă* приемник, *энергетика* техникум).

Большинство русских относительных прилагательных, основы которых не переводятся на чувашский язык, оформляется с помощью чувашских словообразовательных аффиксов. Данный способ словообразования столь продуктивен, что язык периодической печати буквально пестрит подобными прилагательными. Например: Брест-

ра мир тавассине путлантарма хятланнă «сулахайри коммунистсем» *революциллĕ* сĕмахсемпе шавлани *социализмлă* революцишĕн сĕненлĕ, хăрушă пулнине Ленин уççăн кăтартса панă. *Капитализмлă* обществăра реакци хĕснине *буржуалла демократиллĕ* ирĕклĕхсене пўлсе пырасçĕ, *монополиллĕ* капитал влаçĕ сарăлнăсемĕн сарăлатă... пирĕн *социализмлă* обществăра *обществăллă* пуçарулăх ролĕпе пĕлтерĕшĕ пысăкран та пысăк вырăн йышăнать, *демократиллĕ* управлени формисем аталанса, лайăхланса пырасçĕ... Пирĕн çĕршывра *пролетарилле* демократи пĕтĕм халăхăн *социализмлă* демократийĕ пулса тăчĕ, *социализмлă* государствăлăх майĕпен *коммунизмлă* *обществăллă* самоуправление куçса пыратă («Коммунизм ялавĕ», 4 декабря 1962 г.).

Прилагательные от основ русских и интернациональных слов образуются посредством аффиксов *-лă(-лĕ)*, *-ла(-ле)*, *-ри(-ти)*, *-сăр(-сĕр)*.

С помощью аффикса *-лă(-лĕ)* образуются прилагательные, выражающие значение «имеющий что-либо, обладающий чем-либо». Например: *авторитетлă* комсомолец «авторитетный комсомолец»; *автономиллĕ* республика «автономная республика»; *дисциплиналлă* пионер «дисциплинированный пионер»; *индустриллĕ* çĕршыв «индустриальная страна»; *квалификациллĕ* рабочи «квалифицированный рабочий» и т. д.

Посредством словообразовательного аффикса *-ла(-ле)* от основ русских относительных прилагательных образуются слова со значением «подобный чему-либо, кому-либо»: *автоматла* çын «автоматический человек», *прозăлла* сăвă «прозаическое стихотворение» и т. п. В подобных словосочетаниях имя существительное выражает предмет, который может уподобляться предмету, выраженному основой прилагательного. Кроме того, аффикс *-ла(-ле)* присоединяется к основам тех русских прилагательных, которые в составе словосочетания выражают характер, присущий предмету, выраженному вторым компонентом словосочетания. Поясним это на примере словосочетания *социалистическое соревнование*: прилагательное *социалистическое* выражает характер соревнования (ср. *соревнование, носящее социалистический характер*). Если бы мы это словосочетание передали на чувашский язык изафетной конструкцией (*социализм йăрăгăвĕ «соревнование социализма»*), то

нарушился бы смысл русского оригинала. Поэтому подобные прилагательные следует передавать на чувашский язык в форме: имя существительное+аффикс *-ла(-ле)*.

К этой же группе русских относительных прилагательных можно отнести и такие, которые сочетаются с отглагольным существительным, выражающим действие, подобное действию другого предмета или лица. Например: бюрократическое указание—*бюрократла кӓтарту* (ср. товарищеское замечание—*юлташла асӓрхаттару, асӓрхаттарни*) и т. д. При этом следует подчеркнуть, что русские словосочетания, в которых второй компонент выражает действие предмета или лица, выраженного первым компонентом, т. е. существительным, на чувашский язык необходимо передавать изафетной конструкцией: Ленинское указание — *Ленин кӓтартӓвӗ*, редакторское замечание—*редактор асӓрхаттарӓвӗ (асӓрхаттарни)* и т. д.

Некоторые русские относительные прилагательные на чувашский язык передаются в форме: имя существительное+*-ри(-ти)*. Эти слова выражают время или место: *Октябрьти* аслӓ революции «Великая Октябрьская революция», *февральти* пленум «февральский пленум», *Горькири* автомобиль заводчӗ «Горьковский автомобильный завод», *Лондонри* канашлу «Лондонское совещание» и др.

Аффикс *-сӓр(-сӓр)* присоединяется к основам тех русских прилагательных, которые выражают неoblаdание: *классӓр* общества «бесклассовое общество», *плансӓр* хуҫалӑх «бесплановое хозяйство», *принципсӓр* сын «беспринципный человек», *идейӓсӓр* произведени «безыдейное произведение», *билетсӓр* пассажир «безбилетный пассажир» и т. д.

Все указанные выше чувашские словообразовательные аффиксы присоединяются к основам русских прилагательных. Однако в морфологическом оформлении русских прилагательных подчас допускаются ошибки, связанные с неправильным выделением в некоторых русских прилагательных основы, к которой должны присоединяться чувашские словообразовательные аффиксы. Вот некоторые характерные примеры: прилагательные *прогрессивный, агрессивный, федеративный, административный, агглютинативный* и другие подчас передают-

ся на чувашский язык в форме *прогрессивлă, агрессивлă, федеративлă, административлă, агглютинативлă*²⁸. Такое морфологическое оформление нельзя считать правильным, так как русские прилагательные образованы не от *прогрессив, агрессив, федератив* и т. д., а от *прогресс, агрессия, федерация* и др. Уместно здесь еще раз подчеркнуть, что одной из характерных особенностей чувашского языка, в отличие от русского, является агглютинативность морфологического построения. Как было сказано выше, всякое изменение формы слова в чувашском языке происходит путем прибавления к основе или корню слов разных словообразовательных и словоизменятельных аффиксов. Отсюда ясно, что русские прилагательные типа *прогрессивный, агрессивный* и др. следует передавать на чувашский язык в форме: основа (напр., *прогресс, агрессия*) + чувашский словообразовательный аффикс: *прогреслă, агрессивлă, федерацилă, агглютинацилă* и т. д.

Выше мы рассмотрели прилагательные, основы которых на чувашской почве обрастают чувашскими словообразовательными аффиксами, т. е. такие, которые на чувашский язык передаются в грамматической форме прилагательных же.

Многие русские прилагательные в составе словосочетаний на чувашский язык передаются именами существительными, т. е. без аффиксов прилагательных. Например: Советский Союз—*Совет Союзё*, педагогический институт—*педагогикă институтчĕ*, партийный билет—*парти билечĕ*, финансовый отчет—*финанс отчетчĕ*, колхозное собрание—*колхоз пухăвĕ*, Октябрьский праздник—*Октябрь уявĕ*, профсоюзная организация—*профсоюз организацийĕ*, комсомольская организация—*комсомол организацийĕ*, Московский университет—*Мускав университетчĕ*, историческая тема—*истори теми* и др.

Приведенные здесь словосочетания являются изафетными. В чувашском языке, как и в других тюркских языках, изафет (дословно «соотношение, связь») представляет собою наиболее продуктивный тип словосочетаний. Так, например, Н. К. Дмитриев замечает, что «...на описанной конструкции (изафетной.—А. Г.) строится вся

²⁸ См. Русско-чувашский словарь. М., 1951.

чувашская терминология: общественная, государственная, научная, грамматическая, школьная»²⁹.

В чувашском языке, как и в других тюркских языках, категория относительных прилагательных развита гораздо слабее, чем в русском. На это обратил внимание и Н. К. Дмитриев. «Исключая относительные прилагательные,— пишет он,— обозначающие характеристику предмета по его местонахождению или времени (например, *ял-ти*—деревенский, *ёнер-хи*—вчерашний) и немногих других, своих и заимствованных, относительные прилагательные в чувашском языке, можно сказать, отсутствуют. Это нетрудно установить по русско-чувашским словарям.

Например, в чувашском языке есть слова: «гора», «лес», «море», «птица», «рыба», «железо», «медь» и т. д., но формально нет слов «горный», «лесной», «полевой», «морской», «птичий», «рыбий», «железный», «медный» и т. д. Такие соотношения, когда вместо качественной оценки (квалификации) предмета дается только указание на его связь (соотношение) с другим предметом, по-русски передаются сочетанием «относительное прилагательное+существительное» (железная дорога, морская вода), а по-чувашски и вообще в тюркских языках — сочетанием двух существительных — *чулун сул*, *тинёс шывё* (т. е. *железо-дорога*, *море-вода* и т. д.). В грамматике других тюркских языков это сочетание называется *изафетом*»³⁰.

Этим объясняется то, что русские относительные прилагательные на чувашский язык нередко передаются именами существительными. Однако, как показывает анализ языка периодической печати, художественной, массово-политической, сельскохозяйственной литературы, в области морфологического оформления заимствований *изафетный* тип словосочетаний подчас игнорируется. Это выражается в том, что многие русские словосочетания, одним из компонентов которых является относительное прилагательное, на чувашский язык нередко передаются в том же построении, что и в оригинале, т. е. в форме: прилагательное+существительное, хо-

²⁹ Н. К. Дмитриев. Грамматическая терминология в учебниках родного языка, стр. 123.

³⁰ Там же, стр. 120.

тя им в чувашском языке в большинстве случаев соответствует изафетная форма.

На это обращают внимание и некоторые другие языковеды. Так, например, Н. А. Андреев замечает следующее: «Вопросы чувашских имен прилагательных нередко рассматриваются с точки зрения русской грамматики, что влечет неправильные суждения. Например, существует мнение, что русские прилагательные должны передаваться на чувашский язык обязательно в форме прилагательных. Этот принцип распространяют не только на прилагательные, переводимые с русского языка, но и на чувашские, например: *воспитанилле ёс, агротехникӑлла ёс, хуҫалахла ёс, ведомствӑлла интерес*, вместо *воспитани ёсё, хуҫалах ёсё, ведомствӑ интересё*»³¹.

Трудно, даже невозможно перечислить хотя бы основные группы русских словосочетаний типа прилагательное+существительное, которые следует передавать на чувашский язык изафетной конструкцией, так как последняя выражает разнообразные отношения между предметами и явлениями. Некоторая часть работников периодической печати, писателей, учителей и др. склонна думать, что изафетное словосочетание выражает лишь конкретную принадлежность одного предмета другому. Отсюда делается вывод, что почти все русские словосочетания данного типа, за исключением тех, компоненты которых выражают принадлежность предметов, следует передавать на чувашский язык словосочетаниями типа прилагательное+существительное. Таким образом, синтаксические функции изафета намного суживаются ими, что отражается в морфологическом оформлении русских словосочетаний. Так, например, словосочетание *сил арманё* «ветряная мельница» не выражает принадлежности мельницы ветру, однако синтаксическая связь между компонентами данного словосочетания выражена изафетной конструкцией.

Для того, чтобы установить, какие русские словосочетания типа прилагательное+существительное нужно передавать на чувашский язык изафетной конструкцией, следует перечислить основные группы словосочетаний, которым соответствует не изафет, а другие типы слово-

³¹ Н. А. Андреев. Имя прилагательное. «Материалы по грамматике современного чувашского языка». Ч. I, Чебоксары, стр. 62.

сочетаний, так как первые легче сгруппировать в семантическом отношении, чем последние.

К ним относятся словосочетания, первый компонент которых (прилагательное) выражает значения: а) обладание чем-нибудь; б) подобие чему-либо, кому-либо; в) характер, присущий чему-либо, кому-либо; г) необладание; д) время и место.

Кроме того, к подобным словосочетаниям следует отнести и такие, первый компонент которых (прилагательное) передается в чувашском языке аналитически. Это в основном прилагательные, которые содержат префиксы. Например: *внеклассная работа* — *клас тулашёнчи ёс*, *антиимпериалистический лагерь* — *империализма хирёс тӓ-ракан* (*хирёс пыракан, кёрешекен*) *лагерь*, *заокеанская страна* — *окаен лешёнчи сёршыв* и т. д.

Словосочетание, первый компонент которых обозначает материал, из которого сделан или состоит тот или иной предмет, на чувашский язык передается словосочетанием, оба компонента которых выступают в начальной форме: *байковое одеяло* — *байкӓ утиял*, *материальный мир* — *матери тӓнче* и др. (ср. чув. *юман сётел* «дубовый стол», *ылтӓн сёрё* «золотое кольцо», *йывӓс кӓрепле* «деревянные грабли» и т. д.).

Здесь мы перечислили те русские словосочетания типа прилагательное + существительное, которые передаются на чувашский язык не изафетом, а иными конструкциями.

Все другие словосочетания данного типа следует передавать на чувашский язык изафетом (существительное в основном падеже + существительное с аффиксом притяжательности).

Единственно правильная форма передачи таких словосочетаний, как *экономическое совещание, хозяйственная политика, воспитательная работа, политическая литература, политическая работа* и многие другие, — это изафетная конструкция: *экономика канашлавӗ, хушалах политики, воспитани ёсӗ, политика литературы* и т. д.

§ 7. Глагол

В дооктябрьскую эпоху глаголы, образованные от русских слов посредством чувашских словообразовательных аффиксов, исчислялись единицами (*евитле* «зая-

вить», *шаритле* «жарить», *мешетле* «мешать» и др.). Любопытно отметить, что подобные глаголы выражали понятия, связанные лишь с бытовой жизнью. В советскую эпоху чувашская лексика пополнилась множеством глаголов, образованных данным способом и выражающих широкий круг понятий.

Глаголы, в образовании которых участвуют русские и интернациональные слова, можно разделить на три группы.

Первую, довольно многочисленную группу составляют глаголы, образованные от русских существительных посредством чувашских словообразовательных аффиксов *-ла(-ле)*, *-лан(-лен)*, *-лат(-лет)*.

Вторую группу представляют глаголы, образованные при помощи русских существительных и чувашского вспомогательного глагола *ту* «делать».

Третья, наиболее многочисленная группа представлена глаголами, образованными от формы русского инфинитива и чувашского вспомогательного глагола *ту* «делать» и употребляющимися лишь в разговорной речи.

1. Глаголы первой группы типа *организациле* «организовать», *коллективизациле* «коллективизировать», *мобилизациле* «мобилизовать» образованы по аналогии с чувашскими глаголами *ёсле* (*ёс* «работа» + *ле*) «работать», *савала* (*сава* «рубанок» + *ла*) «строгать», *юрла* (*юрä* «песня» + *ла*) «петь». Глаголы данного типа стали широко употребляться в чувашском языке в 20-х годах нашего столетия. Приведем примеры из газет и журналов того периода: *Эпир вәрса хирёс протестлетнёр* («Канаш», 1920, февраль) «Мы протестуем против войны». *Сурт-йёр тавас ёсе ытларах механисатсилемелле* («Канаш», 1930, № 1) «Надо больше механизировать строительство домов».

В настоящее время в чувашском языке глаголы, образованные данным способом, исчисляются сотнями. Например: *бойкотла* «бойкотировать», *дезорганизациле* «дезорганизовать», *демобилизациле* «демобилизовать», *индустриализациле* «индустриализировать», *электрификациле* «электрифицировать», *эксплуатациле* «эксплуатировать», *классификациле* «классифицировать», *колонизациле* «колонизировать», *концентрациле* «концентрировать», *критикле* «критиковать», *ответле* «отвечать», *премиле* «премировать», *рационализациле* «рационализи-

ровать», *ратификациле* «ратифицировать» и многие другие.

Основы некоторых русских слов на почве чувашского языка обрастают чувашским словообразовательным аффиксом *-лат*: *машинáлат* «машинизировать», *культура́лат* «сделать более культурным» и некоторые другие.

С помощью аффиксов *-ла(-ле)* и *-лат(-лет)* образуются глаголы действительного залога, обозначающие действие, направленное на объект.

К основам некоторых русских глаголов присоединяются аффиксы, образующие глаголы возвратного залога. Наиболее продуктивным из них является аффикс *-лан(-лен)*. Например: *индустри́лен* «индустриализироваться», *квалификаци́лен* «квалифицироваться», *организа́цилен* «организоваться» и другие. Подобные глаголы возвратного залога способны дополнительно обраться и аффиксом повелительного залога *-тар(-тер)*: *организа́цилентер* «заставить организоваться» и т. д.

2. Русские глаголы, передающиеся в чувашском языке словосочетанием типа имя существительное + чувашский вспомогательный глагол *ту* «делать», т. е. аналитически, в чувашском языке немногочисленны: *анализ ту* «анализировать, сделать анализ», *агита́ци ту* «агитировать», *репети́ци ту* «репетировать», *бойко́т ту* «бойкотировать» и некоторые другие.

3. В разговорной речи широко употребляются глаголы, передающиеся на чувашский язык словосочетанием типа русский инфинитив + чувашский вспомогательный глагол *ту* «делать»: *организовать ту* «организовать», *снимать ту* «снимать», *переводить ту* «переводить», *отдыхать ту* «отдыхать», *освободить ту* «освободить», *понимать ту* «понимать», *мобилизовать ту* «мобилизовать», *наградить ту* «наградить» и т. п.³² Подобные глаголы можно разделить на две группы. Первую группу составляют

³² Интересно заметить, что подобная глагольная форма продуктивна и в других тюркских языках. Так, например, С. А. Бурнашева в вышеназванной статье пишет: «Довольно распространенным типом новых глаголов становятся составные глагольные формы, образованные сочетанием русского инфинитива и татарского вспомогательного глагола *итү* «делай»: *маскировать иту* «маскировать», *пикировать иту* «пикировать», *командировать иту* «командировать», *мобилизовать иту* «мобилизовать» и т. п. (стр. 106).

глаголы, основы которых на чувашский язык не переводятся, а в литературном языке принимают чувашский словообразовательный аффикс *-ла (-ле)*: *организовать ту — организациле, мобилизовать ту — мобилизациле, регистрировать ту — регистрациле* и т. д. Любопытно отметить, что глаголы типа *критиковать ту* «критиковать», *премировать ту* «премировать» в разговорной речи чувашей более употребительны, чем их морфологические дублиеты *критикле, премиле* и др. Это объясняется тем обстоятельством, что подобное морфологическое оформление русизмов представляет собою более легкий способ морфологического освоения русских глаголов. Поясним это на примере *мобилизовать ту*. Для образования глагола *мобилизациле* надо знать основу, от которой образован глагол *мобилизовать*. Это, несомненно, труднее, чем употребление русского глагола в форме инфинитива в сочетании с чувашским вспомогательным глаголом *ту* «делать».

Вторую группу составляют глаголы, употребляющиеся при наличии адекватных им по смыслу чувашских глаголов: *освободить ту — хӑтар, принимать ту — йышӑн, отдыхать ту — кан, мешать ту — кансӑрле, понимать ту — ӑнлан, проверить ту — тӑрӑсле, звонить ту — шӑнкӑравла, руководить ту — ертсе пыр* и т. д.

Широкое употребление подобных глаголов в устной речи объясняется повседневным тесным общением чувашей с русскими. Здесь уместно заметить, что проникновению этих глаголов в устную речь чувашей также во многом способствуют отдельные лекторы, докладчики, учителя, недостаточно владеющие чувашским литературным языком.

Автором настоящей книги дословно записана следующая фраза из лекции, прочитанной одним лектором для членов сельхозартели «Знамя труда» Чебоксарского производственного управления: «Хамӑр умри задачӑсене пурнӑҫлас тесен, чи малтан колхозниксене ёҫе мобилизовать тумалла, дисциплинӑна нарушать тӑвакансене ҫирӑп наказать тумалла». Перевод: «Для того, чтобы выполнить стоящие перед нами задачи, надо мобилизовать колхозников, а нарушителей дисциплины — строго наказывать».

Подобные глаголы стали появляться в последнее время и в языке художественной литературы. Писатели осо-

бенно часто употребляют их в диалогах и мотивируют это необходимостью раскрытия специфических особенностей речи отдельных героев. Надо подчеркнуть, что злоупотреблять несвойственными чувашскому языку грамматическими формами, каким является русский инфинитив, не следует, так как это портит, засоряет язык.

ГЛАВА ПЯТАЯ

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ОСВОЕНИЕ РУССКИХ И ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ

Слова, заимствуемые из одного языка в другой, подвергаются заметным семантическим изменениям, заключающимся главным образом в сужении или расширении лексического значения слова.

Большинство слов любого языка в мире многозначно. При заимствовании слов из одного языка в другой очень редки случаи, когда многозначное слово проникает из одного языка в другой в том же семантическом объеме, т. е. с сохранением всех своих лексических значений.

Анализ семантической стороны русских слов, вошедших в лексику чувашского языка, показывает, что абсолютное большинство их заимствовано и заимствуется с изменениями семантического характера.

Как было показано выше, характер заимствования (устное или книжное) накладывает определенный отпечаток на фонетическое и морфологическое освоение русских заимствований. В этом отношении не составляет исключения и семантическое освоение русизмов и интернационализмов. Если при устном заимствовании, как мы увидим дальше, целый ряд русских слов на чувашской почве лишился своего первоначального лексического значения и приобрел совершенно новое, то при книжном заимствовании этого, как правило, не наблюдается. Необходимо заметить также, что и случаев расширения семантического объема встречается намного меньше, чем при устном.

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ОСВОЕНИЕ СТАРОЗАИМСТВОВАНИЙ

Среди дореволюционных русских заимствований выделяется группа слов, проникших в словарный состав чувашского языка в том же семантическом объеме. Это

в основном слова, которые в русском языке имеют не более одного лексического значения. Однако таких слов сравнительно немного. Слова же одного языка проникают в другой, как правило, с прямым значением, но иногда, в силу необходимости, усваиваются и с переносным.

Дореволюционные русские заимствования на чувашской почве подвергались следующим изменениям семантического характера:

- а) сужение семантического объема;
- б) расширение семантического объема;
- в) утрата исходного лексического значения и приобретение нового.

§ 1. Сужение семантического объема русских заимствований

Явление это заключается в том, что в силу определенных условий заимствования русские слова в чувашском языке утрачивают некоторые свои значения.

Семантическая характеристика русских заимствований показывает, что абсолютное большинство их в чувашский язык проникло именно с сужением своего лексического значения. В числе подобных заимствований имеются слова, принадлежащие почти ко всем частям речи (существительные, прилагательные, наречия, союзы и др.).

Что же лежит в основе сужения семантического объема заимствованных слов, почему некоторые значения их на почве заимствующего языка, как правило, утрачиваются? Это объясняется целым рядом обстоятельств, наиболее характерными из которых являются следующие: 1) некоторые лексические значения заимствований утрачиваются потому, что для выражения их в заимствующем языке имеются соответствующие слова; 2) нередко случаи, когда отдельные значения утрачиваются в силу отсутствия необходимости в самих этих понятиях.

Одним из характерных примеров сужения семантического объема русских слов на чувашской почве является слово *хитре* «красивый» (от русск. *хитрый*). На первый взгляд кажется странным, что оно восходит к

русскому *хитрый*, так как в настоящее время последнее в русском языке употребляется главным образом в значении «изворотливый, неискренний, идущий не прямыми, обманными путями к достижению чего-нибудь». Не приобрело ли русское слово *хитрый* в чувашском языке совершенно новое лексическое значение («красивый, прекрасный»), утратив свое, исконное («изворотливый, неискренний»)? Нет, это не так. Слово *хитрый* в древнерусском языке имело целый ряд лексических значений: 1) искусный; 2) творческий; 3) художник; 4) знающий, сведущий; 5) ученый; 6) мудрый; 7) разумный; 8) хитрый (в значении «изворотливый».—А. Г.); 9) замысловатый; 10) благопристойный¹. Заметим здесь, что значение «искусный» (в чув. соответственно *хитре*) проф. Д. Н. Ушаков ставит на первое место, так как слово *хитрый* в древнерусском языке употреблялось главным образом в этом значении. Отсюда вполне понятно, что оно и в чувашский язык проникло именно в данном лексическом значении. А другие значения в чувашский язык не были заимствованы. Лишь в некоторых говорах слово *хитре* употребляется еще в значениях «хитрый», «хитрость»². Таким образом, русское заимствованное слово *хитрый* в чувашском языке намного сузило свое лексическое значение. Утрата других лексических значений объясняется, видимо, тем, что, во-первых, у чувашей не было самих понятий, которые обозначало данное слово (творческий, художник, ученый), во-вторых, в чувашском языке имелись природные слова для выражения некоторых лексических значений слова «хитрый» (мудрый — *а́сла*, хитрый — *чее*, благопристойный — *йёркеллӗ* и др.).

К группе русских слов, заимствованных в чувашский язык с сужением своего семантического объема, относится также и слово *пӑшал* «ружье» (от русск. *пищаль*). В «Словаре русского языка» С. И. Ожегова (М., 1953) указано лишь одно значение этого слова: старинная пушка или тяжелое ружье³. Однако в древнерусском языке оно употреблялось и в значении «дуда, сопель, свирель»⁴, которое в чувашский язык не заимствовано. Здесь

¹ См. Толковый словарь. Сост. Д. Н. Ушаков. Т. II, 1938.

² См. Чувашско-русский словарь. М., 1961, стр. 503.

³ Стр. 470.

⁴ См.: Толковый словарь русского языка. Сост. В. И. Даль. Т. III, стр. 114.

слово *пайшал* обозначает лишь огнестрельное оружие.

Нет сомнения, что в чувашском языке сузило свой семантический объем также слово *йсла* (от русск. *сусло*). В древнерусском языке «сусло» имело ряд лексических значений: 1) сладковатый навар на муке и солоде; 2) густоватая жидкость, представляющая собой не перебродивший отвар крахмалистых и сахаристых веществ (злаков, картофеля), из которых выгоняется спирт и выделяется пиво; 3) сок из отжимаемого винограда; 4) чересчур сладкий напиток, питье; 5) перен. вялый, плохой человек и др. Интересно заметить, что это слово в чувашском языке употребляется лишь в первом и втором значениях, а другие лексические значения не заимствованы. Слово *сусло* на чувашской почве указанного выше третьего значения (сок из отжимаемого винограда) лишилось, видимо, потому, что в то время чувашки не имели даже представления о винограде. Для выражения четвертого значения (чересчур сладкий напиток, питье) в чувашском языке имелись соответствующие слова (*тутлай шыв*, *пылак шыв*). Этим же обстоятельством, надо полагать, объясняется и то, что на чувашской почве слово *йсла* в значении «вялый, плохой человек» не употребляется (ср. *сӳрӗк сын*, *мӑран сын*, *лӳппер сын*, *япӑх сын*, *усал сын* и т. д.).

Интересно семантическое освоение заимствованного русского слова *чисти* (от русск. *чистый*), которое употребляется лишь в разговорном языке. В русском языке слово *чистый* имело и имеет целый ряд значений. Например: освобожденный от грязи, не имеющий грязи (*чистая сорочка*, *чистое окно*); нравственно безупречный, честный, правдивый, беспорочный (*с чистой совестью*, *чистая душа*); с открытой, незанятой поверхностью (*чистое поле*, *чистое небо*); о работе: требующий какой-нибудь квалификации, менее тяжелый (*поступил на чистую работу*); не содержащий ничего постороннего, дополнительного, никаких примесей (*чистое золото*, *чистый спирт*); совершенный, самый настоящий (разг.) (*чистый вздор*, *чистая случайность*) и т. д.⁵ Слово *чисти* в чувашском языке употребляется лишь в одном из этих перечисленных лексических значений, а именно: самый настоя-

⁵ См. В. И. Даль. Толковый словарь, Т. IV, стр. 606—607. С. И. Ожегов, Словарь русского языка, 1953, стр. 819—820.

ший, напр., *чисти ухмах* «самый настоящий дурак». В чувашском языке оно употребляется еще в значениях «точь-в-точь», «как две капли воды», «вылитый», напр., *чисти хатёрленсе сит* «полностью приготовиться», *чисти ашшĕ пекех сак ача* «этот мальчик — вылитый отец»⁶.

В русском языке слово *батюшка* имело и имеет следующие лексические значения: 1. Отец (с оттенком почтительности; устар.). Пришел он к моему покойному батюшке и говорит... Тргив. 2. Священник (с оттенком вежливости, у верующих). 3. Вообще форма ласково-фамильярного обращения к собеседнику; то же, что батенька (простореч. устар.). А ты, мой б., (батюшка. — А. Г.) неизлечим... Грбдв. Батюшки (мои)! (разг.) — восклицание изумления или испуга. По батюшке (звать) (разг. устар.) — по отчеству. Как вас по батюшке? Моего отца по батюшке звали Васильевич»⁷. В чувашском языке слово *пачăшкă* «батюшка» употреблялось и употребляется преимущественно верующими в значении «священник». Например: «Паян чиркĕре полтăм. Халь онта сене пачăшкă ёслет»⁸. Перевод: «Сегодня была в церкви. Сейчас там работает новый священник». Слово *пачăшкă* употребляется в значении «священник» и в литературном языке. В разговорной речи верховых чувашей русское слово «батюшка», кроме того, употребляется в форме *паччюшки*. Оно выражает восклицание изумления или испуга. Например: *Паччюшки, мĕн полчĕ вара санпа?*⁹ «Батюшки мои, что случилось с тобой?» На почве чувашского языка слово *пачăшкă* в значении «отец» и как форма ласково-фамильярного обращения к собеседнику не употребляется, т. е. оно сузило свое лексическое значение. Это, видимо, объясняется наличием в самом чувашском языке слова для выражения понятия «отец» — *атте*.

Среди русских заимствований имеется ряд слов, подвергшихся в результате сужения значения фонетической дифференциации. Поясним это на примерах слов *доктор* и *ядро*.

⁶ См.: Чувашско-русский словарь, стр. 541.

⁷ Толковый словарь. Сост. Д. Н. Ушаков, Т. I, стр. 96.

⁸ Записано у жительницы дер. Вускасы Чебоксарского района А. Шерстяковой.

⁹ Записано у жительницы дер. Иштерекасы Чебоксарского района А. Башмаковой.

В русском языке слово «доктор» употреблялось и употребляется в двух значениях: 1. Высшая ученая степень, присуждаемая научными учреждениями. 2. Врач (разг.). В чувашском же языке *тухтӑр* (от «доктор») выражает лишь второе значение. Сужение лексического значения слова «доктор» объясняется тем, что в разговорном языке местного русского населения слово *доктор* в первом значении почти не употреблялось. Кроме того, и носители чувашского языка не нуждались в слове *доктор* в этом значении, так как они были темными, забитыми, не имели даже представления о науке, тем более о степени доктора наук. Лишь в советскую эпоху, когда в Чувашии, как и во всех других национальных республиках и областях, совершилась культурная революция, в чувашский язык было заимствовано слово *доктор* в значении «высшая ученая степень, присуждаемая научными учреждениями». Интересно заметить здесь, что слово *доктор*, заимствованное в чувашский язык в советскую эпоху, также сузило свое значение: оно в значении «врач» не употребляется, так как для этого имеется слово *тухтӑр*, заимствованное еще в дооктябрьскую эпоху. Таким образом, в результате сужения значений на почве чувашского языка произошла фонетическая дифференциация русского слова *доктор*.

К подобного рода русским заимствованиям относится и слово *йётре* (от русск. *ядро*). В русском языке *ядро* имеет целый ряд значений: 1. Внутренняя часть плода, семя, заключенное в твердую оболочку (напр., *ядро ореха*). 2. Внутренняя, центральная часть чего-нибудь (напр. *ядро древесины, ядро земли, ядро атома*). 3. Важнейшая часть клетки животного и растительного организма (спец.). 4. перен. Основная часть какого-нибудь коллектива, группы (напр., *ядро партии, ядро рабочего класса*). 5. Старинный орудийный снаряд в виде шара. 6. Большой чугунный шар, служащий для спортивных упражнений в метании. 7. Украшение (каменные ядра на воротных столбах). 8. Дерево (стар. *шегла, щегла*). 9. Лучший (*ядро мыло*, или *ядровое мыло*, т. е. лучшее мыло). 10. Полный, здоровый, крепкий, матерый, плотный, сбитый (напр., *ядреный лес, бревна, ядреный скот; ядреный парень, девка; ядреный старик*, т. е. еще свежий, бодрый). 10. Сочный, свежий, не вялый, не дряб-

лый (напр., *ядренная репа, редька, капуста*) и др.¹⁰ Это слово в чувашский язык в дооктябрьскую эпоху заимствовано лишь в значениях «пушечное ядро, дробь» (для ружья) (ср. *тупă йётри, пайшал йётри*)¹¹. То, что другие значения в чувашский язык не заимствованы, объясняется наличием в словарном составе чувашского языка соответствующих слов для их выражения (ср. *майăр тешши, йывăç варри, сёр варри, тён пай* и т. д.). В советскую эпоху это слово в чувашский язык проникло в той же форме, что и в оригинале, но в значениях «важнейшая часть клетки животного и растительного организма» и «внутренняя, центральная часть атома»; *клеткă ядри* «ядро клетки»; *атом ядри* «ядро атома»¹². А для обозначения пушечного ядра и дроби употребляется старозаимствование *йётре*. Следовательно, мы имеем дело опять-таки с фонетической дифференциацией русского заимствования в связи с сужением его лексических значений на почве чувашского языка.

§ 2. Расширение семантического объема заимствований

Расширение семантического объема заимствований заключается в том, что иноязычное слово на почве заимствующего языка приобретает дополнительные лексические значения.

В лексике чувашского языка много подобных русских слов. Чем же объясняется способность заимствований к расширению своего семантического объема? Русское слово, проникая в чувашский язык, в результате частого употребления носителями последнего начинает обозначать и другой предмет, явление и т. д., которые имеют какой-то схожий признак.

Проиллюстрируем это на некоторых характерных примерах.

В русском языке *обед* обозначает прием пищи, обычно приуроченный к середине дня, в отличие от завтрака и ужина, а также самую пищу. А в чувашском языке заимствованное *апат* (от русск. *обед*) употребляется в

¹⁰ В. И. Даль. Толковый словарь. Т. IV, стр. 673.

¹¹ См.: Н. И. Ашмарин. Словарь чувашского языка. Вып. IV, стр. 290.

¹² См.: Русско-чувашский словарь. 1951, стр. 863.

более широком значении, здесь оно обозначает вообще пищу, еду, кушанье: *вёри апат* «горячее кушанье», *çăмăл апат* «легкая пища», *выльăх апачĕ* «корм, фураж». Это слово в сочетании со словами *ирхи* «утренний», *кăнтăрлахи* «обеденный», *каçхи* «вечерний» обозначает время приема пищи: *ирхи апат* «завтрак», *кăнтăрлахи апат* «обед», *каçхи апат* «ужин».

Заметным расширением своего семантического объема характеризуется и заимствованное слово *самай* (от русск. *самый*). На чувашской почве оно приобрело дополнительно следующие лексические значения: 1) довольно много, значительно (*кунсем самай вăрăмланчĕ* «дни значительно увеличились»); 2) сносно, хорошо (*самай вĕренет* «учится сносно»); 3) легче, лучше (*пăсу самай-и?* «легче ли голове?»).

В древнерусском языке для обозначения стеклянного сосуда с горлышком употреблялось слово *скляница* (напр.: «У пьяницы на уме скляница», «Охоча старица до скляницы. Скляницу вина, да полтора блина, так и будет с меня»¹³). В чувашский язык это слово проникло в форме *кĕленче* и стало обозначать, кроме сосуда, и стекло вообще. В «Словаре чувашского языка» Н. И. Ашмарина приводятся следующие примеры: *кĕленче çăмартă* (стеклянное яйцо), *темиçе çĕршер хут пысăклатакан кĕленче* (увеличительное стекло), *кĕленче алакăш шĕкĕ* (шкап со стеклянной дверью), *сахат кĕленчи* (стеклышко часов), *кĕленче курка* (стеклянный ковш), *кĕленче савăт* (досл. стеклянная посуда), *кĕленче савăчĕ* (стеклянный завод), *кĕленче шăрса* (мелкие бусы из некрашеного стекла) и др.¹⁴ В данном случае мы имеем дело с переносом значения посредством метонимии.

Среди дооктябрьских русских заимствований имеется ряд слов, расширивших свое лексическое значение с переходом из имен собственных в нарицательные.

К подобным русским заимствованиям можно отнести слово *саккам*, русский источник его — Закамье (название местности за рекой Камой). Из истории известно, что в XVIII веке многие чувашские крестьяне в связи с земельной теснотой, с усилением феодально-крепостнического гнета и проведением христианизации переселя-

¹³ См.: В. И. Даль, Толковый словарь. Т. IV, стр. 199.

¹⁴ Вып. VII, стр. 238—239.

лись в Закамье и другие районы. Тогда и проникло в чувашский лексикон слово *саккам*, которое здесь начало употребляться и как нарицательное имя. Н. И. Ашмарин в «Словаре чувашского языка» слово *саккам* переводит на русский язык и словосочетанием *новая земля*¹⁵. Таким образом, оно на чувашской почве употреблялось не только как название определенной местности (*Закамье*), но обозначало и новые земли вообще. Следует заметить также, что это слово употреблялось чувашами в значении «хорошо, приятно». В «Словаре чувашского языка» Н. И. Ашмарина приводится следующее выражение: *Утар пурайăсĕ саккам пурайăсĕ пек теççĕ* «Жизнь в пасеке очень хороша, приятна»¹⁶.

§ 3. Утрата исконных лексических значений и приобретение новых

Семантический анализ старозаимствований показывает, что среди них имеется небольшая группа слов, утративших в чувашском языке свои лексические значения и приобретших новые. Как отмечалось выше, такое явление имеет место лишь при устном заимствовании, а при книжном не наблюдается.

Порою очень трудно объяснить, почему же некоторые русские слова, заимствованные в чувашский язык в ранние времена, лишились всех своих лексических значений и получили новые, не имеющие ничего общего с семантикой оригинала. В этом отношении характерно слово *отнаккă* (верх.), *утнаккă* (низ.) (от русского противительного союза *однако*), широко употребляющееся в некоторых говорах чувашского языка. В русском языке *однако* употреблялось и употребляется в следующих лексических значениях: 1) союз противительный, то же, что *но* (напр., «Уже старик, *однако* бодр душой»); 2) вводное слово в значении *тем не менее, все же* (напр. «Вы, *однако*, не забудьте обещанного»); 3) междометие, выражающее сильное удивление или возмущение чем-нибудь (напр., «О! хороши и вы! *Однако*, это уж слишком») ¹⁷. На чувашской почве слово *отнаккă* (*утнаккă*)

¹⁵ Вып. XI, стр. 20.

¹⁶ Там же.

¹⁷ См.: С. И. Ожегов, Словарь русского языка, стр. 397.

лишилось всех лексических значений русского *однако*: оно здесь не употребляется ни в значении противительного союза, ни в значении вводного слова, ни в значении междометия, но зато приобрело совершенно новое лексическое значение: *сносно, удовлетворительно, легче*. Чаще всего оно обозначает улучшение состояния больного, его выздоровление. Приведем несколько примеров из «Словаря чувашского языка» Н. И. Ашмарина: Унтай вара *утнаккӑран утнаккӑ* пула пусларӑ «После этого (он) стал выздоравливать». Уна илтсенех, *утнаккӑ* пек пултӑм «Как только я услышал об этом, мне полегчало»¹⁸. Кроме значения «выздоровливать», это слово может употребляться в более широком значении: становиться легче, лучше, удовлетворительнее и т. д. Например: Кӑрӑк тӑхӑсан, *отнаккӑрах* «Если надеть шубу, то потеплее» (из речи жителя дер. Иштереккасы Чебоксарского района И. Морева). Кӑсал пурнӑс пӗлтӑрхинчен *утнаккӑрах* пултӑ «В нынешнем году жизнь стала лучше, чем в прошлом» (из речи жителя с. Кукшумы Бурнарского района Г. Уштрова). Ман ул пӗлтӑр *отнаккӑрах* вӑрентчӑ, кӑсал вара тройкӑ кӑна илет «Мой сын в прошлом году лучше учился, а нынче получает одни лишь тройки» (из речи жителя дер. Вускасы Чебоксарского района С. Дмитриева).

Трудно объяснить, что же лежит в основе такого полного разрыва лексических значений русского слова *однако* и заимствованного *отнаккӑ, утнаккӑ*. Ни в одном словаре русского языка к слову *однако* не указывается значение «легче, лучше, удовлетворительно». Можно лишь предположить, что на изменение лексического значения данного слова на чувашской почве могла повлиять его способность употребляться в значении *но все же, тем не менее, все-таки, как бы то ни было* для противопоставления положительного отрицательному (напр. «Он стар, *однако* бодр душой», «Хотя он раньше сильно болел, *однако* нынче стал выздоравливать»).

К подобного рода заимствованиям можно отнести *кулатник* (от русск. *колодник*). В русском языке *колодник* обозначал в старину арестанта в колодках, т. е. оно употреблялось в номинативном значении. А на чувашской почве слово *кулатник* утратило значение русского

¹⁸ Вып. III, стр. 334.

колодник и приобрело новое лексическое значение с оттенком экспрессивности, здесь оно превратилось в бранное слово, выражающее отрицательное отношение к людям, нарушающим порядок, совершающим плохие, неблагородные поступки. Например: Ах, колатнёк, пётм тетрадне лапартаса пётернё «Ах, окаянный, всю тетрадь испачкал». Ку кулатнёк ачисемпе мён тумаллаха ёнтё халь? «Что же делать теперь с этими окаянными мальчишками?» Следует заметить, что это бранное слово носителями чувашского языка, как правило, употребляется с оттенком мягкого упрека, в нем оттенок пренебрежения и отвращения отодвинулся на второй план.

На чувашской почве утратило свои лексические значения и приобрело новые и заимствованное из русского языка слово *матка́* (от русск. *ма́тка*), которое здесь обозначает жену и замужнюю женщину, тогда как в русском языке *ма́тка* в основном употребляется как анатомический термин, обозначающий внутренний орган женщины и живородящих животных, в котором развивается зародыш, и самку-производительницу у животных. Кроме того, *ма́тка* русскими в просторечии употреблялось и сейчас употребляется в значении *мать*, т. е. *женщина по отношению к ее детям*. Можно предположить, что это значение и послужило базой для образования значений *жена* и *замужняя женщина* в смысловой структуре заимствованного слова *матка́*.

Русских слов, заимствованных в чувашский язык в новых лексических значениях, можно было бы привести еще немало. Однако, следует заметить, что явление это по своей распространенности намного уступает сужению и расширению лексических значений заимствованных слов.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ОСВОЕНИЕ НОВОЗАИМСТВОВАНИЙ

Как было сказано выше, в советскую эпоху русские и интернациональные слова в большинстве своем заимствуются через печать, книжным путем, что заметно влияет на характер семантического освоения их. Это

обстоятельство и лежит в основе того, что лексические значения заимствованных и заимствуемых в послеоктябрьскую эпоху слов подверглись и подвергаются изменениям в сравнительно меньшей степени, чем лексические значения дореволюционных русских заимствований. В советскую эпоху участились случаи заимствования русских и интернациональных многозначных слов в том же семантическом объеме. В этом проявляется одна из характерных особенностей семантического освоения новозаимствований. Случаи же пополнения смысловой структуры заимствующего слова на чувашской почве новыми значениями встречаются лишь в просторечии, чувашский литературный язык такого явления вообще не знает. А явление, заключающееся в утрате всех лексических значений оригинала и приобретении новых, не наблюдается не только в литературном языке, но даже в разговорном.

Однако многие русские и интернациональные слова, как и старозаимствования, на чувашской почве подвергаются сужению объема значений. Семантическая характеристика заимствований (и дооктябрьских, и послеоктябрьских) показывает, что последние большей частью осваиваются не с расширением, а с сужением семантического объема. Это явление характерно не только для чувашского, но и для всех национальных языков народов СССР.

По признаку семантического освоения русские и интернациональные заимствования советского периода можно разбить на три группы:

- а) слова, заимствованные в том же семантическом объеме, что и в оригинале;
- б) слова, освоенные с сужением лексических значений;
- в) заимствования, расширившие на чувашской почве семантический объем.

§ 4. Слова, заимствованные в том же семантическом объеме

К этой группе заимствований прежде всего следует отнести слова, имеющие в русском языке не более одного значения. Это, в основном, имена существительные предметного значения, не имеющие переносных значе-

ний: трактор, комбайн, патефон, кинокартиня, радиоприемник, плакат, планета, космос, автобус, грузовик и др. Подобные слова и на чувашской почве не приобретают переносных значений. Следовательно, в чувашском и русском языках семантический объем их полностью совпадает.

В группу слов, заимствованных в чувашский язык в том же семантическом объеме, входят и некоторые многозначные слова.

Проиллюстрируем это на примерах.

Слово *литература* и в русском, и в чувашском языках употребляется в трех значениях: 1. Совокупность словесных, письменных произведений вообще, а также, в узком смысле, художественные произведения (поэзия, проза, драма) (*древняя литература—авалхи литература; теория литературы—литература теорийё*). 2. Совокупность произведений какой-нибудь отрасли знания, по какому-нибудь специальному вопросу (*политическая литература—политика литературы; сельскохозяйственная литература—ял хуçалах литературы*).

В русском и чувашском языках полностью совпадает семантический объем слова *лагерь*, которое и там, и здесь употребляется в двух значениях: 1. Временная стоянка, обычно под открытым небом в палатках (*пионерский лагерь—пионер лагерьё; туристский лагерь—туристсен лагерьё*). 2. Общественно-политическая группировка, направление (*лагерь мира, демократии и социализма—мир, демократи тата социализм лагерьё; лагерь империализма—империализм лагерьё*).

На чувашской почве не сузило своего семантического объема и заимствованное слово *документ*: оно здесь употребляется в тех же лексических значениях, что и русский оригинал: 1. Деловая бумага, подтверждающая какой-нибудь факт или право на что-нибудь (напр., предъявить свой документ — *хăвăн документна кăтарт*; из документов с собой имеется лишь паспорт — *документсенчен сума паспорт кăна пур*). 2. Письменное свидетельство о чем-нибудь (напр. Новая Программа КПСС — замечательный документ нашей современности — *КПСС сĕнĕ Програми — пирĕн вăхăтри чаплă документ*).

В чувашском языке полностью сохраняет объем своей смысловой структуры и слово *диплом*, которое здесь,

как и в русском языке, имеет следующие лексические значения: 1. Свидетельство об окончании учебного заведения или о присвоении какого-нибудь звания (напр., *педагогикă институтĕнчен вĕренсе тухине пĕлтерекен диплом* «диплом об окончании педагогического института»; *филологи наукисен кандидачĕн дипломĕ* «диплом кандидата филологических наук»; *инженер дипломĕ* «диплом инженера»). 2. Свидетельство, выдаваемое как награда за высокое качество экспонатов на выставке (напр., *пирĕн колхоза выставкăра мала тухнăшăн диплом пачĕс* «нашему колхозу за завоевание первенства на выставке вручили диплом»). 3. Письменная работа, которая защищается при окончании некоторых учебных заведений (напр., *унăн диплом проектне питĕ лайăх тесе хак пачĕс* «его дипломный проект оценили на отлично»).

Семантический анализ приведенных примеров позволяет сделать следующий вывод: абсолютное большинство подобных многозначных слов составляют такие заимствования, каждое значение которых носит терминологический характер, притом еще в чувашском языке для выражения этих лексических значений нет соответствующих слов, потому такие русские и интернациональные слова в чувашском языке полностью сохраняют свой семантический объем.

§ 5. Слова, освоенные с сужением семантического объема

В чувашском языке довольно многочисленны также слова, заимствованные в советскую эпоху из русского языка с сужением семантического объема. Так, например, слово *совет* в русском языке имеет следующие значения: 1. Название различных коллегиальных органов (Совет Министров; ученый совет института). 2. Совещание, заседание для совместного обсуждения чего-нибудь (военный совет). 3. Наставление, указание как поступить (дать хороший совет). 4. Согласие, дружба (жить в любви и совете). Слово *совет* при заимствовании в чувашский литературный язык сохраняет лишь первое значение, носящее терминологический характер (*Министрсен Совечĕ* «Совет Министров»; *Верховнăй Совет* «Верховный Совет», *ученăй совет* «ученый совет», а другие три значения при заимствовании отпадают, так как для выражения данных понятий в чувашском языке име-

ются соответствующие слова *канашлу* (военный совет—*сар канашлаве*), *канаш* (дать совет—*канаш пар*), *килештер* (жить в совете—*килештерсе пуран*).

Слово *костер* в чувашском языке употребляется лишь в терминологическом значении (*пионерсен костерё* «пионерский костер»), а для передачи русского слова *костер* в смысле «горящая куча дров, сучьев», т. е. в обычном, не терминологическом значении, имеется соответствующее слово *кавайт*.

В эту группу слов входит также целый ряд грамматических терминов. Например: *предложени, обстоятельство, дополнени, приложени, согласовани* и другие, употребляющиеся в чувашском языке лишь в терминологическом значении.

Русских слов, заимствованных в чувашский язык с сужением своих лексических значений, можно привести бесчисленное множество.

Из приведенных выше примеров видно, что русские многозначные слова заимствованы и заимствуются в чувашский язык, как правило, с терминологическими значениями, утрачивая нетерминологические, что объясняется наличием в чувашском языке соответствующих слов для выражения подобных лексических значений. Однако некоторые слова на чувашской почве могут лишиться и таких лексических значений, которые носят терминологический характер. Это также объясняется тем, что в чувашском языке для обозначения данных понятий имеются соответствующие слова (например, военный совет — *сар канашлаве*).

ИНСТИТУТЫ

§ 6. Заимствования, получившие расширенное значение

Третью группу заимствований по характеру семантического освоения составляют слова, освоенные в чувашский язык с расширением семантического объема. Явление это имеет место лишь в разговорной речи некоторой части населения, особенно старшего поколения.

Расширение семантического объема заимствований советского периода происходит путем переноса значений с одного понятия на менее широкое понятие.

Проиллюстрируем это на примерах.

Слово *милиция* в разговорной речи некоторой части чувашского населения употребляется не только в значе-

нии «административное учреждение для охраны общественного порядка и безопасности», но и в значении «рядовой милиции, т. е. милиционер». Например: *Енер перн яла икĕ милици килсе кайрĕс* (записано у жителя дер. Хыркасы Чебоксарского района В. Емельянова) «Вчера в нашу деревню приходили два милиционера (дословно: две милиции)». Паян Шупашкарта паллакан *милицисемне* тĕл пултăм (из речи жителя с. Кукшумы Вурнарского района Г. Уштрова) «Сегодня я в Чебоксарах встретился со знакомыми милиционерами» (дословно: (милициями)). Следовательно, слово *милиция* в просторечии приобрело новое лексическое значение «милиционер».

Слово *комсомол*, обозначающее Коммунистический Союз Молодежи, в речи некоторой части чувашского населения также расширило лексическое значение: здесь оно употребляется и в значении «комсомолец», т. е. «член этого союза»: *Ман ул комсомолсен поххинчен халь те таврăнман-ха* (С. Дмитриев, из д. Вускасы Чебоксарского района) «Мой сын с комсомольского собрания (букв. с собрания комсомолов) все еще не вернулся».

Однако следует заметить, что случаи расширения лексического значения новозаимствований единичны даже в просторечии. Это объясняется книжным характером заимствования русских и интернациональных слов в советскую эпоху.

ТІЛ БІЛІМІ
ИНСТИТУТЫ

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, мы проследили процесс длительного, многовекового влияния русского языка на чувашский преимущественно в области словарного состава. Следует учесть, что это очень сложная и широкая тема, для всестороннего освещения которой необходимо изучить обширный языковой материал. Так как настоящая работа представляет собой первую попытку монографического исследования данного вопроса в чувашском языкознании, автор не может претендовать на полноту освещения его. Ряд явлений, связанных с процессом влияния русского языка на чувашскую лексику, нуждается в дальнейшем углубленном изучении.

Однако и приведенный в этой книге материал дает возможность сделать следующие общие выводы, которые, несомненно, помогут читателю получить представление о наиболее характерных явлениях, связанных с процессом влияния русского языка на чувашский:

1. Чувашский народ в своем историческом развитии соприкасался с разными народами. Экономические и культурные взаимосвязи чувашей с такими народами, как татарский, арабский, персидский, восточнофинские, монгольский, удмуртский и др., не могли не отразиться в языке: в словарном составе чувашского языка находим множество слов, заимствованных из языков этих народов. Наиболее благотворное влияние на чувашский народ в экономической и культурной областях оказывал и продолжает оказывать великий русский народ. Чувашин с древнейших времен жили в непосредственном соседстве с русскими, и русские были для них учителями во многих областях жизни. Еще до присоединения Чувашии к Русскому государству, когда контакты чувашей с русскими были sporadическими, первые переняли у последних более эффективные методы ведения хозяйства, более совершенные орудия труда, а также некоторые элементы культуры. Об этом свидетельствуют русские слова, проникшие в чувашский язык в древние эпохи.

Интенсивность заимствования русских слов в чувашский язык зависела от того, насколько близки были взаимоотношения чувашей с русскими. С присоединением Чувашии к Русскому государству они стали несравненно более тесными, чем раньше. Начался новый период в обогащении чувашской лексики за счет русских заимствований, о чем свидетельствует заметное расширение сферы проникновения русских слов в чувашский язык.

С победой Великой Октябрьской социалистической революции культурно-экономические связи чувашского народа с русским народом становятся еще более тесными и близкими. Русский язык стал языком межнационального общения народов СССР. Это создало благоприятные возможности для массового проникновения в чувашский язык русских слов, а через посредство русского языка — слов из других языков мира.

Революционные преобразования во всех областях жизни чувашского народа выдвинули необходимость создания массы новых терминов (общественно-политических, производственно-технических, сельскохозяйственных, терминов, отражающих развитие социалистической культуры и др.). Общность экономической и политической жизни всех народов СССР привела к тому, что эти термины в большинстве своем начали проникать в языки народов СССР из языка межнационального общения. Общий лексический фонд, который начал складываться еще в дореволюционный период, в советскую эпоху неизмеримо расширился и продолжает расширяться быстрыми темпами в языках всех народов СССР, в том числе и в чувашском языке.

2. Влияние русского языка на чувашский проявляется не только в обогащении словарного состава последнего за счет лексических заимствований. Оно сказывается, кроме того, в заимствовании моделей русских слов, в образовании новых слов от русских слов или от их основ посредством чувашских словообразующих средств, в появлении в чувашских словах добавочных лексических значений. Все это способствует активизации средств самого чувашского языка в обогащении своего словарного состава.

3. Русские и интернациональные заимствования не составляют в чувашском языке какой-то особой группы

слов, отличных от природных, так как они вошли и входят в лексику чувашского языка, строго подчиняясь его веками выработанным грамматическим законам. Поэтому заимствования, как бы ни были многочисленны, не приводят к утрате специфики заимствующего языка, и совершенно беспочвенны рассуждения о том, что массовое заимствование русских и интернациональных слов приводит якобы к вымиранию чувашского языка.

4. В дооктябрьскую эпоху русские слова проникали в чувашский язык преимущественно через прямое общение чувашей с русскими, т. е. устным путем. А в советскую эпоху преобладающее место заняло книжное заимствование. В соответствии с этим в «технике» заимствования произошли заметные изменения, которые сводятся в основном к следующим моментам: а) раньше чуваша перенимали русские слова непосредственно из местных русских говоров, в советскую же эпоху основным источником заимствования стал русский литературный язык; б) в дооктябрьскую эпоху проникновение русских слов в разные говоры чувашского языка происходило неравномерно: в одни говоры заимствовалось больше, в другие — меньше; кроме того, одни и те же русские слова в разные говоры чувашского языка проникали в разное время; в наше время в области заимствования русских слов особенности говоров отодвинулись на задний план, уступив место общим признакам, сближающим разные говоры, что сказывается в почти одинаковой интенсивности и одновременности заимствования русских и интернациональных слов во все диалекты, говоры и подговоры чувашского языка; в) заимствования, проникшие некогда устным путем, на чувашской почве оформлялись в соответствии с произносительными нормами чувашского языка, при книжном же заимствовании русизмы и интернационализмы и в чувашском языке полностью сохраняют свой фонетический облик; кроме того, даже те слова, которые были заимствованы в чувашский язык в дореволюционную эпоху с большими фонетическими изменениями, приблизились к русскому звуковому оформлению. Все это привело к появлению новых фонем в чувашском языке; г) заимствования, проникшие в чувашский язык устным путем, отличались способностью приобретать новые лексические значения,

при книжном заимствовании этого, как правило, не наблюдается.

5. При массовом заимствовании из одного языка в другой возможны ошибки и крайности. Прежде всего, в языкотворчестве недопустимо злоупотребление заимствованиями. В языке чувашской периодической печати, отчасти и художественной литературы, можно встретить такие русские заимствования, которые употребляются без надобности, т. е. при наличии адекватных по смыслу чувашских слов. Мы считаем необходимым подчеркнуть следующее: если то или иное русское слово, употребляющееся в языке периодической печати без надобности, при наличии собственных слов, не успело еще войти в широкое употребление в разговорном языке, то следует в дальнейшем отказаться от него, имея в виду, что в данном случае употребляющееся в разговорном языке чувашское слово более понятно и привычно для носителей чувашского языка, чем навязываемое им русское. Такие русские слова, которые органически вошли в словарный состав чувашского языка, и литературного, и разговорного, искусственно заменять словами родного языка нежелательно, и нет в этом никакой необходимости и пользы.

ТІЛ БІЛІМІ
ИНСТИТУТЫ

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
Введение	5
<i>Глава первая. Основные лексические заимствования</i>	25
Раздел первый. Основные лексические заимствования дооктябрьской эпохи	26
§ 1. Русские слова, проникшие в чувашский язык до присоединения Чувашии к Русскому государству.	27
§ 2. Русские слова, заимствованные после вхождения чувашей в состав Русского государства	32
Раздел второй. Русская и интернациональная лексика, заимствованная в чувашский язык в советскую эпоху	68
§ 3. Расширение сферы проникновения русизмов и интернационализмов	70
§ 4. Роль печати в освоении русских и интернациональных заимствований	74
§ 5. Некоторые особенности заимствований в разговорном языке	79
§ 6. Общий лексический фонд языков народов СССР.	81
<i>Глава вторая. Кальки</i>	
§ 1. Калькирование — один из продуктивных способов обогащения лексики	86
§ 2. Кальки, созданные в дооктябрьскую эпоху	89
§ 3. Кальки, созданные в советскую эпоху	90
§ 4. Случаи злоупотребления калькированием	99
<i>Глава третья. Фонетическое оформление русских заимствований</i>	104
Раздел первый. Фонетическое оформление старозаимствований	106
§ 1. Общие вопросы	109
§ 2. Разный состав фонем	109
§ 3. Разница в произношении близких звуков и ее влияние на фонетическое оформление русских заимствований	114
	213

§ 4. Специфические закономерности в области чувашского вокализма и их роль в фонетическом оформлении старозаимствований	115
§ 5. Специфические закономерности в области чувашского консонантизма и их влияние на фонетическое оформление старозаимствований	123
§ 6. Некоторые случаи закономерной замены согласных звуков	129
Раздел второй. Фонетическое оформление новозаимствований	132
§ 7. Фонетическое оформление русских и интернациональных слов и 20-х и 30-х годах XX века	—
§ 8. Фонетическое оформление русских и интернациональных слов начиная с конца 30-х годов XX века	138
§ 9. Орфоэпия заимствованных слов	145
Глава четвертая. Морфологическое освоение русских заимствований	150
Раздел первый. Морфологическое освоение старозаимствований	152
§ 1. Имена существительные	—
§ 2. Имена прилагательные	158
§ 3. Глагол	162
§ 4. Морфологическое освоение заимствований, принадлежащих к другим частям речи	163
Раздел второй. Морфологическое освоение новозаимствований	165
§ 5. Имена существительные	165
§ 6. Имена прилагательные	181
§ 7. Глагол	188
Глава пятая. Семантическое освоение русских и интернациональных заимствований	193
Раздел первый. Семантическое освоение старозаимствований	—
§ 1. Сужение семантического объема русских заимствований	194
§ 2. Расширение семантического объема заимствований	199
§ 3. Утрата исконных лексических значений и приобретение новых	201

Раздел второй. Семантическое освоение ново- заимствований	203
§ 4. Слова, заимствованные в том же семантиче- ском объеме	204
§ 5. Слова, освоенные с сужением семантического объема	206
§ 6. Заимствования, получившие расширенное значение	207
Заключение	209

Редактор А. С. Отачкин
Худ. редактор В. Ф. Солодовников
Техн. редактор Г. П. Петров
Корректор Н. И. Иванов
Обложка и титул А. Алексова

НТ 02327. Сдано в производ. 16-VIII-1963 г. Подп. к печати 19-X-1963 г.
Тираж 2000 экз. Изд. № 274. Формат 84×108/32. Объем 11,08 печ. л.
Учетно-изд. л. 11,07. Заказ № 2744. Цена 43 коп.

Типография № 1 Министерства культуры Чувашской АССР
гор. Чебоксары, ул. Володарского, 5.

АХМЕТ БАЙТҰРСЫНҰЛЫ
СТЫНДОРҒЫ

ТІЛ БІЛІМІ

ИНСТИТУТЫ

